

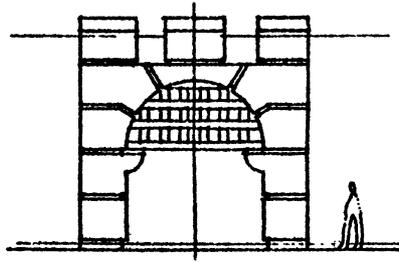
МИТИН ЖУРНАЛ

№ 50

МИТИН ЖУРНАЛ # 50

лето 1993

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Маузер за пазухой, а в перстне капля беладонны,
в буфете дорогого казино
вкус волчьей ягоды запив одеколоном,
под дождь выходит в черном домино.

Старинных зданий каменные кручи.
Во лбу трамвая номер роковой.
Поклонник Достоевского в падучей
на Невском бьется оземь головой.

Неонами и манекенами чреватые витрины
чреваты темной стороной Луны.
Легко погасит маузер старинный
во лбу трамвая номер сатаны.

Легко отправит капля беладонны
водителя трамвая в последний путь.
Запросто отправит капля никотина
любую лошадь в последний путь.

Полночных фонарей золотые апельсины
играют в электрический футбол.
Хитрые вампиры посжигали все осины,
никто не может изготовить кол.

Ты жалок, Петербург, как шкура волка
в очах охотника с ружьем наперевес.
Известный сатанист и оборотень Волчек
за доллары купил Тамбовский лес.

Но для чего нам перстень с беладонной?
Когда б не знать про вечный суд,
мы б напоили Волчека крюшоном,
в котором с ядом изумруд.

Валерий Артамонов

"Митин журнал" родился в декабре 84-го года. На гадкой кухне. За стаканом дешевого портвейна.

Было жутко. Царствовал Черненко. Всюду шныряла гебня. Писатели служили истопниками. Я сам сторожил чугунные болванки на складе завода им.Котлякова, аккурат напротив кладбища.

Все это миновало, как сон золотой. Нет ни портвейна, ни Черненко, ни гебня, а кто теперь сидит на наших местах в сторожках и котельных — не знаю, и знать не желаю.

Остался только "Митин журнал". Единственный из великого множества самиздатовских журналов.

Почему именно он? Понятия не имею.

Может быть потому, что не был политизирован и легче перебрался через все ухабы эпохи. Может, потому, что его авторы, за редким исключением, не нашли себя в коммерческо-конъюнктурном мире, точно так же, как не находили себя в партийно-гебешном. Какая, в сущности, разница?

Главное — журнал существует и, надеюсь, любим тем чрезвычайно узким кругом читателей, которому он, собственно, и адресован.

Привет!

Дмитрий Волчек

МИТИН ЖУРНАЛ N 50

лето 1993

поэзия

Татьяна ЩЕРБИНА. Без костюмов и пауз	8
Дмитрий ВОЛЧЕК. Из книги "Полуденный демон"	12
Владимир КУЧЕРЯВКИН. Караван из Шанхая	22
Хамдам ЗАКИРОВ. Изменения	34

проза

Аркадий ДРАГОМОЩЕНКО. Устранение неизвестного	44
Алексей ШЕЛЬВАХ. Поэма о сэре Ричарде Разочарованном	56

изыскания

Павел ГЕРШЕНЗОН. Бонжур, тристесс	84
---	----

по чужим страницам

Гарри ВУЛФ. Интервью с Авитал Ронелл, предисловие и перевод А. Драгомощенко	117
Виталий СТЕПАНОВ. Фрагменты словаря	132

из польской антологии

Юзеф БАРАН. Это уже не мы, перевод и публ. Андрея Базилевского	146
---	-----

коллекция

Фланнери О'КОННОР. Домашний уют, перевод Дм. Волчека	156
---	-----

архив

Пинхос ПОДРАБИНЕК. Страницы жизни, продолжение	176
--	-----

конец века и так далее

Ольга ХРУСТАЛЕВА. Конец века. -----	200
Михаил ТРОФИМЕНКОВ. Война конца века. -----	206
Юлия КИСИНА, Александр СЕКАЦКИЙ. Война как шедевр. ----	213
Александр СКИДАН. Рыба. -----	218

just so

Олег ШМЫРИН. Опубликованные письма -----	224
--	-----

Содержание Митиного Журнала NN 1-50 -----	237
---	-----

ПОЭЗИЯ

Татьяна Щербина

БЕЗ КОСТЮМОВ И ПАУЗ

Татьяна Щербина -- московский поэт и прозаик.

С 1991 года -- в Мюнхене, с 1992 -- в Париже.

**В Москве вышла ее книга "00" (Агентство Р.Элинина),
в Париже -- "Parmi les Alphabets" ("Среди алфавитов", билингва).
В МЖ публиковались стихи, эссе и роман "Исповедь шпиона".**

Бездарность к аскезе велит пощипать с колков
ниже взятой высокой ноты,
вальс меня крутит в пьяные повороты,
а подо мной разлеты ночных китов:
чрево нами набив, расправляют лопасть.
Мне высока эта вышка, но не сойти,
пропасть внизу, и мой дом -- это тоже пропасть,
руку дадут мне -- и чувствую снег в горсти.
Много внизу: в кружевах и бархотках мама,
в кобальте, золоте, ониксе -- у плиты,
и у меня без костюмов и пауз -- драма
в милой квартирке, впитавшей мои черты.
Мюнхен -- точеный, палевый, как ракушка,
а по Москве ураганы, бои, зверье,
я к ним привязана, как к простыне подушка,
простынь в крови, а у перышка острое,
буря-буран-буренка-бурят-бурчанье,
время пойдет обратно, с оси слетев,
я для кого-то грею бездонный чайник,
свет стал огнем на эловом вертеле.
Боже, как неотступна, недостижима,
хоть не храни -- сохранна, жива, больна,
рана, антенна, и ясно ведь, что вершина --
хоть не поймешь откуда возведена.

1992 Мюнхен

ОТ РОЖДЕСТВА

Я пахну любовью, наверное, спермой и потом,
наверное, силой, втолкнувшей в меня свет рождественской ночи
я всем помахала, я всех пожалела за входом,
я вышла, тобою подсвечена, в пенной сорочке.
Я Микровенера, я статуя, рук твоих тело,
Империя пала, а я, сохрaнённая жаждой
в ее напряженьи рискнула слететь со скалы и взлетела,
коль брать Вашингтон -- выше зданья Конгресса, но важно,
что ход незамедлен, неостановим, за висками
он в гроты ушные шлет влажное эхо, и только б
не высохла клейкая пленка, что правит мирками,
в которые можно богами войти ненадолго.
Мой привкус божественный кажется вкусом клубники
профанам, что лето и рай совмещают по теме,
и чудо услышать, как блик леденящей снежинки,
рождая Христа, размыкает земные сцепленья.

1992

Мишелю Адаму

По седому волоску
из меня выходит мука.
Трудно быть под стать песку
теплым берегом. Разлука
провела черту во мне.
Слишком поздно, слишком сильно.
Слишком трудно жить в волне,
в скользком гребне над пучиной.
Век ждала тебя, и ночь
в люльке вала серебрится.
Никому уже не дочь,
и себе самой не птица.
Будь со мной, любовь моя,
теплой вынеси из моря,
пока не сомкнут края
крыши, лестницы, моря.

1993 Париж

Дмитрий Волчек

Из книги "ПОЛУДЕННЫЙ ДЕМОН"

**Дмитрий Волчек (р.1964) --
поэт, журналист, литературный критик, переводчик.
Автор книги стихов "Говорящий тюльпан", СПб, 1992.
Живет в Москве.**

В.П.

твой антиной обрел хронический очаг
письмо из стэнфорда прощай воображенье
где корчится обутленный варяг
под масла душного кипенье

в столичном сумраке оттаивает дым
а там на берегу бессонном
хрипит удушенный евразия под ним
смыкает расцарапанное лоно

и ждет -- напрасно ждет -- когда заря
дойдет до калифорнии ленивой
где карамелью кормят индюшат
солдаты чопорны а нищие крикливы

1993

* * *

рабочий класс встречает месяц май
на кончике поблескивает сперма
играй гармонь о мать твою играй
про то как поступила с олоферном

коварная юдифь про то как вспыхнул куст
и спас господь исаака от закланья
играй гармонь про то как взмыл от уст
зола пух про то как на веранде

мы пили чай в андроповском году
вокруг уже черемуха сияла
и быдло жадно ерзало в саду
и змейка из глазницы выползала

* * *

дико-образ с продленным звучным о!
как семя пролитое в дортуаре
игнасио! хватает одного
цветка в анатомическом журнале

разъятый глаз в переплетеньи мышц
и кости в проволоке сухожилий
как ходишь ты как ешь ты и как спишь
не знаем мы -- собрали положили

рыжье и марафет и прочие дары
в кромешной тьме на жирные ступени
и выползли на свет из мерзостной дыры
пойми игнасио -- мы просто тени

такие же как те что говорят
у беккета из ямы оркестровой
где саблезубый тигр грызет наяд
и хуй стоит как факел двухметровый

1993

ДЕМОНЫ-ДВОЙНИКИ

1.

он не в шутку занемог
из цепей жемчужных рвется
это ли не алфавит?

выплывает царь морской
с дрозодилой между ног

что пурпурным сердцем бьется
и стрекочет и рычит
с первобытною тоской

катеты порозовели
danke! danke! в самом деле

мы расплатимся купюрой
мы отравимся микстурой
словно фиговый листок

danke! хлопнул между ног

2.

села птичка-лепездричка
подъезжает с лязгом бричка

посейдон идет волной
гомонит городской

мой последний! мой невольник!
на горохе стонет школьник

расступается вода
увлажняется пизда

бунтовщик глядит из клетки
омерзительною плетью
шварк да шварк по всей спине

будешь корчиться в огне!

пламя бьет сверкают жилы
что уставился служивый?
брось котомку на пенек

danke! хлопнул между ног

1993

* * *

зоре! зоре! по пещере
эхо булькнуло слюной
пробормочешь символ веры
го-поди! ступай за мной

в каждом коврике железном
промежуток должен быть
а присмотришься: там бездна
окунуться и забыть

как истлевшие пенаты
половицами скрипят
и топорчатся наяды
будто стая октябрят

1992

КАДИНО

скаут шорты приспустил
руки на груди сложил

это лирика сплошная
смутная и роковая

вцепится что твой удав
душит душит сука блядь

1992

* * *

ты весь со мной "от пейс до гениталий"
и пусть совдепия шумит
в ушах как плебс на карнавале --
боец не спит

он левой прядь перебирает
а правой -- в изумрудный пах
где сонный теплится израиль
в моих губах

1993

* * *

горел ли петербург? горел
горела ли москва? горела
из штабеля промерзших тел
старик вытягивает тело

больная жучка умерла
но было ей узнать отрадно
что злая шерсть ее пошла
на нить суровой ариадны

* * *

над расцарапанным столом
аптекарь с мухой летает
как бы резвяся и играя
солдату предлагает бром

но через несколько минут
наперекор его велению
предвосхищая наслажденье
взвивается тяжелый уд

он тряпки жалкие сверлит
вотще натягивает жилы
люциферические силы!
ангина кариес бронхит

стыдись: в покинутой дали
тоскует пальма одиноко
и воев наклонясь к востоку
когда проходят корабли

1992

Владимир Кучерявкин

КАРАВАН ИЗ ШАНХАЯ

стихотворения из трех книг

Владимир Кучерявкин (р.1947) --
петербургский поэт,
переводчик с английского и польского.
Публикации в журналах *Часы*, *Предлог*, сборнике *Круг*,
Митином Журнале

Из книги "МОСКВА -- ПАРИЖ С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ"

Поднимаюсь по лестнице

Это зал с колоннами четверорукый,
Где по стенам то свекла, то маленький морковка,
Где шевелится в клюве беззубом старенькой птички ребенок,
Уплывающий в стеклах старинных дверей на востоке Египта.

Раздраженной походкой и пахнувший голым
растрепанным зноем
Входит покрашенный врач и сверкает пальцами строго.
И снова стенка расправила ноги больные. Вздохнули старухи
И темной толпой побежали, подол поднимая.

* * *

В полупустом кинотеатре
Какой-то музыкант поет.
И бродит изредка прохожий
По мраморной зашарканной плите.

Играют юноши с восторгом в автоматы,
Щебечут за трибуной контролеры,
Бегут с экрана призрачные воры,
Плечом размахивая крылатым.

И я, пророк, на кожаном диване
Сижу в толпе, и грудь рассечена.
И черные в нее летят и лают птицы,
Где тень размахивает перьями во мраке.

Столовая на Каменноостровском

**В прихожей толстое за кассой что-то шевелится,
Пустая лампочка в углу, где падает лицо.
Волной проходит чей-то сонный запах,
А та -- в глаза плащом дохнула и ушла.**

**Пустые столики. И нет преград. Коньяк трепещет
В стакане, пронизающем сквозь стены.
И голый нос над вилкой нависает
И падает, как коршун, встречу мясу.**

* * *

Когда ворона, пролетая надо мной,
Разинет толстый рот и что-то важно скажет
И дальше кинется, задумавшись, проворная
И, размечтавшись, воспарит над крышей,

Мне видится прекрасный темный глаз
В том крике, в том молчании и взлете.
Глядит он, ласково кивая мне рукой,
И бровь величественно темную вздымает.

* * *

В долгом саду, меж статуй и старинных деревьев,
Где по веткам, как птица, бежит воробей,
Я тоже ходил, меж деревьев старинных шатаюсь,
Сердце свое пронося над прекрасной травой.

Греет в затылок тяжелое майское солнце.
Падал ребенок, криком терзая миры.
И повсюду собака лицо наклоняла вплотную,
Красною пастью душу пугая мою.

Сижу в "Гротe"

**Когда с похмелья веселый, некурящий
За стойкой парень бегаеТ и пляшет,
А в лице его и падает и бьется
Какой-то луч, как древняя страница --**

**Я пью коктейли, зажав в кармане бакса,
Ложусь на жесткий пол, кудахтаю, как птица,
Но рядом бледная на выкате соседка
Топорщит шубу во все стороны надменно...**

* * *

Гляжу в окно, где облако провисло
Над грядкою любимых огурцов.
Как будто стая бешеных баранов
Несется вдаль и бьет крылом.

Сосед потерянный меж грядок рыщет
В коммунистической покуда серой кепке.
Чуть рот раскроет -- побежали звери,
Как в словарях безумца Данта.

И ветер западный гуляет меж кустами,
Ерошит перья хлопотных сорок.
И Петербурга будто не бывало
Ни в снах, ни наяву кромешным строем.

Петербург, 1992

Из книги "КАРАВАН ИЗ ШАНХАЯ"

* * *

Когда беснуется в лесу автомобиль,
И деревья бегут к нему горячим строем --
Дорога вспыхивает тяжело,
Как некая безродная комета.

Вот вырвался в поля, осенний, одинокий,
Как листик желтый, оторванный от ветки,
Несется вдаль с протяжным тонким криком,
Блуждает между облак с темным ликом.

И вдруг -- исчез. Растерянные птицы,
И мы выходим меж деревьев в поле.
Взмахнет лучом темнеющей возница --
И даль осенняя прогнется больно.

* * *

Лето прошло. Полудохлые ходят под окнами тучи.
Где-то цыганы прошли, завывая, потом полегли и уснули.
Порхает по стеклам последняя тусклая муха.
Рассказывает, что-то о смерти, да неразборчиво, трудно.

Грядки все посерели, со всеми на них мужиками.
Расползаются, падают, полные спелой картошки с морковкой.
И осень гуляет по склонам загадочной буквой
И бьет хвостом в небеса, уходящие в небо.

* * *

Комар завис над бездной хлопнувшей ладони
И бьется, словно сердце в уголке миров.
И, окруженный жизнью, воздухом и писком,
Гляжу во тьму.

Тот глаз, как виноград роскошный и прозрачный,
Лежит ли до сих пор в долине черной?
Ушла ли ночью торопливая рука,
Где тени плачут?

В пустой кровати и немного как бы странной
Не слышно шепота, погасли крики.
И только рот железный раскрывает
Седой комар над ухом.

Пушкинские Горы, 1992

Из книги "ЗАЧАРОВАННЫЙ ПРУССАК"

* * *

Кошачий профиль кирхи надо мной летит.
Мелькнет в глазу машина, хлопая крылами --
И побежал по стенам светлый паразит
В своей прекрасной зыбкой раме.

Сверкает ночь искрой прозрачной диаманта.
Раскосый дождь, крича, над Пруссией пошел.
И снова мы: вокзал, собор, могила Канта,
Где, ослепительный, брожу я нагишом.

* * *

1.

Когда трепещет в воздухе зима
И холодом на окна прыгает и дышит,
И черные бегут в снегу вприпрыжку человеки,
И глазом друг на друга огненным глядят --

Мы пьем воскресный час, летим сквозь стены,
Как полупьяные под вольным пальцем стрелы,
И боги топают ногой, смеются, скачут
В ушах натянутых по космосу и чутких.

2.

Куда-то падает смешная голова,
И что-то в небесах непостижимо рвется.
Протянешь руку -- зашатались дома,
И с каждым шагом исчезают боги.

Уже зима. Повысыпали дети
На сладостный мороз. И зябнут ветки
Засыпанных деревьев. И пахнет сладко
Над черепицею летающее солнце.

Кенигсберг, декабрь 1991

Хамдам Закиров

ИЗМЕНЕНИЯ

**Хамдам Закиров (р.1966)
живет в Фергане.
Публикации в Звезде Востока
и Митином Журнале.**

"...Кого ты ждешь?"
Ш.Абдуллаев

"Радуйся, царица!"
католическая молитва

1

Наши глаза потерялись в глубине неба
понаделали в нем дыр и теперь слезятся от
долгого напряжения На головы
льет дождь ненужный и пустой но все же теплый
Кто может сказать о том что не видел
пролежни и пролысины скажут скажут и пояснят
некоторые отрывки иероглифы и значки и отправят
к исходной литературе в библиотеку
Улицы города ночью уже дома теснятся
друг к другу деревья столбы и прочая
уличная утварь расширяется (как в холодильнике
молоко в бутылке) Удивительно
как они не лопаются но природа благоразумна
всему находит предел утром
все придет в первоначальное состояние и свет
подползающего с росой и туманцем дня
только усилит чувства держащие нас в цепком
кулаке ночью и способствующие бессоннице --
одиночество страх одиночества жажда
одиночества -- ты знаешь все это не хуже меня
Тебя сжимает как ту ледышку в бутылке итак
тебя сожмет и с появлением первых
нечетких теней растопит и начнет болтать:
так ты проснешься

2

бег вернее бег наших глаз
за воздухом за снежинкой за ветром
за солнечным зайчиком на тротуаре
одна нога впереди другая сзади это
движение хотя от перестановки сумма
не должна бы меняться раз
два три тринадцать -- так ерунда --
когда не хочется думать в голове
все вертится как звук в магнитофоне
при перемотке пленки и непонятно
что бодрит или отсутствие
прохожих или их вялая
сонливая усталость

3

в потоке в поиске в испуге
своими руками удушенный
своими мыслями сведенный с ума
месяц над болотом ухающим булькающим и
шелестящим скрип дерева
переступающего с ноги на ногу дерево
это часовой точнее смертник (где поставишь
там и умрет) пробираясь сквозь землю вода
холодит его корни но нам
никогда не понять этого наслаждения впереди
тянет руки можжевельный куст на поляне
пень словно огромный волдырь
стягивает в себя весь перегной ночной лес
готов разорвать тебя и лишь внезапный
гул самолета сбивает тебя с ног оглушает теперь
ты свободен но только на несколько дней пока
все снова не станет на место

4

эй не имеющий ни имени лица тени я
принимаю глаза твои способные
испелить дерево встань встань
восстань или это так трудно или
через расстояния
слова мои не долетают наши глаза
где-то выются снегом падают градом
проливаются дождем пытаются
соединить наши устремления хотя они
быть может лишь односторонние
ах я глупец ты -- Все

5

Две двери (в дом и на улицу) крапива
у треснувшего дувала маленький
пруд -- в руках (стоит лишь сложить ладони
лодочкой и опустить их в воду)
Ты приближаешься это видно по твоей тени
которая медленно ползет ко мне но
звуки шагов неизменны и твой рост
не меняется ты говоришь но это видно
только по губам

Две двери (с улицы и из дома) дувал
превращается в сетку из линий-морщин
на грязном небе земля сыреет вода
исчезает впрочем как и руки и чувствуется
лишь наощупь пока не вытекает меж пальцев
и корни не повисают как сосульки или как
щупальца осьминога
Но ты приближаешься или это день
идет на убыль делая тени длиннее ты

говоришь но что я уже не узнаю при появлении
первых звезд я открою глаза

6

Мы говорим мы хотя не знаем что в нас
едино -- настроение или нечто глубже
Мы забыли что такое мы стали б иначе мы
ездить на машинах просиживать у экрана
Как ненавистна жара мы любим
далекие горы с их дождями дорогами угрюмой
травой и туманами сквозь которые
пробираясь кричим
от радости но этим скрываем свой страх
Нас нет в понятии слова нас потому что
мы слишком быстро устали от снега
бьющего прямо в лицо от мороза
сочащегося под куртки от ставших
привычными перемещений в пространстве
(туда -- обратно) во времени
(во столько-то)
Так идет жизнь:
мы читаем
но думаем о своем
мы пишем
но думаем о своем
мы знаем что Мы -- выражение немых
но думаем о своем

7

безмолвный монолог -- мягкое
дыхание твое на зеркало -- одно слово
и оно в испарине как в ванной
после принятия душа
в воздухе стиснутом стенами

словно вода в аквариуме
мечутся наши взгляды и похоже паркет
скоро научится отражать их блеск
впечатление голографии кажется
сделай движение и мир развалится
на все свои составляющие вдруг
по комнате пробегает волна и
резким боязливым движением
мы меняем позу

8

сквозь все
чему я подыскал слово "прочь"
сквозь дым двери
наручники и одежду
сквозь ветер
завязанный в петли замков
сквозь солнце
упавшее в наши ладони
я пронесу тебя
я узнал тебя
я не забуду тебя
я выпью тебя
вода

9

Тянешь вверх пальцы хочешь
дотронуться до неба но пальцы
нащупывают кожу своих же ладоней
и вращаются в удивлении пока ты
опускаешь руки

Это так незаметно но небо
разное даже если ты неподвижен впрочем

как и ты сам ведь ты не тот
что только что был здесь

Доверься небу которое
исчезает ежесекундно как люди
так долго бывшие рядом как пища
добытая с таким трудом как
вода которую ты
видел сейчас в ручье

10

Мы не можем дышать мы лишь касаемся небом
продолжаем смотреть продолжаем молчать
и думать: когда же
Мы ожидаем но наша надежда
продолжение страха что стучит в наших сердцах
с момента рожденья
Но мы продолжаем расти невзирая на трусость
в нас нет чувства меры в нас
нет чувства ритма
Нам никогда не понять друг друга и
хотя мы близки это совсем не то
Каждый в уме крутит тысячи версий каждый
пытается что-то достать для себя но так
чтоб ущемить другого не явно каждый
любит но эта любовь
слишком поздна -- они не страдают -- в них
нет состраданья
А ночь продолжает ползти напролом
сквозь балконы ночь
придает нам усердьё (кому-то усталость)
Дверь открывается -- я поднимаю глаза --
вам больше нечего скрыть:
все подсказано ночьюю

Твое я расслоилось
на обнаженное и на все прочие
Твои глаза придали взгляду теням и
бледности лица чистоту
слезинки что устремилась медленной шалью
дождем и снегом к земле с корявыми наростами ветвей
Радуга -- свидетельство нашей
неброшенности -- отголосок (возможно огня
покрывшего красным а затем черным свитки)
Пепел падал на крыши города
обложенного туманом как дорогая игрушка
в коробке ватой

Мы меняемся так: дождь туман снег
А снежинки -- те же звезды Давида те же
ястребы и бумажные самолетики
тлевшие на лету

Белая Луна на белом небе в центре
Большой Медведицы две звезды которой --
два глаза или две ноздри -- два ствола
охотничьего ружья
Это Стрелец и ты -- Дева --
расщепленная на дождь и снег
Все течет: твои пальцы шлейф твоего платья краски
и алмазы часов остановившихся
на без двадцати восемь

Прохожий с зонтом исчезает скрипя
обувью или снегом но все следы за его спиной
ведут в обратно туда
где рыба ускользает в мутную жижу
среди пяти зияющих ран
обугленных сигаретных фильтров --

из моих рук
с наших глаз
бутунлай

дувал (узб.) -- глинобитный забор
бутунлай (узб.) -- полностью, навсегда, совсем

ΠΡΟΖΑ

Аркадий Драгомощенко

УСТРАНЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО

**Аркадий Драгомощенко (р.1946) --
поэт, прозаик, переводчик с английского.
Публикации в России, Латвии, Узбекистане,
США, Англии, Франции, Германии, Японии.
Живет в Петербурге.**

Однако, покойной ночи, милая княгиня, -- уже становится поздно, а Вы знаете, какое значение имеет для меня сон, особенно в наименее благоприятные дни.

Рильке.

Ни одно справочное издание, не говоря уже о фундаментальных исследованиях, до сей поры не уделяли должным образом внимания этой шахматной партии. Гарь носилась в воздухе. Надо думать, что с точки зрения знатоков и тонких ценителей претворения количества в качество, склонных к мистике теоретиков эта партия ничем примечательным не выделялась. Она во многом была сродни таким же бесчисленным партиям, что разыгрываются из года в год на весеннем припеке в скверах и садах, когда вода мутна и тороплива. Город сиял иглой, впившейся в округность своей достаточности, существуя лишь как повод для прекрасного описания огня, пересекавшего воображение пылающими потоками листьев в настоящем времени. Шелковый путь связывает два зрачка. Меня не интересует -- что звучит в следующих словах: сожаление, ностальгия или слабость воспоминания, не обязанного своим существованием никому. Узлы яви. Розовый ноздреватый камень облицовки набережной. Каждый в итоге избирает собственную, наиболее ему присущую систему поддержания. Когда воздух легкий, искрясь, а вечер кажется неправдоподобным. Условие, переходящее в утверждение. Не только в садах, не только на берегах рек, но и в полуподвальных помещениях, украшенных при входе золоченым кренделем коня, едва ли не исчезающего за прозрачной стеной топологической грезы там, где дышат сумрачные розы и ведутся разговоры и плывущие тени имен наделяют женщин всем тем, чем по обыкновению их наделяют в несложных историях, плавно выходящих у врат слоновой кости. Раздуть. Тишина пориста, как угасающий камень стен, как

дребезжанье папиросной бумаги на гребешке. И еще раз раздеть. Расчесы уличных отголосков. Тогда мы не знали о том, что рано или поздно придется выговорить несколько слов о том. Прилежаник не придавалось должного значения. Что. Все же партия была не так уж плоха, как могло показаться. Кто. Дряхлость и чувственность розового колера, несколько крошащихся минут заката, затем натяжение причин. Было это и так, было это и эдак. Где. С самого начала слышатся неуверенные свидетельства очевидцев: игра овладела сама собой. До. О простоте, о сложности сказано не будет; не произнесу ни слова, говоря. Законы, в силу которых лица играющих приобретают выражение слепых. Мы (сомнительная фигура) медленно, -- но повторяю, отнесись с надлежащим вниманием! -- очень медленно движемся в сторону раскрытого окна. Куда распахнуто окно? Волосы их шевелит ветер. Мальчик на руках молодой женщины, на ней, вышитая голубыми колокольчиками по рукавам, блузка и темный сарафан. Теперь, много лет спустя, когда я читаю пьесу, написанную тогда, я ловлю себя на том, что вместо понимания написанного, проникая сквозь защитные механизмы письма, я обнаруживаю очевидную непроницаемость того, что было написано, которая исподволь порождает странное возбуждение ума, возмущая его косность, замещая непроницаемые системы ни на что не указывающих указателей новыми ресурсами непонимания. Я не знаю, что со мной происходит. Таковой могла бы считаться изначальная фраза любого романа. Не правда ли, -- это напоминает начало одной очень знакомой вещи. Позвольте, когда это было? В солнечном проеме двери темная полоса двора. Незнание, даже условно манифестированное придает объем жизни, пролегая между иллюзией и убежденностью. Я не двинулся дальше первой страницы. Экран предлагает путь вспять, в галлюцинацию нескончаемого стирания. Невидимое стоит некой сетью, распределяющей движения пальцев. Любовь не с чем сравнить, также как два голых тела. Этот новый эротизм, не находящий опоры ни в чем, не задерживающий субъекта нигде, привлекателен, как неоконченное предложение не пересекающее иное. Далее я следую только скорости, что означает иногда непомерно долгое зависание в фокусе мгновения, стирающего послышно место, обусловленное "мною". Судьба раскраивает риторику на фигуры не применения, но места имения. Не премину отметить, что у мальчика в руках колеблется ветка клена. Он ушел в нее, как уходит глубоко в благодарную воду, он несёт перед собой девственный невероятно цветущий лес, затаясь в нем, подобно утратившему очертания и назначение животному, сладостно

созерцающая пружину собственной невидимости. Начало тишайшей охоты. Слова равноправны и абсолютно безразличны к миру. Горсть. В 14 лет я уже знал, чем закончится рассказ, который, неведомо по какой причине мне необходимо дожить до конца, до самого его порога, о котором известно было задолго до того, как он начнется, но в окончание которого мое весьма состарившееся знание влетает невесомо, под стать паутине в волосы, или обжигающему дыму в асфальт, или заиканию в никуда. Таково начало: ступай в ванную, я еще полежу. Начни, или кончи. Либо -- таков внезапный приход осени, жаждавшей предложений, напоенных определениями, неизъяснимо уничтожавшими друг друга в бесцельном стремлении за пределы памяти, состоящей из одних пределов, одержимость передела которых уводит нас на этот раз в Беркли, в кафе Music Offerings, в наркотические тени имен, вьющихся над впадинами как бы в ожидании влаги -- "...things changed itself so fast! Right now I thought that origins of intentions usually lie in the unpredictable shadow of obsession what transforms... or, which it to say, reveal itself quite latter as addiction rather then..." -- "Then we likely suppose that the state of addiction is a focus of the very desire to restore an obsession? The dark point which cannot serve as a projections screen? Exactly, *this* is attractiveness of a "dark" mirror, as if there is a place where one apprehends a phenomena of (dis)appearance, which we imagine in turn as a tain... More tea?" -- "Thank you, Arkadii. We should slowly get ready, since my students are waiting for me. Isn't this a fun?.. Oh, I see, you are real addict!" Я потерял сигареты. То есть, я по-видимому оставил их на столе. Открой руку. Так. Какими капиллярами путешествует боль? Является ли она потоком или мельчайшим математическим телом, стремящимся к уравнению? Блуждающие по этажам сновидений. Садилось солнце. От полотна занавесок тянуло солью и холодом. Так было написано давно. Я с удовольствием пишу это и сегодня, я повторяю то, что писалось. Иные вещи более меня не привлекают. Они обречены оставаться где-то там, на ломкой желтой бумаге 70-х годов. Был ветер, а дальше, вероятно, был Бог.

Не разобрать, что было написано в постели ночью -- "я ловлю себя на... или же -- я... тебя... о". Меняет ли в моей жизни что-либо перестановка: "о" и "тебя"? Наутро сухости во рту, предполагаю: я ловлю себя на том, что... тебя, он..., либо -- я ловлю тебя на том, что... (смутное действие, запечатленное в чистой глагольной форме) себя. Все версии бесмысленны, единственно намерение принимается считать нить из пряжи обещаний. Такая модификация вируса вписывает собственную

среду. Длины не изменяются. Частично надписывает себя в резидентную память, вызывая затем осыпание букв. Осень письма. Но настоящая строка также вписывается в оперативную память читателя. Она также надписывает уже существующие словарные и синтаксические массивы, не увеличивая объема. И "осыпание" значений, возникновение иных вне контроля читающего, лишенных целесообразности, то есть покуда не присвоенных, не вписанных функционально в контуры прежнего, а-телеологичных, то чего я жду. Вирусология языка. Переводчик Ада -- Лозинский. Il n'y a plus en lui substance d'homme. Et la terre en ses graines ailees, comme un poete en ses propos, voyage... (St-John Perse). По возвращению из Китая мне не удалось двинуться дальше нескольких абзацев, -- как жаль, как жаль, сколько всего впереди. Эти страницы раздражают. Я ловлю себя на том, что со страницы считывается, -- или со странным усилием пытаюсь выговорить то, как по артериям какого-то персонажа всегда принадлежащего тому, что "было" минуту назад, текла кровь, то есть, как если бы персонаж был вполне жив. Что освещает мертвых? Солнце, только солнце обладает властью приближать умерших. Победоносное солнце, плодящее червей. Потом ее взгляд останавливался на некоей вещи, в качестве которой можно избрать все, что находится в этой комнате: пыль на столе. Является ли пыль вещью? Отнюдь, пыль это -- множество вещей. Тогда как великое множество книг -- это одна вещь, неустанно следящая странствия пыли. У фашизма всегда слишком человеческое лицо. Я вижу с ухоженными ногтями пальцы. Они смыкаются на леденцовой шее белого офицера, выдвигая его вперед, тогда как противник делает все от него зависящее, чтобы собрать ореховые листья. "О, я помню, как собирала тогда их ты после всего, осень была полна лунами, обгоревшими по краю, но и воздушными капками, в которых мраморные спирали ветра вели тяжбу". У цирка я увидел Ольгу Хрусталеву и Александра Блока. Ольга издала махнула рукой. Как я понял, это означало приглашение присоединиться к разговору.

- Вы знакомы? -- спросила Ольга. Блок кивнул головой, что могло пониматься двояко. И то, что мы виделись, и то, что он рад новому знакомству.

- ... и конечно же, ваши голубые глаза, -- после легкого поцелуя в щеку продолжила Ольга разговор, начавшийся по-видимому задолго до моего появления. Кто кого поцеловал в

щеку? Кто задал вопрос. Как мы теперь относимся к утверждению?

Ее замечание касательно синевы глаз несколько насторожило меня. Александр смотрел на мусорные весенние воды Фонтанки. В очертаниях "есть" появилось несколько крошек табака, их нащупали пальцы в кармане. Изменения протягивали отражения по линиям воздуха, в чьих кварцевых расчетах остывали линии заката. Лиризм вынужден. Связность, связанность оборачивается неодолимым расторжением, как если бы всевластие соединенности, выношенное в мечтах внезапно выказало свою подчиненность законам разложения. Гниющие образы, феноменология гниения, огня, лишнего привлекательной оболочки метаморфоз, мира. Вестибулярный аппарат расстраивает систему взаимоотношений с землей, лишая ее завершенности пространственного расположения. Неизвестное не является устранением известного. Компьютер -- точка притяжения и очарования. Локус игры жизни/смерти. Клавиатура, отпускающая пальцы в безошибочное странствие скорости. Однако двусмысленность: выключенный он существует как мертвое тело, обладая объемом, весом, цветом, запахом. И если бы не знание того, что он может находиться в ином состоянии, мы легко назвали бы это тело просто вещью. Но мертвое тело обещает воскрешение. Смутная, странная линия, пересекавшаяся до недавнего времени только в одну сторону, стала открытой границей. Граница оставлена. Впоследствии она утрачивает и символический смысл. На мосту дуло. Лед звенел далеко внизу. И все таки черта эта остается, проведенная в мозгу борозда, -- поскольку щелчок, click, включения/переключения означает разъединение/соединение, или изменение наличного времени в том числе. Возможно пространства. Множество монгольфьеров парит по субботам над Солано Бич. Радужные пузыри беспечной потери веса и скрипящего от ветра Asti Spumante. Но эта линия остается, пролегая в той и другой области одновременно -- какая из них вторична? какая отзвук, ответ другой? Возможно эта черта бегущая расположения заменяет собой все. Каждое мгновение отслеживания буквы есть акт пересечения, и тем не менее избегая себя в определении, в постоянстве скорости, двусмысленность продолжает мерцать как бы остатком на сетчатке. Горят костры. Попытка удержать отсутствие и присутствие в акте одновременного устранения того и другого в миг перехода, которому не суждено оборваться ни чем: ни жизнью, ни смертью.

- Да-да, я слушаю. -- ответил, спохватясь, он.

- Да нет же. Слушайте, пойдете-ка на Финляндский, а там и продолжим. Можно и выпить... -- предложила Ольга. И повернется ко мне:

- Понимаете, это не просто убийство, не обыкновенная абстрактная загадка, задача, предложенная случаем как версия банальности, обрамленная рядом неординарных обстоятельств. Это проблема... перевода.

- Именно, тогда я решился войти, -- после паузы сказал Блок. Голос его звучал стесненно. -- Утром, я вошел в комнату, а надо сказать, ночь была для меня чрезвычайно беспокойной. Этой весной поют какие-то другие птицы. Они намного крупнее прежних.

- Да конечно, голубчик! -- сочувственно отозвалась Ольга.

- ... но как я уже говорил, она лежала на своем диване, в крови. Я далек от того, чтобы во всем винить новых птиц. Разумеется, в первый же миг я понял... но все же непонятно зачем наклонился, -- я разглядел, что нож рассек ей шею почти под подбородком. Знаете, как это бывает, когда внезапно видишь все с необыкновенной остротой. Например, вы летите в самолете на высоте 9000 метров и видите все внизу, как сквозь магический кристалл. Кровь залила простыни, пеньюар, однако нигде не было следов, которые могли бы внушить мысль о насилии! Кровь уже стала коричневой, какой-то зернистой. Я подумал о краске, которой красили очень давно заборы на Охте. Я потрогал пальцем ее рот. Он был чрезвычайно тверд. Я подумал, не убирая пальцев с ее губ, что вчера... или это уже было для меня как бы сегодня? -- они обжигали меня. Мне не хотелось бы вдаваться в подробности, к тому же вам, наверное, это довольно известно, -- когда все твои ощущения сосредотачиваются, сходятся в одной точке, в одно место, а все остальное тело как бы отсутствует, присутствуя в осознании собственной незанятости, опустошенности. Мне кажется, в этом и состоит иллюзия орального секса. В комнате было жарко натоплено. Мы избегали открывать окна, поскольку, как я полагаю, мы хотели довести одиночество наших отношений до некой крайности.

- Мы? -- невпопад спросил я. Смерть открывает время вне заинтересованности. Мы отбрасываем "тень" в эту область, не в состоянии ее увидеть. Все равно, как не видеть своих эскрементов. Человек сходит с ума, продолжил Хор.

- Так я иногда воображал, что было бы куда как хорошо, если бы ее комната находилась где-то под землей, очень-очень глубоко, куда не проник бы ни единый звук, а я бы иногда вспоминал лишь, как там шумят деревья. Много деревьев. Но вспоминал... Вы понимаете меня, Ольга? Вспоминать о настоящем. Вы заметили, как изменяется повествование? Внизу обитают комары, святые, крысы и гномы.

- Вы слишком обожаете свою мать, Александр, -- заметила Ольга.

- Обижаю ли я ее... Нет, я ее люблю, я к ней нежен, но... видите ли, обижать... мне думается это нечто иное. Мне нужно большее, нежели объятия, но что означает это большее? Отгадайте, Ольга. Вам предоставляется прекрасный случай. -- Он прикрыл рот рукой.

- Не знаю... Возможно вы любите женщин как-то иначе, нежели они привыкли, чтобы их любили?

- Сомневаюсь, хотя, вероятно вы правы. Никто не любит, чтобы их разбирали на части.

- На части? -- деланно удивилась Ольга и украдкой показала мне на часы.

- Именно. Мне думается, что драма детства заключена в невозможности вернуть прежний облик кукле, которую ты распотрошил, пытаясь узнать, что у нее внутри, но глухоту которой тебе не избыть. Некоторые в детстве разбирают часы. Однако смешно говорить, будто так они хотели бы понять время.

Серьги тоже. Они образовывали умственный узор, который мне не удавалось прочесть, под стать тем словам, которые полустертыми проступают на застиранной марле снов. Ошибка.

Я посмотрел на солнце, тронул языком губы, почувствовал налет соли на них, а затем ощутил вкус городской пыли, чья

тонкая кора состояла из различного рода окислов. Свет путался в голове стоявших. Со стороны Пантелеймоновской церкви шел Василий Кондратьев. Несколько масштабов нашло возможным наблюдать его продвижение в перспективе. Бесстрастный наблюдатель мог бы сделать вывод, что присутствующие видят не одного, но нескольких Василиев Кондратьевых, соединяющих масштаб воды, обжигающей каменную кладку, масштаб падающего шеста и дремотного коршуна, ключющего в излучине локтя. Пропорции шествия одного в одном. Возможно никто ничего не мог поделаться со светом, как если бы пчелы внезапно обрушились на волосы и вошли темной рекой лезвия в тело, разделяя его на тень воспоминания и воздушное отражение неясного отказа. Моя тень была при мне, как и мое время. Я вспоминал твои серьги: острые брызги летучего металла в мочках ушей, тусклая жемчужная мелочь на крыльях носа, дымное плетение под нижней губой, повторяющее себя, уменьшая себя к подбородку несколько раз, зеркальные кольца, замкнувшие соски и ниже, тесно и сумрачно -- на клиторе. О татуировках мы поговорим позже.

- И что же? -- спросила Ольга. -- Вы хотите сказать, что впоследствии все усилия направляются на то, чтобы научиться собирать разъятое?

- Это похоже, но не так, -- улыбнулся Блок. -- Вот вы открываете орех и видите, что он пуст. Вы складываете половинки и с замиранием сердца переживаете некоторое время, чтобы вновь его раскрыть. Иногда для этого используется нож. Но... как бы это сказать, *it is really wrong way!* Да, но только для первого раза, а после будет намного легче, если принять к сведению, что я люблю ее, как прежде. Потом, достаточно легкого прикосновения и это раскрывается, как бы само по себе. Что к тому же похоже на то, как если бы попросить женщину...

- Но, помилуйте, ведь это куда как легко... более того, это обычно делается перед белой стеной. К тому же, мы постигали свое время по своему каждый. Вот у вас есть белая стена? Вы садитесь перед ней и слой за слоем устраняете все возможные проекции.

- Нет-нет! Тут, Ольга, вы допускаете очевидную ошибку. В моем случае речь идет именно о накоплении проекций и ожиданий, с тем, чтобы затем выявить магистральные, что ли,

изначальные, скрытые цензурой, воспитанием, опытом и, конечно же, упованием.

Кто слушал почками тяжкий шум, летящих к земле яблоч, кто исписывал тетради неиссякаемым сочетанием двух-трех букв, начинавших вибрировать смутными смыслами по мере того как страницы сменялись страницами, которые, мнилось, рано или поздно удастся постичь, набравшись терпения. Частностей всегда предостаточно. Их всегда больше, чем в состоянии схватить обобщение, стремящееся предстать знанием. Частность трупa, лежащего навзничь на плоскогорье пыльного весеннего утра, представляется сгущением образа, самого акта воображения, отягощенного накапуне вовлечения в таксономно смерти. Терпение -- это первое. Второе -- двусмысленность явления и исчезновения, точнее процесс схватывания одного через другое. Пишущий уже написан. Трюизм, не избывший своего очарования и силы. Пишущий написан потому, что он хочет, чтобы так было. Мы отправляемся в странствие по узлам нескончаемых пересечений высказываний как другого/других, так и собственно пишущего. То, что есть -- независимо от опыта, постоянно постигается в результате опыта и опыт этот не есть то же самое, что состояние или порядок вещей, опытом которых он является. Весенний снег. Ветер. Каждая вещь таит в себе абстрактное действие. Город также, возникая со всех сторон одновременно. Вчерашний поступок равен любому поступку в будущем, которое якобы уже описано, лучше сказать вписано в меня намерением это будущее принять в обрамление интенции таковое будущее счесть неминуемым. Плотность цветного монитора лишает письмо прелести ночного бдения. Бенгальский треск мотыльков. Как если бы пугеводная нить сматывающаяся с клубка со временем прекращала свою функцию, поскольку переставала бы существовать в остающемся пространстве -- подобно моему телу, этой изначально уже прекращающей себя в пути наследования нити. Несколько предметов вполне заменяют мир, неуклонно и медленно сводя себя к еще меньшему в себе количеству. Шум. Вот что главное -- шум, в котором угадывается все: голоса, птичьи вскрики, гул утра, -- нет ничего, чего не умещал или не обещал бы в себе шум. Ни одного действующего лица. Искривление луча. Ночью солнце неожиданно являет себя во вспышке сетчатки. Ах, это снова мальчик на руках молодой женщины? Как замечательно вышита ее блузка, как легка она, несмотря на то, что несет какого-то мальчика на руках. Становится довольно прохладно. Продолжение, продление, иллюзия непрерывности возвращает

к моменту, который с некоторых пор все чаще останавливает желание его минут. Сколько всего сказано мной за прожитое время? Птица встает в угольный пласт, пластаясь рядом с отрицательным слепком листа папоротника. Конечно, самое таинственное в пьесах Чехова происходит в промежутке между действиями. Мне всегда хотелось попасть в антракте на представление, где возможно было бы узнать о всем том, что заслоняет прямое действие. Узкая дверь. В лицо летит сквозняк. Слезятся глаза, однако зрение вполне различает актеров. Нет никаких внешних обстоятельств, которые могли бы повлиять каким-либо образом на ход событий. Внутренние? Невозможно. Ты опускаешь ладонь в воду. Преломление речи. Какая трещина раскрывает это столь тщательно сокрываемое окружающими несоответствие? Материнский язык, в котором, казалось бы, мы могли обрести начало, (иные говорят о свободе познания в именовании/ постижении, чья тяга к мельчайшим частицам, уплотняющим окружающее и как бы увлекающим в свое пульсирующее движение поразительна, -- каждая с таким странным ответным согласием как бы готова стать единственным зеркалом), оказывается тем же хрупким, хотя возможно и первым покрывалом, сокрывающим все ту же бессловесность, беззвучие, нескончаемое разреженное пространство непереводаемого ни на какой ни в будущем, ни в прошлом язык. Таково твое настоящее, скорее всего сводящее меня ни к моему бытию, ни к бытию другого. Пробел, место, где свет также безразличен как и тьма. Вы давно не писали. Приключилось что? Да-да. Замечательно. Как вы смогли узнать? Движение мусора в весеннем ручье, движение спички, подносимой к сигарете, движение души -- что общего во всех движениях? То, что ничто не движется, ничто не перемещается, либо -- колода фотографий в ловких пальцах prestidigitатора искрится, с треском проливаясь нескончаемым ливнем образов неподвижных, как лед, невзирая на смехотворные усилия найти хотя бы малейшие признаки значения. Не было никакой речи, не было никаких слов. И только вот это НЕ, у которого неартикулировано даже Т, арктическим зеркалом возвращает бесконечно усилия проникнуть за, выйти за порог его чудовищного постоянства, все более явственно вступая в свои права. Однако, вот вино; надеюсь, оно вам придется -- разумеется, не такое уж оно старое, простенькое, но попробуйте, глядите, оно в меру терпко, не слишком сладко, словом, вино для нас, живущих в области high memory, я бы сказал в сфере разреженной памяти. Мгновенные переключения также образуют орнамент, воспитывающий зрение. Не слух. Воронка уха

превращается из Мальстрема, монотонно носящего по отвесным стенам отражения надежд (реальный мир раскалывается на слышимое беззвучие и видимую безвидность -- вероятно мы изменились, мы видим то, что никто до нас не мог и помыслить увидеть в створах зрения) в нелепое изображение улитки, урагана, в центробежном движении пеленающего настоятельностью собственное бессилие. Движение денег не подвластно стихии слуха. Тайная мечта алгоритмических систем: тотальное упразднение денег -- беззвучность языка, этого шелкового пути, нити, спадающей с кокона неразличимости. Доверчивость их удивляет. Порча, которую они несут в себе от рождения со временем превращает их в восковые персоны. Таким образом я дошел до предпоследней страницы, где прочел следующее: "О памяти он говорит на сто пятидесятой странице." Все изменилось, теперь о памяти я пишу исключительно на первой и опять на первой странице как бы обеспечивая резидентным программам нужное пространство -- ни дать ни взять своего рода магия. В дальнейшем, возможно, появятся описания восковых кукол. Может быть существует две книги? Три (четыре, N-е число) женщины, одна книга и мелькнувшая в разряде прикосновения пальцев рукопись? Я не спрашиваю: "Что?". Теперь этого мне не нужно. Я совершенно спокойно переворачиваю неразрезанные листы книги, не испытывая нужды в ноже, не испытывая ни малейшего желания узнать то, что хранят в себе сложенные страницы. Возможно в недалеком будущем я буду способен прочесть все на ощупь -- то есть не прикасаясь к блеклой россыпи тиснения. Если конечно я вновь не вернусь к мысли об убийстве и избавлении, точнее о редукции. Здесь остановка. Здесь выходить.

Алексей Шельвах

ПОЭМА О СЭРЕ РИЧАРДЕ РАЗОЧАРОВАННОМ

**Алексей Шельвах (р.1948) --
поэт и прозаик.
Автор книги стихов "Черновик отваги" (Спб, 1992)
и романа "Ирои-комическая поэма" (МЖ NN 25-27).
Публикации в России, США, Канаде, Польше.
Живет в Петербурге.**

Рыцарскую школу окончил с отличием. Отверг однако распределение в престижную свиту. Был горд (беден).

Доходы от поместья и награды, коих устаивался в ристалищах, -- все и тратилось на приуготовление к ристалищам сим: ремонт лат, лекарства...

Да, на жизнь зарабатывал участием в ристалищах, но -- каковым!

В семидесятые годы на весь христианский рыцарский мир заявила о себе троица юных забияк из Нортумберленда (северная Англия). Юнцы сии колошматили чемпионов во Франции, Италии, Германии. Даже в Новгород занесло их однажды и тамошние сиволапые долгоножки потирали ушибленные бока.

О странствовавшие неразлучно, бедные безупречно, энергичные круглосуточно сэры Ричард, Эдвард и Роберт! Просто поглядеть на англосаксонцев уже было приятно: рыжеволосы, румяны, синеглазы. На пиршествах поили кого ни попадая, заодно и побитого супротивника, не отказывая растолковать, каким именно приемом побит был.

Утром не похмелялись, выливали на голову ведро воды как водится со льдом, приступали к тренировкам. Сэр Ричард, в обиходе дружеского общежития Дик Молчун, тренировался всех дольше, всех упорнее, результатов добивался исключительных. Малютка Эд и Робин Торопыга единогласно избрали его играющим своим тренером.

Лепешку в голодный день делили на три равные части, но и во дни удач не бывало меж ними разборок. И бабам, то бишь женщинам, то бишь дамам прекрасным раздружить не удавалось. Дамами и не увлекались. Нет, ухаживали, конечно. Водили на выступления трубадуров. Но увлечься никем не успели -- рыцарский долг призвал в Палестину.

При осаде Акры убит был Малютка Эд, два друга изнурились рыданиями, лежали как два трупа подле могилы третьего.

Сарацинские лазутчики, прокравшиеся при свете своего полумесяца в лагерь крестоносцев, споткнулись о бесчувственные тела, связали их, отволокли в плен.

И надумали пытать. Но едва были принесены пыточные снасти, друзья пришли в себя и сразу после -- в ужас, а ужас вернул им, значительно увеличив, силы. Порвали путы! Прорвались к транспортному парку! На верблюде быстро отплыли в пустыню.

Скитались, умирая от жажды и голода. Приметили на горизонте караван. С воплями напали. Выбили из рук конвоя мечи. Перебили незадачливый сей конвой.

А караван шел с грузом льда, это сарадины в перерывах между битвами любили в палаточных сераях своих полакомиться еще и мороженым.

И вот Робин Торопыга мечом вспорол мешок, оголил голубую глыбу и грыз, грыз, постанывая от наслажденья. Совсем ошалел от жажды. Ричард увещевал друга быть поосторожнее, -- куда там. Торопыга отвечал, что ему стыдно за легкомысленное -- ведь ведрами! -- расходование воды -- со льдом ведь! -- при былых похмельных обливаниях. И продолжал грызть. А к вечеру стал изъясняться жестами. У него начались жар и бред. Утром Ричард тщетно тормошил труп.

Мечом в левой руке маша воздушным стервятникам, мечом в правой выкопал могилу. "Зря ты не послушал меня, Торопыга", -- сказал над безыскусным холмиком, а слезы, капающая на раскаленный песок, шипели и испарялись.

Сызнава от горя лишился чувств. Был подобран караваном, шедшим к морю с партией военных пленников для переправки их в Испанию.

Переправили и погнали мимо лимонов и лавров на серебряные рудники. Но тут подоспел отряд крестоносцев -- освободили!

Среди освободивших нашлись участники прежних международных ристалищ, сии восторженно помнили сэра Ричарда и способствовали его назначению командиром подразделения.

Много лет воевал в Испании. Такого навидался и наиспытывался, -- к сорока годам выглядел на шестьдесят: волосы как дым, зрак стеклянный. А в ненастье ныли почки, еще смолоду отбитые. И работая мечом в ежедневных битвах уже через четыре часа утомлялся, вынужденно отбегал в арьергард. Сие не главное!

Устал вот именно что морально. Роскошная природа испанская примелькалась, приелись вина испанские и сласти.

Допустил ошибку в заурядной битве, едва не погубил подразделение, -- и лекарь посоветовал взять отпуск, отдохнуть в умеренном климате.

Некоторый рыцарь, тоже по состоянию здоровья покидавший Испанию, предложил для отдыха свой замок на берегу Женевского озера. Сэр Ричард, пожав плечами, согласился. Самым заманчивым представлялось вернуться в Англию, в Нортумберленд именно, в замок наследственный, заняться

хозяйством сельским. Или работой тренерской с юношеством рыцарским. И, быть может, жениться.

Но, ежели честно, не был готов к возвращению. Полжизни на чужбине, шутка ли. При звуках родной речи, конечно, вздрагивал, но плохо уже помнил пейзажи, обычаи, историю Англии. Откладывал и откладывал возвращение.

И прибыл в замок на берегу Женевского озера. И время препровождал по мнению окружающих престранно: на крепостную стену поставил лавку, от утра до вечера сидел и глядел на озеро.

Это он вспоминал прошлое. И всего чаще прошлое спортивное. О молодость, молодость. Трибуны требовали -- и галопировал к барьеру, а герольды скороговоркою комментировали, а шеренга пажей декламировала посвященную ему балладу, и видел скачущих справа от себя Малютку Эда и слева Робина Торопыгу, оба без шлемов, хотя и воспрещал им избыточное сие удалство, -- о други, други, с развитыми по воздуху волосами, румяные, синеглазые, некогда живые!

Но помнилась и пустыня, два холмика рукотворных в слепительном блеске...

Смеркалось, и спускался в пиршественный зал. Съедал индюка и выпивал свою норму -- кувшин. Прислушивался к разговорам собравшихся.

О, рыцарство за столом собиралось именитое и интернациональное. Все так или иначе знали друг друга по крестовым совместным походам, по упоминаниям в поэзии трубадуров. Без переводчика беседовали о международном положении, о путях развития феодального общества, о ристалищах и прекрасных дамах.

Поведению сэра Ричарда удивлялись умеренно: англосаксонцы вечно хандрят. Чтобы расшевелить его, кто-нибудь начинал:

"Да, кстати, что касается Англии: король Иоанн притязает на абсолютность и посему бароны скликают храбрецов сражаться за Хартию вольностей. Сэр Ричард, что лично вы намерены предпринять? Присоединитесь к баронам?"

И понимал, что надобно присоединиться и посражаться, но и чувствовал, что не проникся идеями баронов, не врубился в историческое значение Хартии, слишком долго отсутствовал и не вправе вмешиваться. А просто как баран бежать вслед за баронами -- прощу покорно.

И бабы, то бишь женщины, то бишь дамы прекрасные не привлекали, сколь ни старались. Вернее, он вот что прикидывал и соображал:

"А ежели действительно вернуться на Родину, быстренько так помочь баронам, заодно приискать девицу, или разведенную, или вдовушку, да и жениться в самом деле. И ускакать вдвоем в Нортумберленд навсегда. На хорошем скаку ободрительно обернуться к подруге: "Там, там жилище предков моих и какое-никакое помест...!" И подруга, от подпрыгивания в седле раскрасневшаяся и запыхавшаяся, ответит: "Не ради поместья следую я за вами, сэра Ричард!"

В замке отдохали и несколько дам, одна из коих нацелилась на сэра Ричарда. Поднялась к нему на стену, затеяла диспут:

"Ужели толь интересно глядеть на озеро, когда перед носом объекты не менее примечательные?"

Ничего не ответил дурочке.

Тогда подстроила столкновение к коридоре, темном и довольно таки узком, чтобы пройти, не посторонясь. И не посторонилась. Ну что, ну задрал юбки, не обращая внимания на попискивание, поначалу притворное, а уж после и нешуточное. Удовлетворился и прошел в пиршественный зал, где собравшиеся обсуждали на сей раз инициативу шотландского короля начать очередной, четвертый по счету, крестовый.

"Ваш опыт, сэра Ричард, был бы полезен шотландскому молодому королю", -- стали убеждать, но отмалчивался, с отвычки заняло в паху, сел за стол.

Никогда не робел с бабами, в спортивном прошлом отбою от них не было, посему легко пренебрегал ради тренировок. В Палестине пробавлялся теми, коих по вербовке привозили из Европы (на галерах), с теми не церемонился тем паче.

Еще ни разу в жизни не довелось восхититься до помрачения очей, до трепетания всех членов, не только одного. Но и когда же было восхищаться? Жизнь жил исполненную мужества: сызмлада ристалища и битвы, а пиршества преимущественно в полевых условиях, с привлечением разве что тех, привозных, восхищаться коими невместно.

Короче. В нынешнем зрелом возрасте презирал баб с первого ихнего звука, а уж утром и зрак на них не глядел.

Ну чего давешней не сиделось за столом со всеми? Иль невдомек, что ветеран ищет уединения, чтобы осмыслить пережитое? Нет, она пристаёт и очень даже нагло пристаёт!

Облаживая ногу индюка, услышал, что за столом -- тихо. Оглядел собравшихся. Оказывается, в замок прибыл трубадур и за дальним краем стола уже настраивает инструмент.

Внешность трубадура была типическая: бледный, со взором исподтишка горящим. В зеленой куртке и желтых панталонах. И патлы как у модных английских музыкантов.

Присмотрелся и -- ну точно! -- признал соотечественника. Только пятнадцать лет тому не был трубадуром. Подвизался в качестве герольда на лондонских ристалищах. Оглашал имена участников, комментировал удачные удары. А нынче, значит, сделался трубадуром. Скорее всего, он и сообщил о намерениях шотландского короля.

Имени бывшего герольдишки не помнил. Тут в зал вошла давешняя, села рядом как ни в чем не бывало. Наглая! В паху заняло пронзительно. Вот что значит давненько не... отмахнулся от услуг валета, сам взялся за горлышко кувшина, налил, выпил.

Трубадур ударил по струнам, заорал, сразу и выяснилось, что слабоват, подражает. И не кому-нибудь, а Бертрагу де Борну, ни более, ни менее. Так же надрывался, бия что было мочи по струнам.

Сэр Ричард к творчеству трубадуров относился сдержанно. Сам и не тщился, полагая, что мозг его, многожды сотрясавшийся от ударов мечами и палицами, вряд ли способен произвести что-либо путное. В рыцарской школе однако учил провансальский, юным рыцарям вменялось знание поэзии. Слушал трубадуров и на пиршествах, иные песенки звучали премило. Умел оценить метрическую изобретательность, подбор слов, мелодию. Но претила концепция куртуазной любви! Fin' Amors! Fin' Amors! Не верилось в духовные совершенства Прекрасных дам! Малютка Эд смеялся:

"Дику не хватает чувства юмора, чересчур буквально понимает поэзию!"

Может, и не хватало чувства юмора. И с возрастом, выходит, чувство сие утратил напрочь. Пустозвонов концепции сомнительные выслушивал с раздражением. Да где встречали они дам своих прекрасных? Наяву ли? Налил и выпил.

Взять хотя бы давешнюю. Просто для примера, зачем далеко ходить. Ах, ах, bella donna. Давеча пищала как драная кошка, а теперь сидит величаво и глазом не моргнет. Своего достигла! И что самое отвратное: изображая внимание песне, уж верно измышляет, как бы еще разик со знаменитым рыцарем. Вот и сущность сей доппы.

Из всех трубадуров уважал только Бертрана де Борна. В Испании познакомился с ним лично. Нормальный мужик, образцовый рыцарь. Впечатляло, как он сорванным голосом орал суровые свои сирвенты. Исполнив сирвент, поднимал руку, пресекая овации:

"Поберегите ладони гладить по головам чад ваших".

Популярность его была велика. Покуда сэр Ричард добирался до Жсневского озера, останавливался на ночлег во многих замках, и во всех без исключения юные рыцари, хлебнув для хрипоты холодного пивка, орали на пиршествах бертрановы сирвенты. Но юношеству заимствование таковой манеры исполнения где-то даже полезно. Вкупе с текстом исполнение таковое бодрит и самого исполнителя, побуждает его мужествовать. Профессиональному же трубадуру подражание не к чести. Налил и выпил.

Меж тем бывший герольдишка не спешил уgomониться. Правда, хрипел уж не подражательно, а натурально, на последнем издыхании. Бряцал однако как заведенный. И более того -- тешил публику! Сэр Ричард удивился, прислушался.

Э, воспевалась некая, несть им числа, уж такая вся и прекрасная, и премудрая, и пре-, и пре-... Но воспевалась неумело: низким слогом и нимало не мелодично.

А рыцари рычали одобрительно! И это рыцари, выдавшие виды! Совсем, что ли, обалдели от безделья здешнего? Вот именно им и пора в очередной крестовый. В сраженьях припомним, ежели подзабыли, подлинные критериумы. Малютка Эд, когда, утыкан стрелами, кончался на руках сэра Ричарда, тоже лепетал вирши о Прекрасной Даме, не собственного, правда, сочинения и концептуально тоже сомнительные, но толь виртуозные по отделке, что невольно помыслилось:

"С виршами на устах толь виртуозными и умереть не зазорно..." Се критериум. Бедный, бедный Малютка Эд!

В паху сызнава заныло, и затосковал сэр Ричард, ох, затосковал. И, слушая нудную канцону, дивился невзыскательности публики. Рыцари продолжали рычать, а доппа давешняя избражала восторг, -- сие как раз не ново. В первую голову ради ихнего внимания и заливаются трубадуры. И сим дурачат юношество. Юношество дает допп'ам обеты и отправляется в походы, а допп'ы -- известно, что за допп'ы, и обеты всегда поспешны и смешны. Бедный, бедный Малютка Эд! тосковал сэр Ричард, и наливал, и пил. И нить в паху перестало.

Тут и пустозвон взвыл заключительно, побряцал заключительным аккордом. Отступил на шаг, поклонился. Потный был,

красный. Рыцари рукоплескали, а давешняя восклицала: "Бис!" Оглушила левое ухо.

Не скрывая досады, сказал кому-то вправо:

"Слабые ведь вирши. Что уж этак восторгаться".

Справа, оказывается, сидел ветеран крестоносного движения старец Болдуин. Лет семьдесят тому при осаде Дамаска каменное ядро проломило лоб юному Болдуину. Потерял сознание и никогда уже не нашел его вполне. В госпитале всех заколебал околесичами. Признали негодным к крестовым походам, отправили обратно в Европу. Всю дальнейшую жизнь гостевал в замках санаторного типа на правах инвалида и ветерана. Бражничал, волочился за дамами, толковал, не смущаясь ранением, о любых предметах, но пуще всего, в силу склонности, о поэзии. Чтобы послушать трубадура не ленился пересечь герцогство или королевство. В собственном замке не был с юности, поместье разорили соседи, но старца Болдуина занимали проблемы только поэзии.

Завзято сей вострепенулся и возразил сэру Ричарду:

"Вирши, не спорю, несовершенно, зато правдивы".

Постеснялся оставить без ответа суждение заслуженного деятеля. Но спорить не умел и не стал.

"Да, полно, слышали мы, слышали песни сии", -- только и ответил.

"Но виконтесса Икс воистину необыкновенная женщина!" -- заметил подошедший хозяин замка. -- Ведь именно виконтессу вожделывал в канцоне наш гость".

"О да! да! необыкновенная Прекрасная Дама! -- загалдели рыцари и повернулись к сэру Ричарду. -- Право, прежде чем отправиться в очередной крестовый, вам следует заглянуть в замок Икс, благо оный поблизости. Убедитесь, что поэзия не всегда жлет, и наверное обрящете в конце концов Даму, достойную обетов".

"Ха-ха-ха! -- ерепенился. -- Не верю!"

Но уверяли, наседали, -- и рассердился окончательно. Не умел спорить. Поднялся и вышел. В коридоре, впотьмах, наскочил на кого-то, отпихнул. В комнате не зажг свечу, завалился в одежде на ложе. Сквозь слез грезилось сизое ворсистое поле, на заднем плане высилась (грезясь, грезясь!) белая башня замка наследственного. Впрочем, запомнил, как и выглядит оный. Не исключено, что грезился один из множества, в коих останавливался по обстоятельству беспризорной жизни. "Болтаюсь по свету как... как Болдуин! О, не вчера ли утром по окончании церемонии посвящения в рыцари (не вчера!) поскакали три выпускника-отличника из глухого северного угла в Лондон и далее

езде, на честный поединок выкликая судьбы свои? До сего дни доскакал лишь я, знаменит повсеместно, уважаем, ценим, однако -- одинок! Ни семьи, ни, очень даже возможно, земли. Болдуин я, Болдуин. Ведь запросто соседи за толь длительное время отлучки могли присвоить и землю, и замок. Нет, ребята, пора домой, в Нортумбрию, в Нортумбрию!" -- решил и уснул, и проснулся, не изменив решение.

Не стал никого будить, самостоятельно облачился в латы. Стараясь не звенеть башмаками по каменным ступеням, спустился в конюшню. Оседлал своего вороного. По-англосаксонски покинул замок.

Целое утро скакал по безлюдным лесным дорогам. Тогда большинство дорог в Европе были безлюдными и лесными. Скакал на север с тем, чтобы переправиться в Англию, на месте разобраться в политической обстановке и помочь баронам, ежели дело их правое. Мысленно спорил с вчерашними оппонентами:

"Придумают же: Дама, достойная обетов! Знал некоторого рыцаря, давшего даме обет добраться до Палестины с закрытым правым глазом. И там еще год воевать, повязку с глаза не снимая. Добрался только до Венгрии. Убили его разбойники на безлюдной лесной дороге. Оно и понятно, одним глазом поди уследи за обступившими, пускай сии всего лишь любители с дубинами. Неминуемо пропустишь удар по затылку. И пропустил. А дама, проведав о гибели его, испугалась и сказала: "Впервые слышу таковое имя". Вот и все, чего добился обетом своим".

Так рассуждая, скакал и вдруг заметил, что по обеим сторонам дороги широкошумные и густолиственные дубравы сменились сухостоем. Замелькали деревья ветхие, стволы в стружьях. Серая трубчатая листва занавещивала дорогу, шумела о шлем. Воздух тмился тучами пепла. Обутленные пни толпились навстречу. Дороги не стало.

"Что за притча?" -- недоумевал, но внутренне и внешне был уж готов к приключению.

Лес вовсе прекратился. Черная, выгоревшая простерлась равнина, местами поросшая седым и, вероятно, огнеупорным волосом. Воздух сделался горяч и, как слюда, темен.

И повезло, что вовремя натянул поводья! Ведь затормозил у самого края -- ущелье раздваивало равнину! И по узкому дну точилась речка, но какая же несоразмерно себе дымная и, сквозь прорехи в дыму, какая же красная!

Заглянул -- и жаром обдало лицо! Шлем мгновенно раскалился!

Скинул латные рукавицы, скинул шлем. Держась за мочки ушей, озирался в поисках моста. Подобрал, когда остыли, шлем и рукавицы, поскакал налево. Скакал, скакал -- нет моста. Поскакал направо. Скакал, скакал -- увидел мост. Да и не мост, а зыбкие над ущельем мосточки, уже и пылающие.

И посредине мосточков в пламени размахивал некто руками.

Наскоро помолился и -- эх, где наша не пропадала! -- по вихляющимся досточкам пришпорил коня! Прихватил на скаку за шиворот кого-то! Миг -- и уж все трое на той стороне!

Но за миг сей латы успели толь раскалиться, что вынужден был выброситься из седла. Орал, извивался, пытаясь разоблачиться. Не сумел самостоятельно и бегал трусцой взад и вперед, покуда не остыли латы. Устал, конечно, и прилег на землю. Вспомнил, что ведь спас кого-то. Но кого? Огляделся и изумился: чумазый, как сарацин, в истлевших одеждах старец Болдуин отвешивал благодарный поклон.

Честно говоря, сэр Ричард обрадовался знакомому лицу в незнакомой местности. Обнял, спросил с добродушным хохотком:

"Ты зачем же, старый обалдуй, берешься преодолевать препятствия, кои преодолеть заведомо не в силах? А ежели бы я не случился кстати? И вообще куда скачешь ни свет ни заря?"

"Туда же, куда и ты, -- ответил старец, подмигивая. -- В замок Икс, к виконтессе. Ах, Ричард, я и не сомневался, что ты случишься кстати. Уж таковы условия жанра".

"Все ты врешь, -- нахмурился сэр Ричард. -- Я скачу на север, чтобы затем переправиться в Англию и сражаться за Хартию вольностей".

"Да? Правда? Ну, извини, Дик, извини, -- подмигивал Болдуин. -- Всегда я ляпну лишнее. Сказываются последствия черепно-мозговой травмы. Значит, не в замок Икс. И зря, ей Богу, зря. Общение с виконтессой..."

"Далече отсель до замка? -- оборвал болтуна. -- В смысле доберешься в одиночку?"

"О, разумеется. Смело скачи сражаться за Хартию, обо мне более не тревожась".

"Да ты пешком, что ли?" -- поразился сэр Ричард.

"Пешком, пешком. Стеснен в средствах, не могу себе позволить. Ничего, привык. Идучи, напеваешь любимые вирши, размышляешь о прекрасных дамах. Мили так и мелькают".

Сэр Ричард колебался: благородно ли оставить чумового старца на краю пропасти. Инвалид все же. Свалится не ровен час. Но и нервировал независимостью поведения старец сей.

Спросил как умел осторожно:

"Болдуин, и не прискучило тебе? Сидел бы дома, в собственном то бишь замке. Ведь, прямо скажем, не молод. Хочешь, подвезу? Давай, а? Где он, твой собственный, в каких краях?"

Болдуин в ответ толь затрясся от смеха, что с него посыпались ислетвшие лохмотья. Размазывая слезы, стал вылитый арап.

"Спасибо, Дик, спасибо, как-нибудь в другой раз. Ты поспешай, куда там тебе не терпится, в четвертый крестовый или за Хартию сражаться", -- и вдруг сызноа подмигнул. Дурик и есть дурик. Сэр Ричард еле сдержался, чтобы не выбраться.

"Ну и ладно, -- буркнул уже в седле. -- Бывай".

И поскакал, не оборачиваясь.

Совершив подвиг, обычно чувствовал себя человеком. Дышалось легче, двигалось ловчее. Ну точно как в юности после ристалища. Почему и пристрастился совершать.

Но три дни без подвигов -- и панцырь мнился тесен, с окружающими становился груб, никакие скидки на англосаксонское происхождение не выручали. В санаторном замке только тем и спался, что созерцал озеро со стены.

И вот давеча перескакивая ущелье, надеялся вернуть на миг юношеское самочувствие.

"Так нет, надобно было напомнить о вчерашнем! Испортил настроение Болдуин. И, главное, сомнение какое. Он, видите ли, знает, куда я направляюсь. В замок Икс, к виконтессе. Да с чего вдруг? Эка вчерашние нахваливали ученость ея и набожность, здравый смысл, тонкий вкус! А виршам-то рукоплескали посредственным. Шибко разбираются ребята в поэзии. Любопытно было бы поглядеть на предмет. А ну как подлинно хрюша виконтесса? Но слышали мы, слышали песни сии. Нет, ежели сериозно и положила руку на сердце, то должно признаться: когда странствующему рыцарю за сорок, ему, конечно, хочется встретить на жизненной стезе Даму, пускай не идеальную, но понимающую. Вот о чем напишите. Напишите о рыцаре, коему не удавалось восхититься духовными совершенствами дам. То ли попадались не те, а попадались те еще. То ли не примечал совершенств никаких, кроме телсных. И неприметливости собственной тоже не примечал, почему до времени и не крушился. Но с возрастом стало грезиться сизое ворсистое поле с

белой башней на заднем плане, грезилось, что на скаку оборачивается к некоторой даме и объясняет:

"Се жилище предков моих и, надеюсь, наших с тобою потомков!"

И подруга с красным от ветра лицом (грезясь) подпрыгивает в седле и отвечает:

"И я надеюсь, и я!"

Подругу хочется приискать именно крепкую, надежную, чтобы при осаде замка, ежели соседи присвоили оный, оказалась небесполезна.

А то ведь как пустозвоны описывают идеальных-то своих. Оные непременно блондинки с белым выпуклым лбом, уста алые, зубки жемчужные, хотя и свои, но как сему поверить, глаза лучезарны, а кожа толь прозрачна, что сквозь даму местность обозревать возможно, узкобедрые, узкоплечие, грудка как у птички, старому солдату и подержаться не за что, голосишко пискляв, но, по заверениям пустозвонов, именно ангельского звучания. Но допустим существование таковых в реальности, допустим. На что же пригодны? Украшать и озвучивать внутреннее помещения? Весьма сомнительно, чтобы в неотапливаемых башнях портумберлендских прижились пичуги сии.

Но ежели поразмыслить, амазонки опаснее. Хорошо помнится история некоторого рыцаря из Линкольна. Влюбился в отличную даму. Отличную от пресловутых. Сия скакала верхом, играла в мяч на равных с мужчинами, владела многими видами холодного оружия. На пиршествах исполняла сирвенты Бертрана де Борна, аккомпанируя себе на мандоле. Эх, настоящему рыцарю желанная жена. Все настоящие рыцари завидовали удачнику, когда добился взаимности. Но уже на исходе медового месяца дама пить в замке запретила, на пиршества не ездила и мужа не пускала. Он-то предполагал странствовать вдвоем, на скаку обсуждать вирши, плечом к плечу сражаться с драконами. Она же наплодила детишек, сделалась поперек себя шире. В быту будучи тяжела на руку, выпускала рыцаря только по делам, каковые ему сама и измысливала. В Ирландию гоняла за плиткою зеленого камня для облицовки замковых стен. Во Францию отпустила на ристалище, но с заданием привезти модные гобелены. Однажды сэръ Ричард встретил удачника на лесной дороге, сей возвращался из Палестины, куда послан был за листовым стеклом. Амазонка, на сквозняки сетуя, застеклить пожелала амбразуры замковые во упреждение простуд детских и собственных. Рыцарь к разговору был практически не способен, все подбегал к телегам, ощупывал обложенное соломой стекло.

"Ежели не доведу в целости, прибьет меня стерва", -- вырвалось у него унылое. Латы на нем позвякивали, толь горемыка трепетал внутри оных.

Сэр Ричард тогда же дал себе зарок жениться лишь после откровенного собеседования с избранною дамой, выведав позрения ея на совместную жизнь.

Ныне, о сем неудачнике вспомянув, вспомянул и зарок.

Сызнова скакал лесными безлюдными дорогами. Птицы щебетали толь звучно, что гудел шлем. Настроение улучшилось, но почувствовал голод. Замок покинул натошак, и ежели утром с похмелья было не до еды, то теперь досадовал, что погорячился, ничего не прихватив из провианта.

Решил сделать привал, почистить латы.

Но едва спешился, услышал слева от дороги женские крики: "Спасите! Помогите! Насильничают!"

Чертыхнулся, однако обнажил меч, поковылял в чащу. Продирался чрез заросли, в шлеме худо различал, откуда крики, но забрало поднять опасался, опытный.

И с треском провалился в яму, по грудь! "Бу-бу-бу!" -- бубнил, барахтаясь.

Нет, сосредоточился, напряжился, из всех сил подпрыгнул и -- не так ловко выпрыгнул, как умел в молодости! Чрез решетку забрала отрасль густолиственная вся забила в рот!

Ничего, ничего, энергично жевал горькое крошево, давился, но двигался в направлении женских криков.

Вступил, шумно дыша, на поляну. Не поздно ль? В центре поляны стояло мохнатое, великанское, человекоподобное. Пред ним, как ворох ветоши, валялась дама. Монстр обеими лапами держался за детородную дубину и обильно обрызгивал жертву перламутровыми звездами.

"У,-" говорил монстр, глядя на дубину.

Сэр Ричард тотчас сообразил, что здесь происходит. Поднял забрало и заорал:

"Ну ты, неублюдок, урод, выродок, прекрати немедленно сим делом заниматься!"

И начал изготавливаться к поединку: опускать забрало, расставлять ноги пошире.

Однако монстр набежал толь проворно, дубину взвел толь недосыгаемо, ахнул же ею по шлему сэра Ричарда толь мощно, что в незапном мраке сэр Ричард опрокинулся на спину.

А когда очнулся, всхлипами наполнил воздух.

Сел, поднял забрало, в глазах двоилось.

Неподалеку на корточках монстр, лапами прикрыв прожежность, раскачивался и всхлипывал. Даже верхи деревьев заляпаны были алым.

"У-и, -- всхлипывал монстр. -- У-и".

Превозмогая головокружение, встал. Монстр, все на корточках же, запрыгал к чаще, протаранил себе собою же проход и скрылся.

Зашевелился ворох тряпок, из коего высунулась растрепанная дама. Она истерически смеялась и кричала:

"Победа, сэръ Ричард, победа! Мы победили!"

Но тотчас и разрыдалась, уткнулась в рваные свои юбки.

Скинул латные рукавицы, снял шлем. Двумя перстами, кривясь от отвращения, сорвал с шишака кровавый лоскут чужого мяса, отшвырнул в чащу:

"Пришивай на досуге!"

Протянул даме руку, приглашая встать.

"Ты? -- воскликнул. -- Ты как тут?.. Ты что тут?.."

"К подруге я ехала, -- отвечала плакса. -- Между прочим, к виконтессе. В тот же замок, куда и вы, доблестный сэръ Ричард. Хи-хи".

Сие нежданное ехидство нежданно и взбесило. Сам на себя подивился, сколь зашумело в ушах. Или следствие удара по голове прочувствовал наконец полнозвучно? Нет, к ударам по голове был привычен. Э, как бы там ни было, смолчал. Пред ветреницею ли распинаться, ей ли растолковывать историческое значение Хартии вольностей? У оных весьма определенные вольности на уме.

А дама уж отряхивалась, уж поправляла прическу.

"Как же ты чрез ущелье перебралась?" -- все же спросил, все же было любопытно, как же она чрез ущелье-то перебралась.

"Ущелье? Не знаю никакого ущелья. Оседлала ослика и поехала, а сей дурачок вдруг как выскочит..."

"Погоди, погоди, ты ведь ехала сначала лиственным лесом, каковой затем сменился сухостоем, так ли? А уж после простерлась пред тобою черная выгоревшая равнина..."

"Ничего не простиралось. Ехала себе и ехала, а когда дурачок выскочил и ослик с перепугу взбрыкнул, я свалилась, дурачок потащил меня в чащу и... и..." -- и она сызнова разрыдалась.

"Ну ладно, ладно, -- выполняя в таковых обстоятельствах рыцарский долг, стал утешать и даже похлопал даму по спине. - Никто, кроме меня, не видел, а я никому и не скажу..." -- а сам косыми тоскливыми взорами искал ослика. Неужто придется доставлять даму по месту ея следования?"

"Тебя как зовут-то?" -- спросил, чтобы не молчать.

"Мадлен", -- не чинясь представилась дама.

"Ну пошли, Мадлен, -- сказал, вздохнув, -- пошли на дорогу, поищем твоего ослика".

Они продрались сквозь заросли на дорогу и увидели искомого ослика, беседующего с конем сэра Ричарда.

"Отлично! -- вскричала дама. -- В корзинке, к седлу притороченной, я везу подруге три бутылки вина и жареную индюшку. Мы имеем полное право откупорить бутылочку и отметить победу".

Услыхав сии посулы, ест захотел зверски. Кроме отрасли, ничего не употреблял в пищу сего дни.

Белокурая этакая бедокурка, прелестно Мадлен разругнулась, синие глаза ее заблестали. Опасался, как бы распитие бутылки не свелось сызнова к распутным ее выходкам.

"Ладно, только недолго", -- согласился, а уж когда из корзинки извлекла Мадлен маслянистую тушку, слотнул слюну некуртуазно шумно. Не сдержался.

Расположились на обочине, под сению деревьев. Ножом расчленил индюшку, распечатал бутылку. Налил даме. Она, предвкушая, кивлялась:

"Ах, ах, мне самую чуточку. Я быстро пьянею".

Тут за поворотом затоптали копыта, и уже гарцевал перед ними всадник, и в новоприбывшем признал сэр Ричард вчерашнего трубадура.

"О Гаваудан! -- воскликнула Мадлен, оставив кубок и бия в ладоши. -- Скорее с коня!"

Сэр Ричард с еще пустым кубком в перстах мысленно выбрался:

"Так ли надобно присутствие трубадура?"

И дело было не в количестве бутылок (наперечет), и не в размерах индюшки (невеликих). Лирика трубадура не нравилась и просто даже физиогномия его!

"Добрый день!" -- пропел Гаваудан, прыгнул с коня и прилег в скромной позе как раз насупротив индюшки.

"Сколь сноровист!" -- не мог не оценить сэр Ричард мысленно.

"Угощайтесь! Нет, я за вами поухаживаю! -- хлопотала Мадлен. -- Хлебните из моего кубка, их у нас всего два. Берите крылышко. Поэты растрачивают психическую энергию куда расточительнее, нежели мы, простые смертные. Я восторгалась вчера вашими канцонами", -- и она всунула в рот Гаваудана кры... сей выгаращил глаза, но крылышко заглотил целиком.

"Как пеликан!" -- сэр Ричард в сердцах отвернулся.

"А вот сэр Ричард, -- не умолкала Мадлен, -- давеча совершил подвиг. Победил в поединке великана. Ради сего случая мы и затеяли пирушку, а вообще направляемся в замок Икс, к виконтессе. То бишь направлялись мы порознь, но странно встретились и... а вы куда скачете?"

"Тоже в замок Икс, -- отвечал трубадур, -- какое счастливое совпадение! Хочу узреть воочию предмет моих вдохновений. Надеюсь, избыток она свободное время и выслушает канцоны, ей посвященные".

И грустно вперился в индюшку, напрашиваясь на добавочную порцию.

"Ах, исполните из репертуара!" -- взмолилась Мадлен.

Гаваудан для приличия помялся, но взвыл таки речитативом. Под шумок сэр Ричард пригубил из кубка, отщипнул волоконце индюшатины, голод нимало не утолив. Но и неловко же было чавкать, покуда Гаваудан исполняет.

А исполнял долго. Мадлен то и дело трогала трубадура за рукав, как бы успокаивая и, уж несомненно, забыв о подвиге сэра Ричарда.

Яростный, вскочил сэр Ричард по окончании канцоны.

"Ну ладненько, -- сказал, лишь по видимости смиренно. -- Мне пора. Спасибо за угощение".

"Куда же вы? -- преувеличенно переполошилась Мадлен, маскируя нетерпение побыть с трубадуром наедине. -- Разве мы не вместе?"

"Нет! -- заорал, собою не владея, сэр Ричард, -- Нет, не вместе! Я скачу на север, чтобы затем переправиться в Англию. На север, понятно? В ту сторону! А замок Икс, по вашему же словам, в противоположном направлении, не правда ли?"

"Но зачем так кричать?" -- сказала Мадлен, изображая изумление.

А трубадур вообще не отреагировал на орущего сэра Ричарда. Жевал задумчиво.

"Проклятые дамы! -- орал сэр Ричард, удаляясь. -- И таким стервам посвящаются канцоны! Но кто и посвящает? Им же подобные женообразные ухажеры, обжоры и горлопаны! Сей Гаваудан, он и в юные лета не отличался в ристалищах, пристроился, видите ли, спортивным комментатором! Нет уж, не прельстите знакомством с виконтессою. Верно, такая же вертопрашка. Благодарности от оных и не жди".

Голодный, усталый, скакал по лесным дорогам. Смеркалось и смерклось. Конь тоже выказывал признаки усталости --

спотыкался. Ни жилых, ни прочих строений не предвиделось. Стемнело не только от времени суток. Задул встречный ветер. Моросило, накрапывало. Вдруг -- хлынуло! Разразилась ночная буря. Ледяные струи полились за стальной воротник. Нижняя одежда намочла и некстати липла к телу. Ни зги не прозиралось окрест. Конь строптивился и вставал на дыбы.

На счастье слева от дороги лес прервался и в темноте различилось строение, -- неужели нежилое? Поскакал через черный луг и вскошил в черную же речку! Сначала по поясу. Но конь оступился, нырнул, следом и сэр Ричард. Бурным бульканьем наполнился панцырь. Но выкарабкались, выкарабкались. На короточках изрыгал воду. Хулил незавидную долю странствующего рыцаря. Эх, сызмлада на чужбине. Эх, досель без жены. Эх, пережитое за день приплюсовалось -- под ливнем и сам лил потоки слез. Рыдал, как в жаркой палестинской юности, завалился на бок и уж готовился лежать без чувств, покуда не заберут в плен. Вдруг ощутил под панцырем, нет, даже под ватным гамбизоном, под рубахою в области паха нечто извилистое, живое! Пиявица ли, гад ли проникли из речки? Сих терпеть не мог, особенно когда под панцырем и -- не достать! Уповая на помощь, косолапо бежал в сторону строения и уж барабанил бронированным кулаком в дубовые ворота...

Очнулся в каморке при блеске светоча. Разоблачен, лишь в нижнем белье. На ложе лежа. Светоч блестел, но и дымил. За отсутствием вытяжки дышать было нечем. Отчего и очнулся. Слезы сызнава сыпались, на сей раз от дыма.

Забрав лицо рукавом, ринулся вон. Очутился в блистающем от сырости (еще один ярился светоч) каменном коридоре. Под босыми ногами вспархивали ворохи соломы. Впереди услышал смех и, ого, перезвон струн. Поспешил в направлении смеха. Взошел в зал с огнедышащим очагом и людьми возле. Оные хохотали, и не мудрено. В нижнем белье, с пепельными всклокоченными власами, -- забавный старец! На лбу ведь не начертано, что был некогда чемпионом всего христианского мира. Но и попятился, осенился крестным знамением: "Наважде-нье!"

"Да, да, мы сызнава встретились, -- улыбаясь говорила Мадлен и шла с плащом в протянутых руках. -- Прикройтесь и присаживайтесь. Смелее, здесь все свои".

Опознал уж неотвязных сих. Догадывался уж, в чьем жилище нашел прибежище. В сумраке алом краснел отчаянно: в подштанниках, пусть и бойцовских, знакомиться с виконтессою. Позор! Позор! Но где же она?

"Виконтесса в отлучке. Вернется ближе к утру, -- утешила Мадлен и за руку, как мальчика, подвела к очагу. -- Ваш конь в конюшне. Латами занимаются слуги. Ни о чем не печалуйтесь. Посидим в ожидании. Гаваудан исполнит канцоны. Вы поведаете о злоключениях".

О, премного благодарен был сэръ Ричард, укутываясь и усаживаясь рядом с Болдуином.

"Зря я на него наемни взъелся, безобидный в сущности болтуш, коего реплики грех принимать близко к сердцу. И тоже в подштанниках сидит, -- чрез какое еще ущелье перебирался, что спалил до тла верхнее одеяние?"

Болдуин легкой лапкой похлопал его по плечу:

"Молодец, что завернул к нам. Потерпят, потерпят крестовые. Шотландский король юн и спешит стяжать, а ты не будь опрометчив в нашем с тобою возрасте".

Точно сызнава дубиною по голове получил сэръ Ричард! Что же за издевательский этакий Болдуин!

"В нашем с тобою возрасте! Да я же тебя переживу, да я жениться надумал, да я..." -- хотел осадить панибрата, но вмешалась Мадлен:

"И вовсе не в поход крестовый собрался сэръ Ричард, а в Англию, сражаться за Хартию вольностей. И очень куртуазно с его стороны, что нашел время взглянуть... Знакомство с виконтессами еще никому не вредило".

Схватила со стола глиняный кувшин и налила вино в глиняную же кружку, милая, добрая, умная!

Польщен ея вниманием, горделиво приосанился. Смущен ея заступничеством, скромно в плащик укутался.

Украдкою осматривался. Приметил, что жилище хотя и просторное, да худо обжитое. Ковры на стенах дырявые. На полу пуки соломы. Сидят же присутствующие и сам он на сундуках. Под пиршественный стол приспособлен табурет. На табурете кроме корок хлебных (заплесневелых) и одной рыбки вяленой размером с наконечник стрелы -- более ничего.

"Осторожнее, не разбейте, -- сказала Мадлен, передавая кружку. -- Последняя целая. Закусывать тоже нечем. Виконтесса вся в духовном".

Хихикнула и села бок о бок с Гавауданом, проклятье.

Хватанул залпом огромную -- брр -- кислую дозу и стал потаскивать с табурета хлебные корки. Не ел же со вчерашнего вечера! От жалости к себе, пожилому (прав, конечно, Болдуин) и одинокому, прослезился сызнава.

Никто не заметил. Гаваудан настраивал инструмент, водил носом по струнам. Болдуин, затаив дыхание, ожидал песен.

Но пьяная Мадлен долго ждать не желала и предложила собеседование:

"А что, сэр Ричард, молчите о злоключениях? Слуги нашли вас у ворот. Вы плескались в луже и тщились руками в латных-то рукавицах извлечь из-под панциря пиявицу или некоторого, хи-хи, гада. Сие от переутомления. У вас был трудный день: как-никак сражались с великаном и победили его. Я свидетельница, хи-хи".

Пустил пустословие мимо ушей. Дерзая прослыть нахалом, собственноручно налил себе круженицу кислятины. Опорожнил, налил, опорожнил... И стал воображать, какая же она, виконтесса? Желательно, чтобы не первой молодости. Но с крепкими титьками и задом, волосы как мед, глаза как лед и без истероидного в оных отблеска, как у пресловутых прекрасных. Надо полагать, виконтесса не чужда образованности, ежели сии умники восхищены ею. Ну и славно. Во-первых, в Нортумбрии суровой дурь из головы выветрится, а во-вторых: да пусть ее, пускай читает свои свитки, с хозяйством я и сам управлюсь, вот отстоим Хартию -- и досуга будет сколь угодно, заведу мельницу, кузницу, трехпольную систему севооборота...

"По какой же надобности отлучилась виконтесса?" -- спросил уже нетерпеливо, уже нервничая. В самом деле, когда же явится сия прекрасная, должно быть, вдовушка (муж пал в Палестине, сражаясь без страха и упрека).

"Понимаете, -- принялась объяснять Мадлен, -- виконтесса выехала навстречу мужу. Муж охотился в лесу довольно далеко от замка и там с ним случилось недомогание. Ничего серьезного, он вообще подвержен незапным обморокам, болезненный сей муж, и виконтесса привыкла, но почитает за должное выезжать для оказания медицинской помощи. А тут буря. Наверное, они пережидали непогоду, укрывшись под сению деревьев, а ныне скажут к дому. Ждать недолго, я уверена".

"Муж!" -- сие единственное слово из всех сказанных Мадлен дошло до слуха. Оглушен сим сообщением, стал как будто ошеломлен. Замужем, значит, хваленая виконтесса. Но как тогда понимать рекомендации, ободрительные ухмылки, похлопывания по плечу? Как издевательства, что ли? Гаваудану, разумеется, муж не помеха, по законам рыцарского вежества муж не смеет выказывать признаки ревности. Посему трубадур, еще ни мига не лицезрев виконтессу, уже и канцону сплел, и печалится публично и безбоязненно. А вот солидный в намерениях сэр Ричард попал впросак. Экая нелепица, досадно, право, сидеть в чужом жилище в мокрых подштанниках, в ожидании чужой

жены, предполагая с ее стороны взаимность без всякого на то основания.

Сызнова смаргивал слезы. Персты смыкались в кулак. Недоумевал, кому из присутствующих выгоден сей подвох?

Меж тем за табуретом разгворились об охоте. Участились случаи гибели на охоте, вот что вызывало треволение собеседующих. На охоте гибнут короли и принцы, мужья и старшие братья, уж не говоря о рыцарях, добившихся снисхождения прекрасных замужних дам. Жестокий век!

Но в охоте сэр Ричард знал толк! Охотился во всех местностях, где воевал. В Палестине и в Испании использовал даже краткие перерывы в сраженьях, чтобы из тяжелого английского лука подстрелить ангилопа или бонакона, прободать копием парандруса или вервекса, мечом зарубить мантикуру или оноцентавра!

Вниманием собеседующих завладел однако трубадур:

"Мы охотились на оленя в лесу герцога такого-то. Я отстал от кавалькады, скакал в одиночку и вдруг на лесной стезе..."

"Великан!" -- воскликнула Мадлен, всплеснула руками.

"Отнюдь. Как раз невеликий, но чрезвычайно симпатичный бобр. Я намеревался спешиться у ручья и, почерпнув пригоршнями воду, напоить коня. И вот сей бобр стоял поперек стези и, вообразите мое замешательство, плакал! Слезы так и струились по мордочке из жалобных глаз его! Явно сей тревожился, что я или конь сапогами или копытами повредим водозапрудные постройки вкупе с жилищами сих премудрых зверков. Не скрою, я был обескуражен, сам зарыдал и поворотил коня".

Гаваудан умолк, потупился. Мадлен придвинулась к нему.

"Эх, -- сказал Болдуин, -- преподают пример человечеству сии трудо,- и брато,- любивые зверушки!"

И всхлипнул.

А сэр Ричард превесьма развеселился. Забыл гнаться! Лишний раз удостоверился в никчемности трубадура. Даже и в охоте не сведущ. Всякому зверолову ведомо, что ятра бобра применяются в медицине. Для добычи оных особые обучаются охотники. Так вот, будучи окружен сими охотниками, бобр отгрызает у себя ятра, самоуничтожением таковым, паче гордости каковое, давая понять: "Нате, сволочи, подавитесь!" И причина плача вышеупомянутого зверка в том заключалась, что невежду счел заядлым звероловом и зря совершил отчаянную поступку! И плакал, сообразив, что поторопился. Злощастный бобр! Тщетное геройство!

Покуда сэр Ричард решал, уличить или пощадить невежду, собеседующие оставили тему охоты. Болдуин упрашивал трубадура исполнить, а для настроения -- хлебнуть. Приподнял кувшин -- оный оказался уж пуст.

Захныкал: "Вино все выпито. Как бы послать Ивана в деревню".

Мадлен засуетилась, полезла за деньгами в юбки, закричала в коридор:

"Иван! Иван!"

Гаваудан, подошед к стене и просунув руку в узкое окошко, заверил:

"Дождя нет". Поискал на себе, нашел кошель и раскошелился. Болдуин тоже не оплошал, высыпал на табурет несколько мелочи.

Сэр Ричард было дернулся с места, не гоже пить на чужие, но где его вещи понятия не имел.

"Да сидите, сидите, -- сказала Мадлен. -- Сего дни вы достаточно отличились. Мы вас чествуем сего дни".

Появился этакий заспанный, этакий детина, этакий Иван.

"И чего не спишься? -- ворчал. -- Уж заполночь. И ты, -- обратился он вдруг к сэру Ричарду, -- и ты, дед, спал бы. Поди, замерз, в луже лежа? А чего это ты искал промеж ног, пиявицу, да? Умора. Мы идем с Жаком, а ты в луже. Перебрал, что ли? Насилу заволокли в замок".

Мадлен отвела его в тень, вручила деньги и кувшин.

"Ладно, счас принесу, -- обещал Иван. -- Одна нога здесь, другая там".

Уже на выходе обернулся к сэру Ричарду:

"Не бойсь, дед, похмелимся".

Сызнова уселись за табурет.

"Гаваудан, ну исполните же что-нибудь, покуда суд да дело", -- не отставал от трубадура Болдуин. Захлопала в ладоши и Мадлен.

Трубадур в алом сумраке стал бледен.

"Ну что же, попробуем", -- сказал и запел.

А сэр Ричард еще не опомнился от возмущения, произведенного в нем распущенным сим простолудином. Покуда возмущался мысленно, не услышал начало, а когда прислушался, услышал следующее:

"...и помнил девушку по имени Татьяна, волосы как мед, глаза как лед.

И просыпался в государстве с башней Вавилонской, с местом лобным,

где всего крутлей земля (да и алей), с гробницами гранеными

и атомной царь-пушкой, --
клоп, как черепашка, удирал по зимней простыне, -- будильник разорялся: "дзынь-дзынь-дзынь" -- о мука дзен-буддизма! -

просыпался, значит,
в понедельник утром, в середине
семидесятих.

И озарялся, что опять, опять опаздывает!

Нет, если натошак, то -- успеваает.

В гортранспорте, с ахиллами и гекторами в давке,
вчерашним виноградом дышащими друг на друга,
общую судьбу с пролетарьятом
не сразу осознал.

И в цех входил, дичась.

Но и пролетарьят в свои ряды не сразу принял, мужи с фамилиями птичьими, звериными, оканчивающимися на -ов, -ев или -енко.

Вотще во вретнице стоял покорно за станком токарным!

Семь лет, и еще семь, и еще семь, -- и еще семь! -- потребовалось -- научился

стаканы опоражнивать на равных.

И заслужил доверие.

В метелице металла по макушку,

Нарцисс, в зеркальные болванки нагледелся! -

В уме центростремительно творил -- ни дня без строчки -- а на людях записывать стеснялся.

Заучивал, чтоб дома записать.

И помнил девушку по имени Наталья, волосы из каменного угла, а глаза...

В гортранспорте, как в невесомости -- о грозди алканавтов! -
- возвращался с производства.

Яичницу сжирал, как в страшном сне, в течение секунд.

"Немного подремлю", -- и на диване дремал в сторону смерти.

Нет, вскрикивал и вскакивал! Садился за бумагу.

Чернилами поил большие сивые поэмы. Понукал поэмы:

"Н-но, заветные! пошли в далекое от масс, но тоже семантическое поле!"

Так-то удовлетворившись,

шел в детский сад при жирном, как свинья, журнале, -- там раз в неделло мэтр устраивал смотр монстров.

Мэтры ведь и монстры, в двух словах -- история словесности советской

середины семидесятых.

И все вышеописанное, с незначительными разночтениями в биографиях, о них, о монстрах.

Любимый я,

а помнишь, как на семинаре молодых приматов, проводимом в храме муз,

в кои-то веки декламировал с трибуны

свои творения?

Потом в кабаке спустился, манили мэтры палками похвал:

"Способная горилла, но -- горилла!"

На четырех ногах был в хлам, и хам, и полз, рожденный поздно,

и с мэтрами, и с монстрами обменивался комплиментами, как в комнате кривых зеркал.

Все разногласия с тоталитарным строем

исчерпывались тем, что не печатают твои творения!

Не стыдно ли?

Не стыдно.

Вил вервие шагов обратно к дому, предтеча, крестики мороза на ресницах,

на ложе сна ложился, и жена дышала в спину. Или -- нет, брала весло жена, гребли, и клоп, как виноградина гнилая, на простыне подпрыгивал.

И помнил девушку по имени... и вдруг

о смысле своего существования задумывался!

Не умел осмыслить

свое существование! Неужто ради чепухи чернил посмертных

и существую?

О, вскрикивал и вскакивал! И сызнова садился за бумагу, за полночь, --

зачем?

Так продолжалась, продолжалась, продолжалась жизнь

некоего одного из многих..."

Ох, что-то ничего не понял сэр Ричард, выслушав вирши сии. Зарапортовался трубадур, двух мнений иметь не можно. Ничего не понял и сказал:

"Ну и кого очаровали вирши сии?"

"Мне очень пришлось по душе, -- отозвался Болдуин. -- Трудно остаться равнодушным к трагическому мировосприятию нашего европейского юношества. Вслушайтесь в ритм, нудный,

как жребий прозябания, выпавший на долю сих юношей! Вдумайтесь в череду тропов, не часто уклюжих, но всегда пережитых лично! Сей текст -- образец новейшей поэзии..."

"Да не во что вдумываться, -- стоял на своем сэр Ричард. -- Уши вянут. Претенциозно и несуразно. А потуги на киническое остроумие -- вовсе для провинциальных дамочек. Кстати, о дамах. Варварские их имена подобраны с явственным намерением во что бы то ни стало поразить воображение слушателя. Ведь и не выговорить: Тат-я-на, Ната-л-я. Зачем не написать общеупотребительные: Розамунда или Мелисанда? Что же касается европейских юношей: хороший крестовый поход -- и вернутся сии бодрыми и деятельными".

"Ежели вернутся", -- парировал Болдуин.

"На войне как на войне", -- развел руки сэр Ричард, плащ упал, белели проклятые подштанники.

"Но не всем же быть Бертранами де Борнами, -- не унимался Болдуин. -- Потерянное сие поколение..."

"Поколение!.. Все юноши от сотворения мира -- потерянные! И находят себя лишь те, кто себя ищет. Таковых же во всяком поколении на перстах перечесть..."

"Однако поговорим о сих конкретных виршах..."

"О сих конкретных? Ты ведь знаешь, я солдат... Но со школы рыцарской еще не забыл определение прекрасного... погоди, как там... прекрасное есть созерцание бесконечного в конечном... так ли?"

"Несомненно смысл искусства в усилении приблизиться к бесконечному, воспроизвести блеск его по возможности".

"Вот-вот. И ежели честен пиит, тем совестливее в отделке виршей. Сей же Гаваудан тщеславится, более озабочен выглядеть, нежели быть. И уж как сплетена канцона -- дело для него десятое. Вдобавок промашки мастерства норовит представить изыском оного!"

"Г-м, тебя занимают взаимоотношения этики и эстетики? *Forma et formositas*, сколь существенную связь между сими понятиями завещали нам древние! У Алкуина, твоего соотечественника, в трактате "*De Rhetorica seu de vertutibus*"..."

"Алкуина не читывал", -- уж отнекивался сэр Ричард, надоело ему, голова шла кругом.

"А мне, -- настаивал Болдуин, -- мнится, что автор как раз произвел чистосердечное излияние своего лирического "я". Не героично ли жертвовать красотами стиха ради искреннего излияния? В конце концов о критериумах прекрасного возможно лишь догадываться".

"Ладно, довольно о сем предмете, -- сказал сэр Ричард. -- Когда же принесут вино?"

И вдруг получил пинок в щиколотку! Гневно возрился на присутствующих и уразумел, что Мадлен с Гавауданом, беззвучно хохочущие и раскрасневшиеся, отнюдь не от пламени очага, пинают друг дружку ногами под табуретом. Ему же досталось, увы, по ошибке. Гаваудан держал под табуретом еще и руку.

"Вот, значит, какая у него поэзия, -- сказал сквозь стиснутые зубы. -- Героическая, значит. Гаваудан! что же я не встречал вас на полях сражений? Ниже участия вашего в ристалищах не припоминаю. Вместе ли героическому пииту воспевать чужие успехи? Я, кажется, к вам обращаюсь! Отвлекитесь!"

Гаваудан отвлекся и, не переставая улыбаться, отвечал:

"О да, сия работа была, конечно, не творческая, но она много мне дала, и научился краткости и точности в изложении. Позже моя поэзия усложнилась. А троицу вашу я всегда выделял. Где они теперь, Малютка Эд и... как его... ну ладно, забыл, что с ними случилось? Вместе вы здорово играли. Эдвард, кстати, иногда пропускал тренировки, -- известно ли вам, для чего? Чтобы при дворе Алиеноры Аквитанской послушать тогдашних молодых. И я поражался тонкости суждений сего внешне простоватого..."

"Ну ты! -- сказал сэр Ричард, поднимаясь в белых подштанниках (и плевать). -- Эдварда не трожь!"

Но хотя и встал, и с воинственным видом, но решимости в себе не чувствовал, а чувствовал в себе усталость.

Сел, уронил кулак на колено. Огонь в очаге мигал, мигал.

"Что с вами? -- вскричала Мадлен. -- Вам нездоровится? Не следует в вашем возрасте толь волноваться!"

Тут в коридоре зашуршали соломою. Ворвалась, тьяквая, собачка. Вошли хозяева замка, виконт с виконтессою. Сзади шел Иван с кувшином и говорил:

"Насилу заволокли в замок. Все пиявицу искал на себе. Умора".

Женский смех в ответ прозвучал толь низко и хрипло, что сэр Ричард вздрогнул.

И руки задрожали, и ноги. Пред мысленным взором возникло дрожащее сизое, ворсистое поле с белой дрожащей башнею на заднем плане. Мысленно на скаку оборотился: не было сзади подруги с красным от ветра лицом!

Не спешила к очагу. Обозревала присутствующих, сама будучи вне поля их зрения. Зато собачка завозилась как назлоazole ног сэра Ричарда, взрывала солому.

Болдуин и Мадлен со свитками в руках пошли в темноту.

"Виконтесса, не откажите в удовольствии, -- лебезил Болдуин. -- Вы неоднократно высказывали желание иметь в библиотеке "Etymologiarum" Исидора Севильского".

Из мрака прозвучало нечленораздельное.

"А у меня, -- перебила Мадлен, -- тоже неслабый подарочек. Вот, милая, -- чмок-чмок -- заполучи "De imagine mundi" Гонория Августодунского. Ты рада? У нас для тебя приготовлено еще кое-что".

Выдвинул нижнюю челюсть, приготовился встать для знакомства.

"Знакомьтесь, -- щебетала Мадлен. -- Это Гаваудан, покуда не очень знаменитый, но жутко талантливый. Сама убедишься".

"А кто сей?" -- спросил хриплый голос и -- о Боже милостивый! сэр Ричард едва не упал с сундука! пред ним стояла карлица, плосколицая, с крюковатым носом, за кончиком коего следили оба выпученных глаза. И хилые ручки из огромных воронкообразных рукавов тянулись к сэру Ри... вскочил, вспомнил, что плащ на полу, нагнулся, стал шарить, -- проклятая собака утащила, не иначе! Стоял в неприглядном белье, без оружия...

"Кто сей?" -- повторил ужасный голос. Мадлен шепотом объясняла. Лицо по мере слушания осклаблялось, блеснули янтарные (гнилые) зубы.

"Великана победили? -- спросила, следя неотрывно за кончиком носа своего. -- И теперь на Родину собираетесь? *Carere patria intolerabile est*".

Не ведал, как и ответить. Отвращение, каковое преодолеть не находил силы, не позволяло поднять взор. Сызнова замигал огонь в очаге. Мадлен подхватила под руку, усадила на сундук.

"Что она сказала?" -- спросил, задыхаясь. Мадлен перевела.

"Каков же муж? Где он? Почему в тени?" -- размышлял в смятении, в тоске обманутых надежд, в разочаровании.

Расселись за табуретом и распознал мужа, сей в подростковом панцире отнюдь не взрачный, вежливо кивнул сэру Ричарду.

Иван приступил к обязанностям виночерпия.

"За что пьем? -- бодро сказал Болдуин, коему по возрасту было налито первое. -- Предлагаю за поэзию. Вы еще услышите, виконтесса, какие славные вирши плетет Гаваудан. Также сгораю от любопытства узнать, что сочинили за последнее время и вы".

"*Melius canes coluto gutture*,"-- отвечала. Мадлен, заметив взгляд сэра Ричарда, перевела на ухо.

"Теперь, дед, твой черед, -- Иван подвинул кружку сэру Ричарду. -- Не задерживай общество".

Молча, залпом выпил.

"А я пью за сэра Ричарда! -- воскликнула Мадлен. -- За успехи его воинские и счастье в жизни личной!" -- поставила кружку и громким шелотом пояснила виконтессе: "Сэр Ричард у нас одинокий мужчина!"

"Penelope ipsam, persta modo, tempore vinces", -- было ответом. Мадлен захохотала и не перевела.

А сэру Ричарду было уж все равно. Сидел с разинутым ртом. Срочно нужно было на свежий воздух.

"Я тотчас вернусь", -- пробормотал, вставая.

"Дед, это по коридору прямо", -- сказал Иван.

Шатаясь, шел по коридору.

"Нет, ребята, пора в Нортумбрию, на родину пора, -- продолжал бормотать. -- Нет на свете счастья. Для меня во всяком случае".

Слева чернел ход, оттуда веяло холодом. Шагнул, не раздумывая. В ушах зашумело от ветра. Во мраке плыли алые круги. Сей ход чрез два или три шага стал лестницею. Дрожали колени. Поскользнулся -- растопырил руки -- уперся в стены. Рассудил двигаться на четвереньках. Перстами нежно протирал влажную ступень и лишь после полз. Сверху узнаваемо сквозило. Лестница вела на замковую стену, где всегда толь свободно дышится, думается, вспоминается...

Тут затылок налился прошлым и перевесил, повлекло назад; еще пытался, как при падении из седла, падать грамотно, но сообразил, что не успеть, не успеть, не удалась жизнь и только мнилась исполненной смысла, а на самом деле подвиги сии и потуги не смешны ли, смешны, смешны, достойнее погибнуть молодым, как Малютка Эд или... как его, ну ладно, забыл... чем этак маяться, испытывая разочарование за разочарованием, и катился кубарем... и слышал звучный треск черепа при ударе о плоскость ступени...

И не стал взывать о помощи.

ИЗЫСКАНИЯ

Посвящается беседе об архитектуре и пост-модернизме с паном
Кшиштофом Занусси в интерьерах редакции киножурнала.

Павел Гершензон

БОНЖУР ТРИСТЕСС *

“Хотя побег обсуждался ежедневно,
планы заговорщиков имели больше эстетической
ценности, чем практической.”
(Владимир Набоков, *Бледный огонь*,
примечание к строке 130:
“Я никогда не бил мячом об землю на бегу
и никогда не заносил биты”).

* *Bonjour Tristesse* (Здравствуй, грусть) —

1. Название первого и наиболее известного романа Франсуазы Саган (Sagan, Françoise Quoirez, dite Françoise, femme de lettres française — см. Энциклопедический словарь Larousse).

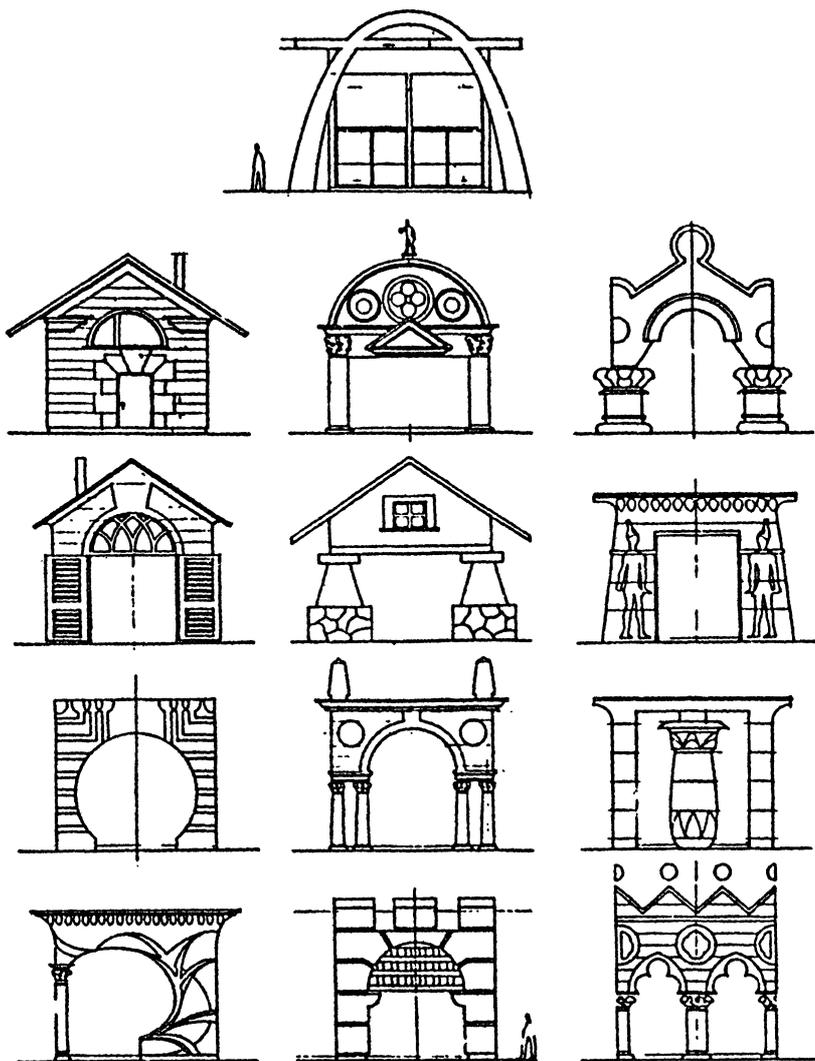
2. Из рабочей записи N, перечитавшей в 90 году собственный (производства 1980) подстрочный перевод статьи Роберта Вентури (Venturi R. A Definition of architecture as shelter with decoration on it, and another plea for a symbolism of the ordinary in architecture — вступление плюс шесть коротких глав, см. текст, размещенный ниже). Статья сочинена оным в 1978 году, тогда же опубликована в *Architecture and Urbanism* и, спустя несколько месяцев, с параллельным, весьма вольным французским переводом — в обозрении *L'Architecture d'Aujourd'hui* — драгоценном

источнике специальной информации, любезно рассылаемом (пусть в брутально ротапечатаемом виде) повсеместно — в библиотеку, когда-то бурно посещаемую, архитектурного института — также.

1980 _ текст вызвал движение (главным образом заглавием одной из частей, заманчиво пообещавшим отсутствие у автора профессионального кретинизма — см.ком. N32), а его трактатный стиль был воспринят буквально — как руководство к действиям (проектным).

1990 _ остался текст — совокупность слов, определенным образом размещенных в плоскости журнальной страницы — здесь весь — и немалый — интерес (кого увлекут сегодня существо и подробности лукавой полемики эпохи раннего архитектурного пост-_) — грустно.. время сдвинулось, и знаменитые "хаузы" с полемически заостренными и словесно защищенными приставными фасадами — грустно — но, скорее, лишь экспонаты суетливой ярмарки архитектурного тщеславия, — грустно.. но маятник качнулся (в который раз) — героическая романтика, эстетика жизнестроительства оказываются вновь уютны и симпатичны, — грустно.. эпоха тщательно возделанных *complexity and contradictions* — иссякла, отмерив положенные 10–15 лет (театру давали 20).. плюралистические аллюзионистские фасады упали — дуют нео-супрематические и нео-функциональные ветры.. Бонжур тристесс..

"A garden party of styles". façades
éclectiques. 1977. Robert Venturi

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ КАК УКРЫТИЯ С ДЕКОРАЦИЕЙ НА НЕМ, И ДРУГИЕ ОПРАВДАНИЯ БАНАЛЬНОГО СИМВОЛИЗМА В АРХИТЕКТУРЕ

Роберт Вентури

То, что я пишу в этой статье, остается прежним, хотя я писал это несколько лет назад. С той поры архитектура, использующая декор, стала приемлемой. Я имею в виду классическую архитектуру, выросшую из итальянского рационализма, основывавшегося в свою очередь на неоклассических взглядах архитектуры 30-х годов и, которая после открытия недавней выставки Эколь де Боз Ар в Музее Современного искусства¹ стала манифестом работы нескольких практиков-авангардистов в этой стране и нескольких архитектурных школ.

Апологеты этой архитектуры зовут себя пост-модернистами², новыми традиционалистами и радикальными эклектиками³. Но то, что вытекает из этого движения, по мнению рационалистов, -- это классические неточности, а не классицизированные ангары, что означает: здания, в которых вся структура, главный и задний фасады, экстерьер и интерьер подчинена, более или менее, традиционным классическим формам в тактичной подаче и универсальном стиле.

То, что я предлагаю в этой статье, относится к подтексту этого движения -- декор в архитектуре, который является аппликацией скорее, чем производным, остроумным скорее, чем тактичным и элитарным скорее, чем универсальным.⁴

Аппликацией⁵: чтобы отразить сложные и противоречивые формы и структуры, функции, пространства, контексты и символы, уясненные из современных программ -- здание может быть классическим на главном фасаде и современным сзади, или классическим снаружи и современным внутри.

Ироничным: ибо какими еще можем мы быть, не становясь печальными⁶, используя археологические формы.

Элитарным: мы не можем быть только классицистами и отразить различные участки, на которых находятся наши здания, различные потребности и вкусы их владельцев (...) То, о чем я говорю, представляет собой скорее различие мнений, чем стиля, и мнение пост-модернистов -- жесткое. Их достаточно неистовое отношение к модернизму, их дословный историзм и корректный классицизм, в конце концов так же жестки, как пуританский антиисторизм и доктринерское тотальное проектирование ортодоксальных модернистов, которых они обвиняли в жестокости. (...) Современная архитектура была слишком проста для ответа, но и пост-модернизм -- также.

Одним из способов говорить об архитектуре и анализировать, какое место в ней занимаешь -- это дать ей определение -- определить ее. (...) Определением нашего направления является:

Архитектура -- это кров с символами на нем. Или
Архитектура -- это кров за декорацией на нем.

Для многих архитекторов это определение будет шокирующим, поскольку определения архитектуры за последние 75 лет касались пространственных, технологических, органических или лингвистических аспектов. Определения Современной архитектуры никогда не включали понятия "орнамент" и никогда не возвращались к понятию "кров". Пространство и процесс были основными качествами в определении Луиса Кана: "Архитектура -- это обдуманное создание пространств..." и в описательных фразах, типа гидионовской "Пространство, Время и Архитектура" и райтовской "В природе материалов...". Пространство и форма преобладали в определении Ле Корбюзье: "Архитектура есть умелая, точная, великолепная игра объемов на свету". В его определении дома как машины для жилья технология и функционализм были основными элементами, хотя понимание функционализма в этой знаменитой фразе уникально для Современной архитектуры. (...) Но орнамент и символика -- обычный орнамент-аппликация и простое использование ассоциаций -- игнорировались или осуждались в Современной архитектуре: орнамент приравнивался к преступлению Адольфом Лоосом⁸ не далее, как в 1906 году, и символизм ассоциировался с историческим эклектизмом; аппликация на здании была бы воспринята теоретиками Современного движения поверхностной и противоречащей индустриальным методам, изначально присущим Современной архитектуре.

Но нам нравится выразительный кров в архитектуре, как включающий функцию в наше определение, и нам нравится

допустимая символическая риторика в нашем определении, изначально не присущая этому крову, как расширяющая содержание архитектуры вовне и предоставляющая функции самой заботиться о себе.

Чтобы подтвердить наше определение архитектуры и пояснить, как мы к нему пришли, я использую шесть сравнений

- между Римом и Лас-Вегасом;
- между абстрактным экспрессионизмом и поп-артом;
- между Витрувием и Гропиусом;
- между Мис ван дер Роэ и киоском "Макдональд";
- между Скарлатти и Битлз;
- между скромным и причудливым стилями в

архитектуре. (...)

РИМ И ЛАС-ВЕГАС

Как архитекторы, мы принимаем Рим и Лас-Вегас и учились и у того, и у другого. (Я использую пример Рима, чтобы продемонстрировать пример средневековой и барочной градостроительных традиций и пример Лас-Вегаса для иллюстрации неуклюжего урбанизма в целом¹⁰) (...)

Наше поколение открыло Рим¹¹ в 50-е годы. Замкнутые внешние пространства и внутренний масштаб градостроения были удивительным открытием для тех из нас, кто вырос среди широких и похожих улиц и больших автостоянок аморфных (если не враждебных) американских городов. Как протест-героические модернисты, читая Зигфрида Гидиона¹², мы открывали историю и признавали традиционные основы архитектуры и урбанизма. Мы питали особую симпатию к пространственным соотношениям, градостроительным качествам итальянских городов, нашедших свое выражение в пьяцца¹³.

Сейчас мы страдаем от результатов этого энтузиазма: мы сегодня являемся свидетелями последующего урбанистического обновления пьяцца, которое разрушает социальную сущность и выхолащивает коммерческую и визуальную жизнеспособность центров американских городов. Это потому, что как архитекторы 50-х годов мы видели пьяцца как "чистое пространство", и мы проектировали наши пьяцца как сухие конфигурации композиционных элементов -- формы и текстуры, рисунка и цвета, ритмов, акцентов и масштабных соотношений¹⁴ (...). Исторические архитектурные комплексы

мы видели как абстрактные композиции того десятилетия -- символизм зданий на пьядце мы едва различали. Мы оценивали богатые эволюционные сопоставления исторических стилей: барочное палаццо против романской дуомо, например, но мы сводили наш анализ к формальному сосуществованию этих стилей. Мы игнорировали символическое содержание зданий из-за навязчивой идеи композиции пространства¹⁵. Мы забывали, что формы были зданиями, текстура -- скульптурным рельефом, акцент был статуей (и статуей, представляющей человека и идеалы), артикуляция была порталом¹⁶, или декорацией, ритм создавался пилястрами, цвет и рисунок были функциями стен, а фокус был обелиском, знаком, увековечивающим важное событие. Мы опорочили ясные ассоциации, вызываемые большинством архитектурных и скульптурных элементов пьядцы: орнаментацией на фасадах палаццо, символизирующей архитектурный и структурный смысл и поддерживающей династические заслуги и общественные ценности; фасадом собора, похожим на афишу с нишами для окон. Мы игнорировали иконографию в архитектуре, когда подчеркивали функциональные и структурные качества зданий на пьядце и идолизировали¹⁷ их пространственные эффекты, забывая их символические качества. Мы получали вдохновенные уроки о пространствах в Риме, но урбанизм, к которому мы стремились, должен был быть результатом и пространства, и знаков. Мы должны были пройти путь до Лас-Вегаса, чтобы выучить урок о Риме и признать символизм в нашем определении архитектуры.

С другой стороны, мы были способны быть простыми и восприимчивыми в отношении Лас-Вегаса в 60-х¹⁸, потому что любили Рим в 50-х. У нас было радостное чувство открытия Лас-Вегаса в 60-е годы, такое же, как Рима в 50-е. Нашей первой реакцией было то, что Стрип имеет свои достаточные качества и жизнеспособность -- черты, которых современные урбанистические ландшафты не имеют. (...) Когда мы проанализировали нашу радостную реакцию и специфические качества и согласие, которые существуют в коммерческой урбанистической "неуклюжести", мы нашли, что их основой является символизм. Как мы учились у пространств Рима, так мы учились у символизма Лас-Вегаса. Мы скоро поняли, что если игнорируешь знаки как визуальное засорение -- ты пропал. Если ищешь пространства между зданиями в Лас-Вегасе -- ты тоже пропал. Если видишь здания "неуклюжего" урбанизма как формы, создающие пространства -- они натетичны -- простые прыжки на аморфном ландшафте. Как архитектура "неуклюжий"

урбанизм -- это поражение, как пространство -- это ничто. Только когда видишь здания как символы в пространстве, -- эта среда приобретает качество и значение²⁰. И когда зданий не видишь вообще, ночью, когда различимы только рекламные и иллюминации -- мы видим Стрип в чистом ес виде. (...)

В книге "Уроки Лас-Вегаса" мы сконцентрировали внимание скорее на технике, чем смысле коммерческой архитектуры, чтобы понять самим, как делать нашу собственную архитектуру. В этой книге мы поддерживали гигантский корпоратизм, или даже покорялись ему (как пытаются представить многие из наших критиков -- обычно это архитекторы и левые политики в Европе и правые эстетсы в США) не больше, чем наши дедушки времен Современной архитектуры поддерживали рыночный капитализм, когда учились у промышленной среды своего времени, или чем те же самые критики, анализируя Версаль или Иль-Джезу, поддерживают возвращение к абсолютизму или контр-реформации. Отделение техники от содержания²¹ -- традиционный и до сих пор использующийся метод анализа и критики старого или нового искусства, "высокого" или "низкого" проектирования.

Смысл символизма "неуклюжей" коммерческой архитектуры отличается от символизма традиционного города; но коммерческие знаки -- послания Стрип -- хоть и удовлетворяют нашей грубой чувственности и стремительному темпу нашего времени, едва ли более стимулирующи, чем послания дворцов и соборов пьяцы, выразившие гражданские и религиозные идеалы и власть, когда понимаешь иконографию этих форм. Популярное искусство Стрип не более выражает идеологию властей, чем "высокий" дизайн "умелой, точной, великолепной игры объемов на свету" управлений корпораций, которые большой бизнес перенял у прогрессивного символизма ортодоксальной Современной архитектуры. (...)

АБСТРАКТНЫЙ ЭКСПРЕССИОНИЗМ И ПОП-АРТ

Поп-арт 60-х направил наши взгляды²² на коммерческую Стрип так же, как живопись предыдущего десятилетия утвердила нашу интерпретацию пьяцы. (...) Поп-артисты раскрыли наши глаза и наши умы, показав нам снова ценность изобразительности в искусстве, приведя нас, таким образом, к мысли об ассоциации, как элементе архитектуры. Они также показали нам ценность обыденных и общепринятых элементов, помещая их в новое окружение, в новый контекст на разных уровнях для

достижения новых значений, постигаемых наряду с их старыми значениями. Определение архитектуры теперь включает понятие "ассоциация" так же, как и "выражение", вместо бывшего в 50-х годах понятия "восприятие". И эти художники, как мы позже поняли, были ироничны в своем отношении любви-ненависти к вульгарному коммерческому содержанию своего искусства, так же, как мы к своей банальной коммерческой архитектуре; они заставили увидеть Лас-Вегас проще, оставаясь сами немножко непростыми²³. И сейчас фотореалисты 70-х, чьим предметом является урбанистический ландшафт, рисуют Лас-Вегас, усиливая ординарное и эстетизируя импозантное.

ВИТРУВИЙ И ГРОПИУС

Моим третьим сравнением в попытке доказать, что архитектура -- декорированный кров, будет сравнение Витрувия и Гропиуса (я использую собственное имя Гропиус в этом сравнении, чтобы символизировать ортодоксальную Современную архитектуру). Вы можете вспомнить традиционное определение архитектуры Витрувия словами сэра Генри Бутона: "Архитектура -- это прочность, удобство, удовольствие". В XX веке парафразом этому определению может быть: "Архитектура -- это структура, программа, выразительность" (Жан Лабатю любил добавлять: "Хорошо встряхивайте перед употреблением")²⁴. Ортодоксальные модернисты, если не Вальтер Гропиус, то его последователи, существенно изменили бы витрувианское положение вещей. Используя те же слова, они должны были бы сказать: структура и программа -- это архитектура. Когда структура и программа верны, выразительность архитектуры будет автоматическим результатом. Вам не нужно заботиться о красоте, если вообще стоит употреблять это слово (...) Луис Кан говорил, что хотел бы удивляться внешнему виду здания после того, как спроектировал его.²⁵ Архитектура стала замороженным процессом. Конечно, эстетический элемент в триаде Витрувия не может произойти от орнамента-аппликации или символизма. Архитектура не может представлять собой красоту, она может только быть ею. Очевидно, что на здании Гропиуса для Баухауза в Дессау нет орнамента, но трудно поверить, что его форма является простым результатом процесса, как провозглашал Гропиус, "нашего движения от причуд простого архитектурного пространства к диктату структурной логики". (...) Гропиус делал слегка не то, что говорил.²⁶ В этом нет ничего плохого, потому что архитектурная теория и практика часто не

совпадают -- важно, чтобы практика была хороша. Но замечательно то, я думаю, что несмотря на страстное отрицание Гропиусом того, что Баухауз может "пропагандировать какой-либо стиль, систему, догму или моду" и провозглашение "Стиль Баухауз будет признанием поражения и возвращением к той косности и буржуазной инерции, с которыми я призывал бороться", он делал то, что архитекторы и художники неизбежно делали. Они интуитивно выбрали формальный словарь, ордер, систему, условность, а затем приспособливали это (иногда откровенно) для своих собственных целей. (...)

Безусловно, существовали другие истоки форм и символов Современной архитектуры Героического периода, идущие от изящных искусств, так же, как от кича; кубистическая живопись была одним из очевидных истоков. Ле Корбюзье, почти абсолютно уникальный среди теоретиков Современного движения, допускал в своих формалистических адаптациях кубизма и существующие механические индустриальные формы. Он был откровенно очарован элеваторами Среднего Запада, которые анализировал в книге "К архитектуре" в 20-е годы, он рисовал кубистические композиции и любил пароходы и автомобили.²⁷ Он рассматривал также раннехристианскую базилику Санта-Мария-Космедин, заостря внимание на суровой белой, прямо-таки кубистской фурнитуре святилища. Примечательно то, что архитектура Корбюзье того периода выглядит больше как элеваторы Среднего Запада, пароходы и автомобили, показанные в его книге, чем как алтарь Санта-Мария-Космедин. Почему? Потому, что Санта-Мария-Космедин была неверна символически, если и правильна формально, тогда как остальные -- были формально и символически подходящими. (...) Основная беда отбрасывания формальной системы в архитектуре в том, что архитекторы, которые поступают так с целью избежать опасностей формализма, оказываются очень близки к формализму. Архитекторы-фундаменталисты позднего модернизма приняли слова мастеров Героического периода, но не содержание их работ. Пытаясь исключить символизм и декорацию и подчеркивая структурную и пространственную выразительность, они покончили с архитектурой абстрактного экспрессионизма: чистая, но ограниченная, она скоро стала недостаточной. Таким образом они заменили декорацию артикуляцией. Артикуляцией, через преувеличение структурных и функциональных элементов. Структура проступает ритмически, функции проявляются ощутимо, грани фонарей пульсируют на крышах. (...) В частых случаях оргия сложных и

противоречивых артикуляций создает драматическую выразительность, которая становится экспрессионизмом в архитектуре. Как бы в отместку, исключение орнамента-аппликации превращает целое здание в орнамент. Результат получается гораздо более безответственным, чем при наложении орнамента на неартикулированные формы. Мы чувствуем, что наше время -- не время выразительной формы и архитектурного пространства, -- но время категорических манифестаций символизма в среде; не время Галереи машин, но время Санта-Мария-Космедин и фресок, которые были оригинально наложены повсместно внутри. (...)

Создается впечатление, что в конце концов чистый функционализм в архитектуре откололся в сторону чего-то более декоративного, где функция искажается ради функционалистско-структуралистского стайлинга²⁸ или игнорируется так же, как она абстрагирована в чистом символизме. Определение архитектуры как крова с символами на нем включает в себя принятие функциональной доктрины, а не запрещение ее -- приращение ее, ради сохранения ее. Почему бы не допустить невозможность сохранения чистого функционализма в архитектуре, поистине неизбежных противоречий между функциональными и эстетическими средствами в одном здании, а затем позволить функции и декорации идти своими собственными путями так, чтобы не было необходимости жертвовать функциональными требованиями ради недостигнутых декоративных целей.

МИС ВАН ДЕР ПОЭ И McDONALD'S HAMBURGER STAND

Наше четвертое сравнение между Мисом²⁹ и киоском гамбургеров "Макдональд" для того, чтобы показать специфичность символизма в архитектуре. Мы возвращаемся здесь к работам Миса как иллюстрации лучшего в Современной архитектуре и, чтобы напомнить самим себе, что Современная архитектура шла к непрофессиональной индустриальной архитектуре за ее формами и в поисках вдохновения.

Работы Миса после его приезда в Соединенные Штаты - еще более дословное приспособление индустриального языка, чем гропиусовские или корбюззианские, и его прямо-таки классический ордер, произошедший из открытых стальных двутавров американских фабрик, применялся, как известно, с ловкими искажениями, практически как пилястры, чтобы символизировать индустриальный процесс и чистый ордер, а

также для того, чтобы приспособиться к приемлемым стандартам огнезащиты в индустриальных зданиях.

"Фабрика" Миса -- это народное искусство, вышедшее из изящных искусств. История искусств знает много примеров эволюции "низких" и "высоких" искусств туда и обратно: третьей частью в сонатной форме является скерцо, пластиковые мадонны -- производные от барокко. Параболические арки павильона "Макдональд" -- светящийся желтый пластик -- создали смелый и красочный образ. Вырванный из контекста во время езды на автомобиле вдоль по Стрип -- это эффектный Gestalt, но в сознании он символизирует прогрессивную инженерию и великолепные продукты. (...) Изначальной манифестацией параболической арки были ангары Огюста Фрейсине в Орли -- действительно чисто инженерное перекрытие большого пространства на большой высоте для экономичного хранения дирижаблей -- чья форма произвела большое впечатление на Современных архитекторов. Окончательная манифестация параболической арки в этих эволюциях между "высоким" и "низким" искусством, формой и символом, между архитектурой и скульптурой -- это коммерческий знак -- перевоплощение двух параболических арок, как сиамских близнецов -- в "М" -- букву алфавита.

Сказать, что фабрика прекрасна, было бы шокирующим 50 лет назад. С тех пор картины Шеела и Леже, обложки "Fortune magazine"³⁰, весь репертуар и литература современной архитектуры и скульптуры сделали индустриальные формы легко узнаваемыми. Но ценность шока этого открытия имела огромное значение в то время. История искусств знает много примеров лечения шоком, как дополнения к пониманию искусства. Epaté le bourgeois -- постоянная тема в мышлении, теории и практике художников XIX века. Введение языческих классических ордоров во Флоренции XV века должно было вызвать отклик у критиков позднего Средневековья, сходный с негодованием, поднявшимся среди наших ортодоксальных критиков, грубым материализмом общества, представленным коммерческой архитектурой, на которую мы сейчас и смотрим. (...) И эти современные сторонники Современной архитектуры не в силах увидеть иронической параллели между их негодованием по поводу коммерческой архитектуры и негодованием их предшественников времен Боз Ар 50 лет назад по поводу промышленной архитектуры как истока "изящной" архитектуры. Эффект шока был в "романтическом" открытии природного ландшафта -- нарциссов на лугу -- как подходящего предмета поэзии, эффект шока был и в открытии крестьянской

архитектуры *Naiveau* в аллеях Версаля³¹, то же самое было и при внесении разговорной речи в прозу и поэзию Джеймса Джойса и Т.С.Элиота. (...)

Это четвертое сравнение связано с 1850 годами, которые отмечены расцветом промышленной революции. (...) Все знают -- промышленная революция мертва! Почему же этого не знают архитекторы?! разве не время связаться с какой-нибудь другой революцией, может быть электронной? Существующие коммерческие улицы с движущимися огнями и знаками, включающими образы, символизм и значение элементов, далеко отстоящих друг от друга в пространстве, так же уместны для нас сейчас, как несколько поколений назад фабрики с их промышленными процессами и функциональными программами. Безусловно, это заключение сделано непредусмотрительно: как художники мы обнаружили, что нам нравится Стрип, до того, как проанализировали, почему это так.

СКАРЛАТТИ И БИТЛЗ³²

Знарок музыки гордится разносторонностью вкуса. Он проигрывает для своих друзей в один и тот же вечер пластинки с записями Скарлатти и Битлз³³. Почему этот человек в своем собственном жилище, где вы не можете обвинить его в том, что он мирится с навязанным ему вкусом, признает то, что он не признает в городской среде? Почему он будет шокирован коммерческой улицей на краю города, поддержит контроль³⁴ за рекламой, веря, что путь к ограничению плохой архитектуры -- ограничить размеры знаков и самонадеянно выберет местный *Design Review Board* как эталон осведомленности в области архитектуры? Почему он отвергнет поп-архитектуру и примет поп-музыку? То, что Скарлатти будет еще 1000 лет, а Битлз -- только 50 -- не имеет значения, и мы это знаем. Есть место и есть необходимость в иерархии музыкальных форм в нашей жизни. Почему бы не быть тому же в архитектуре? (Наши знатоки могут сказать, что коммерческая архитектура не так хороша, как Битлз, но, возможно, что "высокая" архитектура в целом не так хороша, как Скарлатти). Ответ в том, что наш знаток цепляется за старомодные идеи об архитектуре в целом. Одна из этих идей заключается в том, что существует один доминирующий и верный канон вкуса в нашей культуре, и что любое искусство, в котором не следуют этому канону -- низшее. Любопытный Герберт Ганс эффектно отпарировал эту идею в работе об относительности вкуса перечислением множества вкусовых культур в нашем обществе. В большинстве областей,

отличных от архитектуры, разнородное качество и этническое разнообразие американской культуры принимается и рассматривается как одна из сильных сторон нашей культуры. Другие идеи, которые влияют на нашего знатока, поддерживаются эстетическим Союзом Современных архитекторов -- простые формы и чистый ордер являются единственным благом, и архитектор поведет общество к этим целям. Гропиус оправдывал "тотальный дизайн", но мы кончаем с тотальным контролем. Тотальным контролем через Design Review Board, который поддерживает "высокий" дизайн, исключает поп-архитектуру, снижает качество любой архитектуры и сводит на нет разнообразие и иерархию, которые всегда были частью сбалансированной и жизненной общественной архитектуры³⁵.

ЯСНАЯ И ПРИЧУДЛИВАЯ АРХИТЕКТУРА

Раз есть возможность существования дизайна и массового искусства в архитектуре наших общин, то существует необходимость в "ясном" и "причудливом" стилях архитектуры. Торговая улица, например, это пространство не только для импозантных, но и для обычных символов. Они включают оригинальные и специальные элементы, а также традиционные и ординарные -- то, что мы зовем "ясным" и "причудливым" стилями, которые применяются с чувством согласованности. Палаццо в итальянском городе стоит среди его contorni (название овощей, красиво расположенных вокруг мяса в сервизной тарелке в гастрономии), так же, как "простая" архитектура у подножия "причудливой". Я не защищаю иерархии, основанной на социальной кастовой системе, но я говорю, что школа искусств -- это не собор, и что большая часть архитектуры в нормальном контексте будет простой³⁶. (...)

Основываясь на нашем опыте маленькой фирмы с небольшими заказами и ограниченным бюджетом³⁷, и затем, на ощущении, что наша ситуация имеет огромное значение, и, наконец, на признании того, что наше время -- не время для героических или чисто архитектурных заявлений, мы писали в книге "Уроки Лас-Вегаса" о нашей склонности как архитекторов к скромной архитектуре, основанной, прежде всего, на необходимости.³⁸ Риторика для нашего ландшафта, если он подходящий, появится не столько из формальной, сколько из символической среды; возможно из комбинации знаков, скульптуры и движущихся огней, которые декорируют и представляют. Причина нашей причудливой архитектуры -- в

условностях коммерческой улицы. Ее прототип -- не пространственный барочный монумент, а раннехристианская базилика -- этот простой амбар, утопающий во фресках, декорированный кров *par excellence*.

Это -- наши доводы для оправдания³⁹ и попыток проектировать кров с декорацией на нем (...) кров -- как каркас для декорации -- обыденной по своей символике, если принят простой стиль (а обычно это бывает так) и героической по символике, тогда и только тогда, когда принят причудливый стиль. Функция и структура могут теперь идти своими собственными путями, не заботясь о риторике, и наша слава может прийти, возможно, из массового строительства, универсального и эффективного, как структурный кров, но ограниченного и разнообразного в орнаментальной и символической аппликации. Это способ быть чутким к практическим нуждам и эмоциональным запросам многих.

Чистая Современная архитектура оказалась слишком проста для ответа, но и пост-модернизм кажется тем же.

¹ *...после открытия недавней выставки Эколь де Боз Ар в Музее Современного искусства...*

Выставка архитектурной графики из архивов L'Ecole des Beaux Arts, Музей Современного искусства, Нью-Йорк, октябрь 1975 — январь 1976. Вот симметричная фраза — фраза-негатив — проясняющая художественный (и этический) смысл упоминаемого события: "постановку "Блудного сына" театром Гранд-Опера можно сравнить с перенесением в Лувр "Олимпии" Эдуарда Мане или других, некогда скандальных полотен". (Вадим Гаевский, Дивертисмент: Парижские сезоны Балачина)

² *Апологеты этой архитектуры зовут себя пост-модернистами...*

Post-modern, post-modernism, var. "это не пост-модернизм". Десять-пятнадцать лет архитектуры, законно могущие быть названными, исходя из самоопределения в ее Библии (см. Charles A. Jencks, The language of post-modern architecture), болтливыми — "пост-модернистское здание говорит" — прекрасно! — модернистское, стало быть, — молчит* — надменно, аристократично, "мысль, которая

обнаруживает себя без звука или слова", элитарно, безумно элегантно, красноречиво, художественно — "Меньше — это больше" (Людвиг Мис ван дер Роз, см.комм. №29) — на что ЭТА (архитектура) в запальчивости огрызнулась — "меньше — это скука" (Роберт Вентури), — и с истинно брелевским тысячетактным ускорением (Jacques Brel, *La Valse a mille temps*) бросилась выговариваться: начав с "А", припоминая помпезные виллы, штудирова палладианские, открыто завидуя виллам корбюзиянским, не упустив и все между ними заполнения, она быстренько — те самые 10–15 — добралась до "Я" — самой себя (самоописание стиля, post-post), где сейчас и пребывает в некоторой, надо сказать, задумчивости.

Вольное и не вполне корректное обращение с термином — превращение предлога (приставки) в имя существительное: poste (фр.) — пост, пункт; сторожевой пост; post (англ.) — столб, кол; пограничный столб — позволяет изобрести неожиданный ракурс в его (термина) толковании:

Пограничный столб архитектурного модернизма.

Сторожевой пост модернизма в архитектуре.

Неоавилонская башня, сдешно возведенная на обломках гулкого и пыльного события в Сент-Луисе^{*}, эта безумная оргия профессиональных амбиций, произвольный выход подавленной сексуальности, детский калейдоскоп — оптический прибор-игрушка с хрустящими внутри цветными осколками многотомной Истории архитектуры — оказалась удобным наблюдательным пунктом, с которого открылась внезапная притягательность предыдущих территорий: скоро специальными обозрения стали обзаводиться ностальгическими заголовками типа *Ou est la Modernite?* а приватные газоны — павильонами *L'Esprit Nouveau*.

* Здание, но не авторы: они — писали, и какие это были стилисты! (см. все тексты Кана, Корбюзье, Миса).

** Узо-муниципальное событие, настойчиво истолковываемое как *coop de grace*, великий архитектурный символ и т.п. и втискиваемое в душный перечень знаменитых художественных скандалов XX века (сравн. хулиганство публики на парижской премьере *La sacre du printemps* в 1913 году): "Новая архитектура" умерла в Сент-Луисе, Миссури, 15 июня 1972 г. в 3.32 пополудни (или около того), когда пользовавшийся дурной славой квартал Прюит-Айгоу, а точнее, несколько его корпусов, были взорваны динамитом" (Чарльз Дженкс).

³ *Апологеты этой архитектуры зовут себя пост–модернистами, новыми традиционалистами и радикальными эклектиками...*

А еще: дословными истористами, корректными классицистами, историческими эклектиками ;

а вот те, кто им предшествовал: пост–героические модернисты, архитекторы–функционалисты позднего модернизма, итальянские рационалисты;

и кто противостоял: дедушки Современной архитектуры, Современные архитекторы, ортодоксальные модернисты, пуританские антиистористы, доктринерские тотальные проектировщики, прогрессивные символисты ортодоксальной Современной архитектуры, левые политики в Европе, правые эстеты в США.

* Он никогда не бывал уверен, кем они будут в следующем месяце (см. Venturi R. Learning the Right Lessons from Beaux–Arts).

⁴ *...аппликацией скорее, чем производным, остроумным скорее, чем тактичным и элитарным скорее, чем универсальным...*

Многочисленные комментаторы его ритмизированной прозы неизбежно выделяют подобные конструкции, в содержательные пучины которых радостно погружаются, упуская из виду при этом их (конструкций) художественную природу (заодно и некоторый, весьма своеобразный стилевой аспект его архитектуры) — романтический феномен, эстетику рокового выбора, фатального противостояния — почти что угадывания судьбы. В этом легко убедиться, произведя несложные а la миссис–Фэшндля–Dance–magazine пространственные манипуляции:

ЕМУ НРАВЯТСЯ

гибридные
искривленные
неопределенные
традиционные
вещающие в себя
чрезмерные
противоречивые
двусмысленные
своенравные

БОЛЬШЕ, ЧЕМ

"беспримесные",
"цельные"
"прямолинейные",
"придуманные",
исключающие,
простые,
прямые,
ясные,
безликие, скучные и т.н.
"интересные";

ОН СКОРЕЕ ЗА
беспорядочную
жизненность,
богатство значений
трудное единство обобщения

ЧЕМ ЗА очевидное единство,
ясность значений,
легкое единство
исключения;

ОН ПРЕДПОЧИТАЕТ
"и то и другое"***
черное и белое,
а иногда серое

А НЕ или то, или другое",
черное или белое;

И СЧИТАЕТ, ЧТО
"меньше — это скука" А НЕ "меньше — это
больше".

* Миссис Фэшн — некто, настойчиво, к ежегодному Валентинову Дню, поставляющая в это "роскошное" танцевальное обозрение парфюмеризированные списки всего, оппозиционно его (все) разделяя по принципу "романтично — нонромантично". Профессиональным балетоманам и просто поклонникам популярного репертуара ("Сильфида", "Жизель" и пр.) кокетливо предлагается перед выходом в театр сделать "ваш романтический выбор". Вот предложения по обогащению списков миссис Фэшн:

"Жизель, или Виллисы",
"Тщетная предосторожность, или Худо сбереженная дочь",
"Нина, или Сумасшедшая от любви",
"Балет о соломе, или От худа до добра всего один шаг",
"Феликс, или Найденыш",
"Фея Юржель, или Что приятно дамам",
"Сераль, или Непосредственное пребывание в рабстве отца,
дочери и сына",
"Мальро, или Метаморфозы богов",
"Гений архитектуры, или Аналогия между семью искусствами и
нашими ощущениями",
"Новый брутализм: этика или эстетика".

** С иронией здесь — все в порядке. Но позволим себе, исходя из очевидных романтических пристрастий автора, усомниться в уместности (букв. на том ли месте расположено?) данного определения. Сравн.: "Искусство Спесивцевой было в романтическом смысле этого слова **"ИНТЕРЕСНЫМ"** (Гаевский В. Дивертисмент).

*** Это грозит душевными расстройствами в стиле Первый акт "Сильфиды" (редакция Августа Бурнонвиля): девиантное поведение шотландского крестьянина Джеймса, разрывающегося между двумя одновременно желаемыми дегами.

В настоящем комментарии использованы фразы из книги: Robert Venturi, *Complexity and contradiction in architecture*, published by the Museum of Modern Art, New York, 1966.

5 ...аппликацией...

Не задерживая внимание торопящихся, отсылаем к разделу "аппликация" в недавно составленном Модном словаре Хельмута Ньютона (см. ТЖ-18, 1990).

6 ...не становясь печальными...

Печальными — печаль — грусть — "Здравствуй, грусть".

N1. См. примечание к заглавию.

N2. Надпись на закругленном аттике (буквы "j" и "s" зеркально перевернуты по соображениям невыясненным) семизэтажного дома (угол Шлезеише-штрассе — Фалькенштайн-штрассе, Кройцберг, Берлин, арх. Альваро Сиза (Alvaro Siza Vieira)), — бледно-розового продукта нечестных в нынешней архитектуре искусства, легкого артистизма — смотрите, какая вызывающая небрежность исполнения надписи! — и стилистической утонченности, вдохновенно разыгравшего всегда занимательный урбанистический сюжет — "угол", а также парадоксально сцепляющего упругую энергетiku югенд-стиль-линии (графическое оформление сил выталкивания внутреннего пространства) в начертании плана, с раннекорбузианским пуризмом тонкой фасадной мембраны, поврежденной (вспоротой) корбузианской же прорезью "слухового" окна, вокруг которого и разместилась упоминаемая надпись; виртуозное использование единой геометрии оконных проемов, увы, толкнуло вечно торопящихся и невосприимчивых к истинному искусству (и не знающих его) комментаторов в сторону вульгарно-иронической трактовки надписи — здравствуй, грусть, — в действительности, фраза придает сооружению привкус (налет, шарм...) уместной литературности (меланхолический порыв автора весьма прочувствован обитателями дома: разместившееся в первом этаже быстро имеет название "La Romantica") и отсылает к университетскому Левому Берегу (Rive Gauche, Paris), что вполне закономерно, учитывая поэтику контекста (ландшафта) этого, не лишнего художественности и интеллектуальных

претензий берлинского квартала.

* В пространстве эти едва заметные искривления заставляют вспомнить чувственность и мудрость античных курватур.

Сравн.: фразы, вышитые на жакетах Ива Сен-Лорана: "Soleil, Moi je suis noir dedans et rose dehors..." "Les yeux d'Elsa..."

7 *...дать ей определение — определить ее...*

1. Жажда дефиниций парадоксально сопровождает зыбкость художественных смещений.

2. "В предисловии автор должен определить свой предмет и поставить ему грани" (Блок Л, Возникновение и развитие классического танца). Поставить грани — изумительно ясный пространственный образ возникает тотчас.

3. В общем—то, здесь просто нужна пауза (акцент).

8 *...орнамент приравнивался к преступлению Адольфом Лоосом...*

Лоос, Адольф — венский архитектор.

В двенадцать лет он оглох.

Его преследовала навязчивая идея (видение) татуированного лица.

Последующей архитектуре он навязал идею (фантом) конторского небоскреба "Чикаго трибюн" в виде дорической колонны.

В тридцать восемь лет он опубликовал статью с криминальным названием "Орнамент и преступление", где фигурируют нормальный ребенок папуас, убивающий своих врагов и их съедающий, аристократы—дегенераты, люди с татуировкой, живущие на свободе; эротическое начало, приведшее Бетховена к созданию его симфоний, он же, испытывающий наслаждение, сочиняя свою Девятую Симфонию; несохранившийся верстак времен Каролингов, сохранившаяся дощечка, украшенная орнаментом; мы, преодолевающие орнамент; Государство, встающее на защиту орнамента; простота комнаты, в которой скончался Гете; слог Гете, превосходящий "изящный слог" щеголей и пастушков из произведений Пегниц; дорогой профессор Института декоративного искусства; Экманн, Ван де Вельде, Ольбрих; вкус сапожника, вполне пристойные и заслуживающие уважения; жулик—архитектор, по прослушивании Бетховена усаживающийся за стол сочинить рисунок ковра в стиле "модерн"; другие цели, для которых современный человек прибегает к своей изобретательности.

В сорок один год он построил “настоящий” дом в Вене, напротив Императорского дворца; на место вызывали полицию, и газетчики довели его до психического заболевания.

Фасад дома стал Главным Орнаментом XX века (подхвачен и пронесен вплоть до берлинского шедевра Альваро Сиза (см.комм. N6) — угол, белая стена, оконные проемы, аскеза, — он не мог не думать о венском сумасшедшем).

Он рассчитывал доставить радость современникам.

Они его даже не поблагодарили.

Он умер в год прихода к власти Гитлера.

Архитектор-эссеист обратил внимание на фотографию Лооса рядом с Витгенштейном, Фрейдом, Шенбергом.

⁸ Евгений Асс.

В комментарии используются оригинальные тексты Адольфа Лооса.

⁹ ..я использую шесть сравнений..

Он действительно неисправимый романтик (см.комм. N4).

¹⁰ ...для иллюстрации неуклюжего урбанизма в целом..

В оригинале значится urban sprowl (sprowl — растянуться, развалиться, расплзаться) — т.е. буквально: расплзающийся урбанизм, стихийный, непреднамеренный (автор подразумевает урбанистическое вдохновение). Но в нашем переводе 1980-го. здесь и всюду далее — настойчивое “неуклюжий урбанизм” — ничего общего с sprowl.

А как иначе, не выходя за рамки приличий растерянные студенты 80-го, возвращенные на почти рокайльной эlegantности урбанистических утопий (урбанизм — как изящный перовый экзерсис, хитрое искусство орнамента) Танге, Брука и Бакемы, супругов Смитсонов и т.д., и на их глупых, но старательных отечественных копиях могли назвать (обозначить, определить) то, что вдруг ехидно им подмигнуло со свежей журнальной страницы улыбающимся фанерным щитом вдоль автобана — Welcome to Penn's green countrie townel — пузатой нежно-голубой или бледно-розовой колонной с безнадежно обвисшими ушами волют или, напротив, порнографически восставшими посреди пенсильванских проспектов длинными стелами-фаллосами, мраморными макетами там же, трафаретными с апельсиновой коробки оттисками на антикварных офортах планов вечных городов. В “неуклюжести” — все раздражение внезапно

очевидным финалом стиля. Предвкушение стиля — также. Оставим, как есть.

¹¹ *Наше поколение открыло Рим...*

Рим — город и так далее.

В известном киносценарии:

"Сцена №6. Вилла Боргезе. Площадка Пинчио. Натура. День.

Автобус с иностранными туристами выезжает на площадку Пинчио. Из него стремительно выпрыгивают пожилые американки. С мышинным писком они начинают фотографироваться.

В стороне стоит старенький фиат-1100. В машине сидит загорелый узколобый парень лет девятнадцати. Он курит.

Затем выходит из машины.

—и идет к американкам.

Одна из них, самая старая, оторвалась от остальных и с восторженным видом любуется панорамой.

Юноша подходит к ней, предлагает сигарету.

Польщенная старуха улыбается, берет сигарету,

—прикуривает. Ее пальцы немного дрожат.

Юноша и старуха улыбаясь смотрят друг на друга.

Она настоящая развалина, молодящаяся с помсцью косметики.

Юноша обращается к ней голосом нежным, как звук флейты.

Юноша: Do you like Rome?

Американка: Oh yes, wonderful!

Юноша берет ее за руку, унизанную кольцами и браслетами,

—мягко, но настойчиво тянет к машине..."

Можно перечесть также произведение Теннесси Уильямса "Римская весна миссис Стоун".

¹² *Как пост-героические модернисты, читая Зигфрида Гидиона...*

Их-то он (Гидион, Зигфрид, 1888–1968) и опасался, вводя в Предисловие к последующим (начала 60-х) редакциям своей Книги (Гидион З. Пространство, Время, Архитектура. Кембридж, 1947) легко обнаруживаемый буквально с первых строк и пребывающий в вопиющем контрасте с остальной массой фундаментального и бесконечно серьезного текста (противное — нонсенс для ученика Генриха Вельфлина) пикантно танцующий термин — этот почти инстинктивный оградительный жест стареющего автора, уже в Предисловии (впрочем, Введения в столь героические жесты пишутся, как правило, после... финальный рывок, перспектива выхода на свежий воздух) раздраженного гипотетическим

Читателем—отступником, его неизбежным вторжением (осквернением) в сакральные территории (вся История архитектуры плюс XX век Эпохи Мастеров), его порочными гедонистическими все—быстро—надоедает—он—торопитя—от—одной—сенсации—к—другой профессиональными пристрастиями (“готические арки, ренессансные портики, куполообразные крыши, приправленные небольшой порцией сюрреализма, чтобы добиться романтизации...”), наконец, — его фатальным “НЕПОНИМАНИЕМ”: но также — довольно вялая попытка “открыть глаза на очевидное, ему (Зигфриду Гидиону) малопонятное и — что важно — происходящее помимо, придав этому малопонятному определение, в высшей степени (по мнению автора) оскорбительное, но — вот досада! — неожиданно эффективное, от которого оно (см. комм. №6), собственно, и не подумало отказаться — PLAYBOY ARCHITECTURE

13 *...нашедших свое выражение в пьядце...*

Маэстро Федерико Феллини.

Пьяцца (ни в коем случае не путать с тшачейся импозантно быть, квивилибристически не попав под колеса Мэдисон—ав, — “плазой” и ши—нельной плацпарадной “страшною пустынею”) — результат благоприятного климата, истории архитектуры, особенностей коллективного характера (напр. Анита в фонтане... но многих это раздражает) и попустительства полиции.

14 *...композиционных элементов — формы и текстуры, рисунка и цвета, ритмов, акцентов и масштабных соотношений...*

Следует... должен следовать комментарий, идентичный набоксовскому N7 к 6 строфе Главы Второй “Евгения Онегина”: “full/полном: поэты часто используют прилагательное “полный”, чтобы заполнить середину строки (как здесь) или ее конец”.

15 *...из—за навязчивой идеи композиции пространства...*

Трансвременной фантом архитектурного образования.

16 *...артикуляция была порталом...*

Во французском словаре: articulation f — сустав, шарнир, артикуляция; articuler vt — выговаривать, произносить. В английском словаре — примерно тоже.

В упрямке слов-чудовищ, злобно оскалившихся со страниц пухлых арт-обзоров — нервно-паралитический газовый баллончик в руках новейших быстропишущих туда и обратно вдоль триумфальной оси восток-запад.

Из заветного списка: под эгидой легитимации, в рамках пост-модернистской эпистемы, декодирование означающих социокультурного меммиозиса, редукционизм гринбергианского типа, фронтал культурной жизни, способность дистанцироваться от бинаризов черно-белой диалектики в его установке на редукцию сигнификатов, экскавация знаков, критическая масса для финализации авто-деструктивного сценария, поглощение экзегетикой и апроприацией, симуляция парадигмы патриархальной креативности.

Шарнир многократно и сильно смазан: конструкция беспрепятственно смещается на 180 (а то и 360) и легко произносится (выговаривается).

В комментируемом тексте слово вполне невинно.

17 *...идолизировали...*

Нам привычной — идеализировали.

Идеал — идол.

Но идеалы имеют замечательную способность к идолизации, что лишь снижает сомнительное этическое и превозносит безусловное эстетическое; на эту тему Рейнер Бэнэм написал книгу "Новый брутализм: этика или эстетика".

18 *...мы были ... простыми и восприимчивыми ... в 60-х...*

Без пяти минут "простыми и искренними" — примерно в то же время за подобные определения профессор Джон Шейд (ас ним и профессор Набоков) катастрофически понижали отметки своим студентам (см.комм. N32).

19 *...Стрип имеет свои достаточные качества...*

1.Strip (англ.) — узкая полоса, небольшой участок земли.*

Неоновый пространственный стержень веселого и азартного бизнеса в Лас-Вегасе (Невада). Мираж в пустыне.

2. Strip (англ.) — узкая полоска материи.
Бретелька.

*
Но в одной из книг, смакующих (говорят — вскрывающих) "творческие противоречия" западной архитектуры (почему-то блистательный ряд артистических феноменов, их сложнейший художественный диалог — этот турнир стилистов — принято называть "противо-речиями") способом пересказа литературных источников, Strip получила название "поток". Переводчики увлеклись сияющим потоком иллюминированного текста.

²⁰ *Как архитектура "неуклюжий" урбанизм — это поражение, как пространство — это ничто. Только когда видишь здания как символы в пространстве, - — эта среда приобретает качество и значение...*

²¹ *Отделение техники от содержания...*

Удачный случай напомнить неинформированным о блистательном примере подобного метода — шедевре мировой балетной библиотеки — книге Любови Менделеевой-Блок "Возникновение и развитие техники классического танца".

²² *Поп-арт 60-х направил наши взгляды...*

Pop (англ.) — отрывистый звук (как от выскочившей пробки); шипучий напиток (!); неожиданно появиться, пойти; популярный; ХЛОП!
Хлоп! — Энди Уорхол — а именно: 100 Campbell's Soup, 112 зеленых бутылок Coca-Cola, два Элвиса (Elvis I, Elvis II), Мужик (Moujik — бульдожек Ива Сен-Лорана), сам Ив Сен-Лоран, Елизавета, Королева Английская, Ten Liz, Мао, — хлоп! — MARILYN (сколько... две... пятьсот... тысяча?) — оscarуайльдковский жестокий образчик пожирающего искусства, портрет Дориана, одинаково губительный и для модели и для мастера (конечно, Уайльд сочинял эту ядовитую и несколько затянутую историю, обставившись портретами Уорхола) и в некотором суггестивном плане — ассимилятивный эротический акт "объятия, поятия, осязания, ощупывания" (из прелестной терминологической архаики Габричевского) и облечения всеми возможными видами облучений: инфра-красным,

восторгом, завистью, радиоактивным презрением, ненавистью, обожанием, экстазом, ультра-фиолетовым унижением, равнодушием, нежностью, лукавством, пренебрежением, брезгливостью, хлоп! — но вначале был (внутри, кажется, был всегда) точный близорукий (заметно шурится, глядя в очки неизящной оправы — недостаток вскоре решительно устраненный темными зеркальными линзами, которыми он отгородился... или отгородил...) — итак, юноша, в двадцать семь, равно, как и в девятнадцать, намывающий на девственную бумагу акварельные стебли, листья, цветы и трепетные силуэты дамских туфель (..) здесь и чуть далее — купюра, см. поп-арт (..) оставил к радости респектабельных грабителей дома Сотби, после своего нелепо-случайного ухода, драгоценную шкатулку — ошеломительный двадцатипятикомнатный апартамент — наполненную заветными ар нуво, ар деко, ар фольклорик, мебелью, живописью, бакелитовыми браслетами, bibelots, столовым серебром, часами, бижу, старыми радиоприемниками — все вполне в уайльддовском вкусе, — а также "Дневник" (Journal) — эти персидские сказки Запада, мемуары Шахразеды в гибкой обложке — сборник наивных и печальных историй (но персонажи страшно оскорбились) в духе следующей: "...Среда, 17 октября 1984. Принц Йоханнес фон Турн унд Таксис начал рассказывать скотские истории. Когда он был молодым, он приехал в Голливуд к Мэрилин Монро. Она с ним встретилась и пригласила пообедать, но он не интересовался женщинами в тот момент. Короче, он рассказал, что спросил Мэрилин, кто еще будет на обеде, и она назвала несколько имен. Когда он прибыл, Мэрилин появилась в глубоко декольтированном negligee. Он спросил: "Где другие?" И она ответила: "Они все отменены". Они выпили по бокалу розового шампанского и пообедали. Потом она погянула шнурочки и осталась вслед за этим вполне голая и — он не смог. Тогда он дал шлепка прямо по ее грудям. И он сказал: "Пока, куколка". Он сказал, что смог бы притвориться и смог бы трахнуть, но — он повторил еще раз — он не интересовался женщинами в тот момент. Он рассказывал также, что Пикассо однажды его увидел и захотел сделать его портрет. Он сказал ему, что делает два и подарит ему один из них, но, как ему кажется, это тот еще старикашка, — он просто интересовался его телом. Это было на Пляже. Я не знаю, правдивы ли эти истории. С ними они вероятны." (Andy Warhol, Journal, ed.Grasset).

23 *...они заставили увидеть Лас-Вегас проще, оставаясь сами немножко непростыми...*

Отсылаем к последнему интервью Энди Уорхола в N1 русскоязычного Флэш Арт, которое дополняем фрагментом из давнего интервью знаменитого писателя: "Искусство никогда не бывает простым. Потому что, конечно, подлинное великое искусство фантастически коварно и сложно" (Nabokov)

24 *... (Жан Лабатю любил добавлять: "Хорошо встряхивайте перед употреблением")...*

Всякий раз, составляя настоящие комментарии и перечитывая по необходимости текст, неизбежно останавливаемся здесь — авторские, Роберта Вентури, скобки: полосатый шлагбаум — проезд закрыт! Досадно. Мы напрочь лишаемся возможности унести их (скобки) вместе с содержанием, в комментарий — им место там! — сделать своими, шаркнуть небрежной остротой и блеснуть эрудицией.

Один из признаков талантливого текста — произвольный порыв читательского со-творчества, своеобразно находящий выход в потребности присвоения.

25 *Луис Кан говорил, что хотел бы удивляться внешнему виду здания после того, как спроектировал его...*

Еще бы, учитывая, насколько безобразно он рисовал (ирон). Он также всю жизнь пытался понять, "чем здание хочет быть".

Кан, Луис — один из величайших архитекторов и педагогов XX века. Родился в девятьсот первом году (тысяча), слава настигла его лишь в шестьдесят лет (строительство художественной галереи Йельского университета, где он преподавал, не исключено со-действие фанатов-студентов); после завершения метафизической, по сей день вызывающей тоску и галлюцинации у понимающих толк в архитектуре, правительственной цитадели Шер-Э-Бангланагар в Дакке-Бангладеш (буков. vis-a-vis и в государственно-этническом и художественном соперничестве с подобной же корбузианской метафизикой в Чандигархе-Пенджаб) перешел в некие иные мемориальные... трансцендентные... сферы, а именно никто, из оставшихся здесь, не знает толком, жив ли он еще...

26 *Гропиус делал слегка не то, что говорил...*

Отсылаем к комм. N23 — замечанию о бесконечной сложности истинного искусства, а также — с завистью (см. комм. N24) — цитируем неповторимого Бэнэма: "Длительная творческая деятельность Вальтера Гропиуса в области Современной архитектуры (1883–1969) была одновременно замечательной и удручающей. Мало кто сделал больше для создания духовного и морального климата, в котором могла родиться современная архитектура, и никто не умирал столь презираемый всеми за свои измены: участие в проектировании башни "Пан-Америкен" над Центральным вокзалом в Нью-Йорке и Плейбойклаба в Лондоне ему не простит целое поколение..."

27 *...он рисовал кубистические композиции и любил пароходы и автомобили...*

Понадобилось более полувека и шикарный 320–страничный, 483 иллюстрации, из которых 244 — in full color, жест издательства Harry N. Abrams, чтобы вилла Савой (Пуасси, Ле Корбюзье, 1929–1931) обрела, наконец, шарм СВОЕГО времени — до того, стараниями архитектурной критики — парила, едва касаясь его тонкими опорами.

Наконец-то — здесь и в некоторых иных местах, напр. в комм. NN 3, отчасти — 4, а также 8, 10, 16, особенно — 22, фрагментами — 33, отзываемся на удобство и безусловность бурно расцветшего художественного жанра перечислений — вуатюр, заглохший между колоннами (что-нибудь красно-гоночное: колеса со спицами, правый руль, Audi, Adler, Alfa-Romeo, Renault; мягкая фетровая шляпа и пачка сигарет Gitanes, торопливо забытые вместе с увядающим букетом на столике в вестибюле; хромированные поручни пандуса; фокстрот верхнего этажа; стойкий запах "Шалимар-Герлен" и люкс-кутюр спальни: жемчуг, кораллы, дорогие вышивки на крепдешине, прозрачные шелковые чулки телесного цвета, обтянувшие недавно окончательно открытые ноги, веера Gabriel-Ferot, Dubo... Dubon... Dubonnet, Лепап, Ланвен, Пуаро и рядом — твид и бриолин, источающие маскулинность; с террасы — опоздавший гудок кассандровского Etoile du Nord; обитатели — зрители прощальных вздохов Saisons Russe ("Аполлон Мусарет" Игоря Стравинского в хореографии Джорджа Баланчина) и далее.

Этот железобетонный ящик элегантностей, размерами (в осях) 19000 x 21500 прихлопнут сверху обложкой-плитой монументального тома с кратким и безапелляционным грифом ART DECO (типографика "Паризиана").

Впрочем, нас легко обвинить в ереси.

28 *...ради функционалистско-структуралистского стайлинга...*

По искусственному ледяному полю подобной фонетики легко скользить в сторону новейшего, еще более гладкого и не менее стильного "хай-тек" (high-technology).

29 *...между Мисом...*

Мис — именно так в тексте — сокращенное от Людвиг Мис ван дер Роз (1888–1969), фиксирующее мифологичность последнего.

Его искусство настолько абсолютно, а влияние на стиль жизни столь очевидно, что непреодолимое желание текста, например: география его искусства описала полный круг, неизбежно разрешаясь в каждом пункте созданием Zeitgeist'ов: от кристалльных (хрустальных) проектных

фантасмагорий небоскреба на Фридрихштрассе ("стеклянная цепь" — стеклянный рай. что—то еще...) и хирургических хромированных стоек барселонского павильона, этого прощального иллюзиона догитлеровской Германии (гитлеровская, впрочем, начиналась также с оптической феерии "Хрустальных ночей" через Американскую Мечту "Сигрэм-билдинг" — тридцать девять этажей манхэттенской гиперэлегантности в "сером фланелевом костюме", — снова в Берлин, уже Западный, с прощальным даром (на сей раз собственным: он скончается через год после завершения строительства) — неошкинелевской — и так далее, — словом, это желание сменяется, наконец, разрешающим и освобождающим выдохом: "Мис — это такой гений. Но я старею! И скучаю!" (Джонсон).

30 *...обложки "Fortune magazine"...*

31 *...эффект шока был ... в открытии крестьянской архитектуры Натеау в аллеях Версаля...*

Не так давно серией, как всегда бесподобных словесных передач, неиссякаемый виртуоз Гаевский отправил петербургский Императорский балет во главе с его Примой (Кшесинская. Мадам Семнадцатая. Матильда. Маля...) и ее коронной Эсмеральдой с козочкой — прямым ходом к коровкам, коих нежными ручками доила, оказывается, Мария-Антуанетта, уединившись в Версале (Малый Трианон), на фахверковой фермочке — в том самом Натеау.

32 *...СКАРЛАТТИ И БИТЛЗ...*

Это эффектно. Впрочем, последующий текст вряд ли оправдывает заманчивые обещания заглавия: интрига окажется местного масштаба, букв. интерьерной (интеллектуально меблированный салон с невообразимым отверстием "слухового" окна, персидским ковром и всевозможными историко-архитектурными аллюзиями в каком-нибудь Такер-Хауз, тихо сползающем по диковатым склонам прелестного, неподалеку от Нью-Йорка, захолустья, — маэстро небезосновательно инкриминируют привязанность к финансово способным "клиентам со вкусом", об упреках к коим, как это ни парадоксально, и пойдет речь далее в тексте). Но именно это музыкальное приношение (к тому же вполне необычное: Шуберт — уже был, были еще кто-то), само по себе редкое в архитектурных сферах (исключая триуизмы с застывшей... и сногшибательную в своей глубине

параллель между Чандигархом и поздними квартетами Бетховена) и толкнуло на переводческий подвиг.

33 БИТЛЗ

The Beatles; разговорн. — "битлы, -ов, -ами"; недавно появилось совершенно очаровательное "Тхе Битлз".

Les enfants terribles взорвавшегося Лондона эпохи "шокинг-поппинг" — квартет юных — и в юности прелестных — английских музыкантов-непрофессионалов, исполнявших музыку собственного производства, коих вклад в мировую музыкальную культуру измеряется драгоценной коллекцией элементарных, но воистину "золотых" мелодий — безусловно наилучшей детской музыки (точнее — музыка детства), — запечатленной в серии грамофонных "альбомов" (поэтика нотного стана, поэтика клавираусцгов, партитур, фортепианных переложений и т.п. — поэтика музыкальной графики, исключая узкую, очень узкую сферу музыкального авангарда — деградирует: никому не приходит сегодня в голову пыльно наслаждаться, рыская по архивным полкам в поисках за нотными автографами Элвиса, Пола, а кого там еще... как прописывал голоса Джон? — все заменила легко ранимая демократичная виниловая пластинка — хранитель того единственного раза, когда (сразу) сочинено, спето, "записано", когда авторы — они же исполнители и — all rights reserved — принципиально нет интерпретаторов — потому — некому считать и — неоткуда: в ЭТОЙ музыке время нотных библиотек — прошло... а автографы? — теперь это торопливо раздражительные, но с тайной благодарностью, корявые две-три черты на дисковом конверте в потных руках обезумевшего от созерцания и осязания фаната (устар. "поклонник"); в редких же случаях столкновения с графическими оттисками ЭТОЙ музыки — полнейшее разочарование...), итак тот самый вклад, уместившийся в серию "альбомов", совокупностью своей и при некоторых трепетных сокращениях представляющий Le Grand Album d'Enfant — Большой "Детский Альбом" XX века, со всеми вытекающими отсюда зимними утрами и утренними молитвами, мамами, играми в лошадки марширующих деревянных солдатиков; новыми и, тем не менее, заблуждающимися и вовсе умирающими куклами; вальсами, польками, мазурками, бабами-ягами, сказками и — ох, как сладкими! — грезами в уютных провинциальных церквях... и с нянями, нянями, с КОЛЫБЕЛЬНЫМИ — со всем этим, модернизированным в сторону повального четырёхдольного размера и ритмического однообразия, прерываемого изредка взрывами торопливой юношеской гиперсексуальности с ее неизбежным следствием — анэротичностью, — Детский Альбом, одним словом.

Движение: au debut все было изящно: молодость, лица, прически (куафюрское искусство Британии — традиционно на высоте), "о-о-о, о-о-

о", хлопанье в ладоши, пение фальцетом, простительная неуклюжесть (читай — развязность) сценических повадок — был избран т.н. "эпатающий" — упомянутый шокинг — стиль, благосклонно, впрочем, принятый и освященный растерявшимся и сбитым с толку Королевским Двором в качестве одного из удачных и заманчивых (рядом с юбками Мэри Куант) изделий британского экспорта, — сама Марлен позволила сфотографироваться рядом с собой, но затем мальчики, come on dit, возмнили, деградация стиля, конечно ссоры, скандалы, развалы (последние отныне обретают статус немаловажного элемента поэтики): один, женившись на японской авангардистке, сделался прогрессивным борцом за что-то в этом роде — увь, эклектичные 70-е, — исполнял музыку собственного производства (не тянущую на уровень предыдущих коллективных шедевров), в конце концов был застрелен каким-то безумцем в Нью-Йорке в возрасте сорока лет, счастливо не успев состариться и надоесть, в отличие от коллеги по квартету, в 50 имеющего вид дурно сохранившегося 35-летнего с лицом неопределенного пола. Двое оставшихся членов квартета (третий и четвертый) всегда находились в тени, где удачно и остались.

P.S. После составления комментария мы впервые прочли биографию одного из музыкантов — до того знали лишь музыку и обязательные из легенд (этого невозможно было не слышать). Все оказалось не совсем так как мы сфантазировали, но они (наши фантазии) устраивают нас больше.

* 4 ноября 1963 года, театр принца Уэльского. В девяносто лет она вдруг вспомнила о них. Вот послание с авеню Монтень, N12:

Хоу! Хоу! Хоу!
Какой талант!
Какая находчивость!
Какой пыл!
Какая страсть!
Настоящие братья по оружию!
Композиции Джона Леннона, конечно же, опережали время.
Восхищение ими безгранично.
Прощайте, ребята!
Марлен Дитрих

34 *...поддержит контроль...*

См. комм. N37.

35 *...который поддерживает "высокий" дизайн исключает поп-архитектуру, снижает качество любой архитектуры и сводит на нет*

разнообразие и иерархию, которые всегда были частью сбалансированной и жизненной общественной архитектуры...

Финальный — сейчас упадет антрактный занавес — взрыв авторского темперамента; ритмически оформленное, в быстром темпе, нагнетание атмосферы "поддерживает — исключает — снижает — сводит на нет" — это понравится любителям изяшного.

36 *школа искусств — это не собор... большая часть архитектуры в нормальном контексте будет простой...*

Вариант N1: имея в виду авторскую дефиницию архитектуры как орнаментированного крова (см. заглавие статьи Роберта Вентури), а также особые отношения с орнаментом некоего венского артиста (сознательно избегаем понятия "архитектор" — так сложны были его чувства к современникам—представителям означенной профессии), фраза обретает оттенок пародии. Ср: "К искусству относится лишь самая малая часть архитектуры: надгробие и монумент. Все остальное, как служащее цели, должно быть исключено из мира искусства". (Адольф Лоос, см. комм. N8).

Вариант N2: так сходятся крайности. См. комм. N8 и текст Роберта Вентури.

37 *...маленькой фирмы с небольшими заказами и ограниченным бюджетом...*

Бюро Venturi, Scott–Brown and Associated в июне 1989 года предложило вниманию проект Philadelphia Orchestra Hall (для одного из Великой Американской Глятерки) в виде очнувшегося от десятилетней летаргии дома–сарая с барочными завитками внутренней планировки, древнеегипетскими лотосами антрактных радостей улыбающегося фойе и нелепым орнаментом (что–то назойливо фольклорное) яростно италянизирующего зала. Вся эта дорогостоящая атмосфера банальностей в духе эстетики "приятно проведенного вечера", кажется, удачно встроится в ряд факторов непреднамеренного контроля (см. прим. N34) за музыкальным репертуаром, о которых сетовал ныне покойный Игорь Федорович Стравинский в "Диалогах" с ассистентом (см. Стравинский — Крафт, Диалоги о музыке).

Ровные картонные ряды предполагаемых американских слушателей, любовно вырезанные и усаженные в макет зала, приглашают еще раз обратиться к упомянутым "Диалогам": "Публика — это отвлеченное понятие здесь; у нее нет вкуса".

38 *...наше время — не время для героических или чисто архитектурных заявлений ... о нашей склонности ... к скромной архитектуре, основанной ... на необходимости.*

В 1924 году это выглядело так "Наша эпоха — не время пафоса; мы не столько почитаем взлеты духа, сколько ценим разум и реализм" (самый из Героических архитекторов Мис ван дер Роэ).

Громкие и устойчиво транспируемые во времени претензии негероичности и беспаспортности нечаянно высвечивают скрытое и весьма предсудомнительное желание алиби — разметка укромных территорий на случай все же возможных патетических жестов.

39 *Это — наши доводы для оправдания...*

Мы все же надеемся в нашем переводе и неакадемическом комментарии избежать смехотворных ошибок, подобных тем, какие высказывают там и здесь даже при беглом просмотре очередного тома в целом бесконечно полезной кинематографической серии "Великие о Великих" (Висконти о Висконти, 1990). Маэстро содрогнулся бы, узнав, что публикуя литературный сценарий его "Семейного портрета в интерьере" переводчики — заодно и редакторы — так и не смогли верно определить пол косвенного персонажа, голос которого упоминает Конрад Хюбель, разглядывая пластинку, снятую с металлического диска проигрывателя: Сцена 10 (с.274). Конрад: "У меня есть эта вещь в исполнении Шварцкопфа"(?!). Странно не знать великих оперных вокалисток, предпринимая издание Висконти, коварная немецкая грамматика. Но нечаянная подсказка громко кричит двумя шагами ранее: Сцена 10 (с.273). Конрад: "Обожаю ШТРАУСА" — конечно Рихарда — Висконти не ставил оперетт, а Элизабет Шварцкопф (!) (если угодно — Элизабета — в стиле переводчиков) — наилучшая фельдмаршалша. И ниже, в научном комментарии: "Голубой ангел" (1930) — фильм Эриха Штрогейма (?!!) с Марлен Дитрих в главной роли" (там же, с.424). Здесь были бы весьма удивлены Джозеф фон Штернберг и дама из номера 12, авеню Монтень. Луис Кан умер в 1974 году (см. комм. N25).

"Оправдание взятой темы —
в личном и уверенном к ней подходе,
в готовности горячо отстаивать
свое собственное мнение."
(Андрей Левинсон, *Старый и новый балет,*
издательство Свободное искусство,
Петроград. февраль 1917.)

ПО ЧУЖИМ СТРАНИЦАМ

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Я назвал бы свою встречу с Авитал Ронелл несколько растянутой во времени. В поисках графического сравнения воображение возводит некое пространственное легато, точнее дугу, возникающую тонкой чертой в точке мнения Дэвида Леви-Строса касательно второй ее книги, "Войны против наркотиков", и радугой простирающуюся через океан в пункт завершения в вокальном расслоении в небольшом кафе под названием *Musical Offerings* (*Музыкальные предложения – подношения?*), в Беркли напротив университета, где мы провели несколько часов, точно в раковине, в "улитке слуха", в скорлупе нескончаемого прибора барабанов -- с пяти вечера в патио университетского центра ежедневно разрастается темная крона африкано-карибского бормотания, на ветвях которой порой находится место и робкой белой листве.

Мера извне и естественно-странная поспешность разговоров обо всем (по преимуществу) обрамляли закат. Что означает передвижение солнца на запад. В Китай. Американская философия до недавней поры -- если прищуриться -- напоминала своеобразную интерпретацию принципа домино. Валясь друг на друга, тома книг нескончаемой лентой толкований тянулись к Франции. В чем не было никакой проблемы вообще. Томительно-невразумительный университетский марксизм, подобно цыганскому романсу, навевал еще более невразумительные мечты о все объясняющих принципах пост-индустриального/исторического общества. За академической гримасой можно было угадать старосветское смятение и жеманный страх (идет изменение базисных структур сознания: время, пространство) пред исчезновением *самого как бы важного*, грозящим смыть даже сам страх. Нагие и бледные, даже без бирок на щиколотках, -- стирание self, санкционировавшего прежде любое суждение. Септенция Картезия "я мыслю -- следовательно..." неуклонно изменялась, покуда не приняла форму "я существую, поскольку исчезаю". Исчезновение знания -- точнее *пунктум* его превращения в незнание -- стало одной из мгновенных тем, обнаруживших себя в виде "взаимопонимания".

Припомним, как Джеймисон в начале 80-х обрушивается на поэта Боба Перельмана с критикой его шизоидного сознания. Однако это лишь повод. Понятно, что это

всего лишь завуалированный выпад в сторону паралогических игр и иных структур знания Лиотара, и так далее.

Утром того же дня я получил по e-mail короткую записку от Александра Секацкого из Петербурга, в которой он попросил задать несколько вопросов Авитал, так как накануне вечером узнал от меня о предстоящей встрече с ней. После того, как были подписаны книги, после того, как книги были подарены -- мы перешли к вопросам. Вопросы всегда одинаковы. Например, "Каким Вы представляете себе своего читателя?" -- "Я его не представляю. Я его делаю. Каждое предложение является трудом не столько высказывания, сколько извлечения из массы -- одного, второго, третьего читающего. Важны даже откровенно отрицательные реакции. Можно допустить аналогию со сложным химическим процессом." Тогда еще один вопрос от вашего переводчика -- "Согласны ли Вы с тем, что -- философствуете молотом?". Далее -- улыбка, молчание. Утверждение. "Да, конечно... Да. Впрочем, я приготовила для Вас одну забавную вещь -- возможно она поможет разобраться с другими вопросами."

После мы вышли и пошли покупать сигареты, потом просто шли и разговаривали до тех пор, покуда не пришло время ей возвращаться к своим студентам, а мне по своим каким-то делам.

"Забавной вещью" оказался журнал *Mondo 2000*^{*}, интервью с Авитал Ронелл из которого я предлагаю ниже и надеюсь, что оно сможет в той или иной мере ввести читателя в не менее "забавный" мир "Телефонной книги", которую Жак Деррида назвал "Подлинным землетрясением" и об авторе которой Дэвид Леви-Строс говорит: "она и впрямь -- переключающий каналы реальности хаккер; пересекающая границы крепостей со скоростью, ввергающей в шок".

Аркадий Драгомощенко

* один из новых популярных, "гляцевых" журналов, посвященный проблемам кибер-пространства, виртуальной реальности и всей субкультуре, выросшей вокруг; издается в Сан Франциско.

** первая книга А.Ронелл, главы из которой в переводе А.Секацкого "Митин Журнал" предложит своим читателям в начале будущего года.

*** американский писатель; издатель и редактор журнала *Acts*.

АВИТАЛ РОНЕЛЛ

Гарри Вулф для журнала *МОНДО 2000*

Мондо 2000: Как вы понимаете компьютерную или электронную культуру либо культуру киберпанков?

Авитал РОНЕЛЛ: Во-первых, я менее всего заинтересована в инструментальности или же в орудийности медиа-инкурсий, чем в отношениях с галлюциногенным внеположением, отражающим их. Под этим я подразумеваю -- место, где различие между внутренним и внешним радикально приостановлено, задержано и где эта фантазматическая оппозиция остается открытой. Вот почему наблюдать машину как объект мне нравится меньше, чем наблюдать метафизические разрывы, которые она открывает.

Под электронной культурой, как мне кажется, мы подразумеваем определенное соскальзывание в сторону метафизики. В значительной мере кибернетика была замсцена более изолированной дисциплиной искусственного интеллекта. Однако по-прежнему остается сущностное различие между человеческим и машинной. Задолго до возникновения человеко-машинного гибрида, технология человеческого уже обладала своим местом. Следующим фокусом моего внимания в новой книге, посвященной Бытию-в-Наркотике, является проблема "химического протезирования". Если расположить словесность электронной культуры в пространстве письма Филиппа К. Дика либо Вильяма Гибсона -- в образности проекций киберпанков или же в консервах Виртуальной реальности -- можно сказать, что электронная культура решительно разделяет свой проект с культурой наркотиков.

Я говорю откровенно -- меня интересует звено между электронной и наркотической культурами, отчасти потому, как наркотики конституируют локус незнания. Как таковое оно всегда служило поводом для грубейших вторжений. И подобно тому как ранее я рассматривала вопрос технологического пристрастия сквозь призму телефона, в настоящий момент я поднимаю вопрос о структуре пристрастности, как таковой.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИСТРАСТИЯ

Мондо 2000: Вы опубликовали книгу о наркотиках и одновременно вы ведете семинар, посвященный этой же проблеме. Обвиняли ли вас когда-нибудь в распространении или пропаганде наркотиков среди ваших студентов?

Авитал РОНЕЛЛ: Ну... да, потому что, если ты начинаешь думать о чем-то, что было ограждено как неприкасаемое, о том, что окружено массивом дискурсивного молчания, тебе неизбежно навязывают наиболее негативные черты, присущие этому предмету. Постыдная история, в которой мы обретаемся успешно продолжается: как будто нам известно, чем являлись наркотики. Необходимо тщательное исследование риторики наркотиков. Я должна сказать, что я ни за, и ни против наркотиков, однако я думаю, что концептуальные исследования в этой области поражают неуклюжестью и глупостью.

Хайдеггеру принадлежат несколько очень любопытных замечаний касательно пристрастия. Он говорит, что проблема наркотического пристрастия заключается в том, что оно ограничивает тебя в том, в чем оно наиболее доступно, ты не можешь думать ни о чем, кроме того, что уже готово к употреблению.

Мне кажется, что мы, должно быть, нуждаемся в сверхнаркотиках, сверх-галлюциножанрах. Мой вопрос заключался в следующем -- общество, которое обрушилось на все эти галлюциножанры... не намревется ли это общество выказать свою агрессивную враждебность и в отношении всех творений литературы и галлюцинаций? После того, как я окончательно решилась сесть за рукопись, я стала понимать по возвращению из Парижа, что здесь действительно идет другая война -- против искусства. Наркотик есть часть всей нашей Пуританской истории войн против искусственного. Все это крайне сложно и требует осмысления, поскольку в то же время мы пристрастны к нефти, являющейся иным видом субстанции, связанной с оборудованием для езды (drive)¹.

- Что такое галлюциножанр?

- Это изобрела я. Эти жанры, связанные с анти-миметичными условиями или же фантазиями, совершенно нереперентны. Что

¹ Английское слово drive означает также и "напор", "течение", касаясь целого ряда значений из области интоксикации.

означает различие между сочинением, не производящим никаких ценностей (value)² и смертоносным симулякром, связанным с нашей настоящей машиной войны. Мы бесспорно одержимы технологией, однако исключенное и неисследованное поле наркотиков остается тайной. Нет такой войны, которая не была бы войной против наркотика. Хотелось бы знать, какой вид наркотика употребляют в армии.

– Многие "технофилы" также симпатизируют тому, что принято называть "культурой наркотиков". Есть ли связь между технологической одержимостью и наркотиками?

- Существует множество связей между наркотиками и технологией. Бодлер говорил, что алкоголь является способом создания ваших фантазмов, управляющим их появлением и исчезновением. Спросите самого себя, кого вы топите в алкоголе, кого вы х(о)роните в нем? Таким образом, для Бодлера опьянение представлялось тяжелой работой, связанной с мнемоническим аппаратом, а кроме того оно должно было возрождать память. В какой-то мере опьянение должно как-то оперировать с мышлением в модусе банков памяти. Однако и технология и наркотики предлагают очередной тур побега, выход в атопию.

НАКОПЛЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

Мондо 2000: В "Телефонной книге" вы описываете, как технология защищает и сохраняет наши фантазии, устанавливая связь с мертвыми. Хотелось бы узнать подробнее об этом в свете сегодняшних грез о компьютерах. В размышлениях, посвященных технологии, Вильям Гибсон, например, в своем романе Нейромансеро рассматривает компьютеры, как инструменты буквально накапливающие и сохраняющие личность умерших.

Авитал РОНЕЛЛ: В настоящее время я работаю вместе с своим коллегой над статьей о кибернетической корпоративности и компьютерном прототипе. Вопрос о том, как взять жизнь в скобки существенно осложнен перспективой существования компьютерного вируса. Что же касается "сохранения идентичности личности" очевидно то, что невзирая на активные поиски иден-

² Value -- в контексте Авитал Ронелл value следует понимать как и "стоимость", то есть как "прибавочную стоимость", производимую искусством.

тичности, таковой изначально не существует. Степень, в которой мы заимствуем черты или свойства этих машин более впечатляюще и интересны для меня, чем обратная сторона этого вопроса, которой посвящается множество размышлений -- могут ли машины имитировать нас? Само понятие срыва, я имею в виду нервного срыва, заимствовано из ранней технологии -- машина пошедшая вразнос. Меня же во шует наша бесконечная способность брать различные структуры взаимы, напрокат, в аренду. Я замечаю как мои студенты "click in", или же -- "delete". Они в совершенстве повторяют механизмы, с которыми у них сложились интимные отношения.

– Что вы думаете о криогенной биологии или же других движениях сохранения и накопления?

- Меня это совершенно не удивляет. Борьба с конечностью является абсолютной войной. Она никогда не будет завершена. С другой стороны культуру отрицания, в которой мы обретаемся, я нахожу опасной. Это желание -- иллюзия отчаяния. Я убеждена, что местом, где технология достигнет чего-либо существенного, будет медицина. Например, гинекология до сих пор примитивна и груба. Этому нет никакого оправдания. Я убеждена, что медицина, включая все виды фармакологии -- должна и будет улучшаться, чтобы служить не столько моральным, сколько насущным пуждам.

Всегда хочется пережить свой тупик -- сохранить другого, избегая страдания. Заслуга научной фантастики в том, что она старается изобрести будущее, артикулированное в несколько иного рода модусах его возможной артикуляции. И даже, если научная фантастика не в состоянии создать условия для определенных моделей будущего, она драматизирует возможности отрыва от унижительных отношений с прошлым.

Есть несколько вещей, с которыми мы боремся. Мы, вероятно, последнее поколение, которое состарится. Некоторые травмы должны быть изжиты, и технологически их возможно устранить. Лично я всецело за это. Травм действительно слишком много.

– Телефонный звонок у вас ассоциируется с приговором, со смертным приговором, но также и с помилованием.

- Страх тревоги, беспрокойства, сопутствующий каждому телефонному звонку (call)³ также является возвращением к сознанию нашей конечности. Звонок телефона подобен удару смертельной дилектике, которая у Лакана ассоциируется с любовью. Вы ожидаете любви, но, когда она приходит -- она всегда неожиданность. Внезапная, ошеломляющая, она казалось бы должна была быть всегда с вами, однако она -- случай. К тому же я заметила, что телефон "ре-Едипизировал" нас. Мы постоянно звоним домой, мы прик"ваны к этой пуповине. Контакт с другим может быть нарушен, но разрыв никогда не будет идеально чист.

– *Что явилось предпосылками вашей заинтересованности в телефоне, в его логике соединения и рассоединения, и так далее?*

- Это могло возникнуть из опыта моей скитальческой жизни. Меня никогда не покидала ощущение собственной циркуляции через совершенно различные точки. К примеру, я приехала в США из Израйля, из страны вне исторического места, что естественно повлияло на мое ощущение технологии... В итоге работа предложила некую стабильность. Однако она стала для меня сильнейшим наркотиком, моей виргуальной реальностью. После приезда в эту страну мне довелось жить в неблагополучных районах, и телефон был единственной возможностью избежать улицы и ее диалекта.

– *А почему вы жили в таких районах?*

- А почему нет? Надо думать, мы были просто бедными эмигрантами. Мы приехали через Израиль, мои родители были немецкими евреями. Они, к тому же, были исполнены разочарования в различных этнических/национальных мифах. Моя мать была секретарем Бен Гуриона и с самого начала была проарабски настроена.

– *А школа?*

³ Английское Call одновременно означает и звонок и зов, эти значения сводят перспективу Авитал Ронелл в точку Хайдеггеровской интерпретации "зова".

- Я ходила в общую публичную школу в Нью Йорке, затем мы переехали в Нью Джерси. В Нью Йорке я ходила в "специальный класс", то есть, в класс для развитых детей. В Нью Джерси я также была определена в специальный класс, но в последнем случае он означал противоположное, а именно, класс для умственно отсталых. Тому, кто пересек эту границу, возврата нет. Но на удивление я очень быстро освоилась в Нью Джерси и в этом специальном классе. Свою докторскую степень я получила тоже в Джерси, но в другом месте -- в Принстоне.

- *Вы были послушной, или же мятежной ученицей?*

- Когда я жила в Бруклине, я была членом "небольшой лиги" банд. Меня звали boss girl. Мы били окна, а осколками "писали" членов других банд. Это было ужасно. Меня едва не зарезали. Мне было одиннадцать. Из-за всей этой путаницы со специальным классом в Нью Джерси родители отдали меня в частную школу. А там учитель английской литературы гнал меня из класса вон за мой выговор, который был хуже, чем у портового докера. Это все было чрезвычайно больно. Вокруг были богатые дети, и они смотрели на меня как на полную идиотку. Ну... потом как-то был экзамен, и учитель должен был объявить автора лучшего сочинения. И вот, после сочинения на тему Шекспировского Макбета, он сказал, что намерен прочесть лучшее эссе вслух, но прежде он хотел бы, чтобы мы догадались, кто автор. Потом он прочел мою работу.

С того мгновения Шекспир стал моим добрым гением. Я поняла, что у письма нет акцента, Бруклинского акцента. Шизопейзаж Нью Джерси померк, и литература открыла новое пространство, где, впрочем, также необходимо было рисковать. От письма осколками стекла я перешла к другому письму.

ТЕХНО-МИСТИФИКАЦИИ

Мондо 2000: У вас в книге есть глава, названная "Против апартеида". Может ли быть связана проблема технологии с проблемой справедливости?

Авитал РОНЕЛЛ: Безусловно, в том смысле, что справедливость всегда является обещанием, связанным с будущим, требующим нескончаемого труда и способности вообразить подлинную мутацию настоящего.

- *Каким образом?*

- Деррида, Делез и другие сделали многое в этом направлении. Существование схвачено технологией. И имею в виду -- в сильном, активном смысле. Нельзя сказать, что мол "они там создают технологию, а мы здесь -- нет". Не существует зон безопасности, равно как невозможно переключиться -- вопре. Вот поэтому мне показалось, что необходимо написать книгу об истории изобретения телефона.

Но должна сказать, что само употребление понятия "изобретение" проблематично. Это почти всегда предполагает некий метафизический мужской субъект, который что-то создал, и его (белое) имя навеки связывается с изобретением. Однако мужчины, которые числятся в изобретателях, часто переживали глубокое чувство трагической несправедливости. Они как бы всегда желали восстановить справедливость по отношению к недостаточности ситуации и предпосылок.

В случае Александра Белла -- его мать была глуха, его жена была глуха, он потерял брата и очень хотел *воссоединиться* с ним. А теперь выясняется, что он был еще анти-расистом. Для него дать голос другому означало почти то же, что заявить о том, что каждая человеческая личность имеет право на голос. Он буквально был увлечен тем, чтобы дать сказать Другому, или же коллективным *сказанием*. Вот еще почему я захотела исследовать *что* означает говорить, что означаетобретение голоса или права голоса.

Технология пыталась многое сделать и концептуально, и исторически для освобождения. Многое выглядит глупо, многое кажется утопичным, тем не менее мы вовлечены сю в глобальную консолидацию. По сути, политика теперь вторична по отношению к технологии.

Меня интересует эпоха электричества, которая как бы повторяет траекторию, вычерченную в моей книге, от телефона до электрического стула. У казни на электрическом стуле очень сложная, запутанная и почти не документированная история. То, каким образом мы решаем, согласно нашим либеральным понятиям, что именно создаст, конституирует пытку или же приемлемый способ казни, является чрезвычайно провоцирующим предметом исследования. Это невероятно, но мы продолжаем казнить людей.

– *Каким образом проявляется отличия электрической эпохи?*

- Конечно, я должна была бы сразу сказать, что мы переживаем конец вообще всякой эпохальности. Мне не кажется, что существуют артикулированные или абсолютные разрывы между

мгновениями. Но очевидно одно, открытие электричества сделало очевидным смещение от чего-то естественного в сторону иного движения языка и восприятия. Истоки электричество лежат в чем-то божественном, в некоем гиератическом контексте, как нечто похищенное у богов. В молнии есть какой-то привкус романтического вызова природы, силы, которая становится демонической и разрушительной, -- вспышка временения, лишенная истории.

В документах и литературе, посвященной электричеству, самое маниакальное внимание уделяется его возможности воскрешать мертвых, включать что-то такое, что тронут тлением и разложением. Именно эта возможность включения, возможность "перезвонить" и есть то, что на самом деле интимно интересует электричество. Существуют целиком заимствованные системы возможной реанимации. В том смысле, в каком это относится к Франкенштейну. Андрю Кросс был электриком и человеком включившем Мари Шелли, то есть давшей ей высказаться.

– В вашей Телефонной книге вы рассуждаете об отношениях Хайдеггера с нацистами. Вы проанализировали интервью, в котором Хайдеггер утверждает, что ничего не было, кроме ответа на телефонный звонок из штаба СС.

- Мне хотелось просто прочесть странную исповедь Хайдеггера газетам. В чем-то агрессивный журналист спрашивает: "Ладно, какое же было ваше отношение к политике во время третьего рейха? Что это было? Что?!" И Хайдеггер отрицает все, какие-либо отношения. Журналист говорит: "Ладно, все равно у вас были какие-то с ними отношения". И Хайдеггер говорит: "Ладно, когда я был ректором Фрейбургского университета, позвонил телефон. Я поднял трубку, это был штурмгруппенфюрер СС, -- я ответил на звонок."

В этот же миг я затормозила историю. И я повторила вопрос. Что значило для Хайдеггера, писавшего о "зове" столь настойчиво и неустанно, для Хайдеггера, задававшегося с такой же страстью вопросом о технологии, сказать, что не было никакого отношения, что он просто ответил на звонок?

Ответить на звонок/зов (call), как таковой, в сущности есть почти трансцендентное осложнение. Предстоит перед фактом того, что телефон существует повсюду и каждый, собственно, находится в ситуации приятия зова/звонка -- к чему же мы призываемся? Что происходит с нами, когда мы отвечаем автоматически? Вы не знаете, кто звонит. Вы не

знаете, что повлечет за собой этот звонок/зов, однако вы одновременно с ним произносите "да".

Фрейд отмечал, что по телефону невозможно сказать "нет". Синтаксис, навязываемый телефоном требует, чтобы вы подняли трубку в момент звонка/зова, что означает -- "да". Невозможно одновременно принять зов и от него же отречься. Я рассматриваю телефон как вид высказывания, которое требует нашего ответствования. Их много, технологических высказываний-требований, на которые мы вынуждены отвечать. Когда свистит закипевший чайник, вы естественно отвечаете на это.

– Перед тем, как закончить, хотелось бы узнать побольше о помехах.

– Вы имеете в виду концептуальность власти?

– Да, помехи в вашей книге — эти разрывы, резкие переходы, трудный язык, — постоянно вплетаются в чтение. Ваша книга подобна хип-хопу, который набит совершенно посторонними вещами.

– Возможность глубокого и полного чтения без каких-либо травм немислима! Помехи существуют всегда, однако есть также определенные способы их тематизации. В терминах истории науки помехи являются местом, вокруг которого организовались все наиболее великие открытия двадцатого века. Помеха является другой стороной организованного звука -- нечто, что предстоит означиванию и что обладает совершенно иной временной структурой. У помех совершенно изумительный семантический ряд значений. Они внедряются в основной дискурс, они сминают коды. Этот вид паразитического шума или случайных искажений всегда являлся существенной частью языка, однако той частью которую всегда необходимо было устранить. Все это означает метафизику собственного, чистого... и собственность/ присвоение сходятся здесь в этой точке. Я помню это в детстве -- "не шуми", что означало вести себя прилично. А эти неблагоприятные районы, они всегда связаны с шумом Как называется этот новый фильм Спайка Ли, я видела его во Франции...

– Делай то, что надо?

– Именно, в нем тематизируется плавающий, случайный шум или паразитический грохот, блуждающий и вдобавок портативный. Меня также интересует история шумовых мутаций,

прослушивание бессмысленных сигналов, что по сути очень близко к тому, что Фрейд открыл в бессознательном -- нечто вроде значения вне всякий интенции, несозданное.

– Вы преподнесли нам достаточно помех в своей книге. Впрочем, книга стала своего рода сенсацией. Если какие-либо намеки на то, что люди сегодня открыты "помехам"?

- Вероятно, это вам легче мне объяснить, поскольку я, как вы знаете, веду очень тихую жизнь... Я читала статьи, обзоры, посвященные моей книге, но к удивлению, никто мне лично ничего так и не сказал. Все ушло в молчание. Как будто отрезало. Но с другой стороны, конечно, переживая дисконтинуальность, расслоение "Значения", люди стали более открыты помехам -- они и есть свидетельство их помех.

РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ

Мондо 2000: Прежде всего я имею в виду, что Ваша книга лишает всякой ориентации. Чтение ее причиняет боль. И однако очевидно некое наслаждение, сопряженное с этим. Людям это нравится.

Авитал РОНЕЛЛ: Надо сказать, что когда вы соединяете боль и удовольствие, вы, несомненно указываете на особые узы соития -- наше желание наслаждения, которое одновременно ужасает. Ницше понял это давно, в этом нет ничего нового. Дезинтегрированная личность в фрагментации, в балансировании над бездной может ощутить предел удовольствия. Да, это прозрение Ницше, однако в наши дни модальности нашего удовольствия часто соотносятся с наиболее разрушительными видами означающих. "Заторчать", "это убило меня", возьмите другие наши идиомы. Вид такого разрушительного удовольствия, как мне кажется, заслуживает особого изучения.

– Что возвращает нас к вопросу исторической специфики такого рода удовольствия. Не кажется ли вам, что эра постмодерна действительно существует, и только в ней возможно письмо такого рода, как ваше?

- Я не являюсь последователем исторической школы будь то, скажем, хронологической, или линейной. А в случае с телефоном, это вообще все остается неясным. Что он такое? Объект? Произведение искусства? Является ли он репликантом, или же еще каким-либо проявлением небесной чудовищности, имею-

щей отношении к отсутствующему голосу, к развоплощенному голосу, к божественному вторжению?

Пример с телефоном имеет свои основания, потому как он является частью технологической воли-к-власти, однако еще и потому, что он не позволяет разворачиваться истории о самом себе. Он сопротивляется любой попытке плоского интерпретирования, прерывая тебя, взывая к немедленному ответу. Он прорывается сквозь любую надежду исторической когерентности или континуальности как объект, поскольку, как мне кажется, у него нет истории.

– Почему же у него нет истории? Разве технология привела историю к некоему концу? Думаете ли вы, как например думает Тимоти Лири, что благодаря технологии мы можем создать мир, где наслаждение не будет иметь границ?

- Мне трудно ответить, поскольку я не просто экстатически открыта возможностям новых технологических или кибернетических горизонтов. Прежде всего мне хочется понять, в археологическом смысле, демонов технологии. Мне кажется, оптимизм Лири есть не что иное, как реакция на идиотическое, но вездесущее желание репрессировать технологию, -- как будто это возможно вообще.

Подлинный вопрос касается технологии и удовольствия. Если технологии и предназначено укрепить удовольствие, мы тем не менее даже приблизительно не представляем, что конституирует само удовольствие. Со времен "По ту сторону принципа наслаждения", где мы узнаем, что тяга к смерти является суверенным агентом, -- где существует такая вещь, как разрушающее удовольствие, желание быть уничтоженным, разрушенным, -- очевидно, что удовольствие более не может быть просто удовольствием... Я в самом деле полагаю, что нужно затратить достаточно интеллектуальных усилий, чтобы ввести удовольствие во время добра.

СОСКИ И НЕ-ПОНИМАНИЕ

Мондо 2000: У Телефонной Книги довольно необычный дизайн. Нет ни одной страницы, похожей на другую. Подобно палимпсесту, текст вписан поверх другого, постоянно встречаются странные графические решения, пустые страницы. Как возникло такое решение книги?

Авитал РОНЕЛЛ: Если вы действительно думаете, что мы сейчас живем -- а мы действительно живем -- в эру павших мета-

физических богов, и если вы на самом деле продолжаете верить в абсолютную привилегию книги, боюсь вы попали в затруднительное положение. Вы знаете, что Книга -- объект наиболее глубоко внедренный в западную культуру. Я надеялась исполнить содержание того, о чем я говорю. Иными словами, мне хотелось расколоть господство Книги. К счастью, в издательстве университета в Небраске работает замечательный художник, Ричард Екерсли. Я думаю, Ричард создал и впрямь вызывающую работу -- каждая страница совсем другая.

Оказалось, что не взирая на традицию, требующую от авторов покорности своему стилю, существует издательство, которое, напротив, прочитало мою рукопись и издало книгу. Не было ни единого момента, когда бы кто-нибудь из них сказал мне "это не имеет смысла". Если книге не хватало здравого смысла, они создавали его графически. В книге есть часть, которая называется "Сосок Белла" и они нашли ей графическое соответствие в образе телефона, который полностью иллюстрирует фантазм соска, о котором я говорила. Вероятно благодаря всему этому отношения между издателем и автором трансформировались, но главным образом это произошло потому, что меня читали. Впервые я почувствовала, что чтение и письмо является симультанным и вдохновляющим переживанием.

– Не кажется ли вам, что ваш стиль делает вас труднодоступной?

- Знаете, в книге о наркотиках я пишу, что понимание как такое -- имея в виду мышление -- является бедой. Оно сокращает пространство проблемы. Возможно потому так важно для меня высказывание Ницше: "Был ли я понят?". Важно оставлять его открытым, не закрывать книгу, не отщвыривать книгу другому, просто оставлять открытой не-пониманию, которое всегда книга предлагает. В настоящий момент я, надо сказать, вовсе не на стороне понимания в смысле "о да, это понятно." Создавать совершенные в чистоте вещи не что иное как оглуплять человека. Реальное не может быть совершенно чистым.

Виталий Степанов

ФРАГМЕНТЫ СЛОВАРЯ

"Словарь просторечных выражений" появился на свет в Ташкенте в 1988 году. О составителе удалось узнать следующее:

Виталий Степанов, 1959 г.р.

Работы: Сюжетопостроение.

Системы фраз русского языка.

Общий словарь фраз русского языка.

Причинно-следственные связи в тексте.

Зажиточный крестьянин.

Просторечные выражения (Виталий собирал их с 1983 по 1988) распределены по 134 темам, а темы расположены по алфавиту.

Мы предлагаем нашим читателям небольшую выборку из этой обширной коллекции.

АВТОМОБИЛЬ

Едешь, а мотор расположен впереди, а руль маленький, сидишь, как голый.

Гляжу на спидометр и охуел.

Я, вообще, быстро ездию.

В столб врезались. Надо было поворачивать, а они прямо поехали.

Удар был до того сильным, что "Волга" встала на три колеса.

Восемьдесят метров задом летел и с такой силой ударился.

Вовремя заметили, вовремя затормозили.

АРМИЯ

Если вы встретите человека в форме ВДВ и голубом берете, то преклоните перед ним голову -- это один из тех, кто каждый день рискует за вас жизнью.

Кто не был в армии, тот никогда не узнает всех прелестей гражданской жизни.

"Собака -- друг человека", -- сказал солдат, обнимая сержанта.

В армии столько овса съел, что стыдно посмотреть в глаза лошади.

Солдат может упасть на колени в двух случаях: напиться воды из ручья, нарвать цветов для любимой.

Любовь солдата -- это гордость, а ждть солдата -- это честь.

Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а солдат из ПВО заменяет хоть кого, а солдаты из спецназа заменяют их всех сразу.

Дембель неизбежен, как крах капитализма, -- сказал дух, вытирая лицо половой тряпкой. -- Но пока империализм существует, дембель в опасности.

Дух -- солдат, не прослуживший полгода.

Где начинается авиация, там кончается дисциплина.

Когда бог спустился на землю, чтобы навести там порядок, вся авиация была в воздухе.

Плохое не будет же делать солдат солдату.

АЛКОГОЛЬ

Мне не трудно сходить и купить бутылку шампанского.

Горилки мне, горилки, я директор лесопилки.

- Ты пил? -- Нет, на хлеб мазал и глотал.

Там пиво продают, ну и гадость, а люди пьют!

АФГАНИСТАН

Ты еще с вертолета, ты еще домашними пирожками не
отосрался (старослужащий молодому).

БОГ

Это его бог наказал, и я доволен.

БРИГАДА

Бригадир у нас попался, звеньевой, полудурок. Хочет из нас
передовую бригаду сделать.
Бригада -- два зм.я, три гада.

ВРЕМЯ

Им нравится восемнадцатый век.

ГОЛОВА

Сколько же надо мозгов, чтобы так сказать.

ГОРОД

Ногатино, мое Ногатино!
В Казани рухнул мост -- ворота на восток, три пролета.
Ростов -- отец воров.
- Где в Москве дом престарелых? -- К Кремлю подъедешь,
увидишь.
Там, у трех вокзалов.

ГРЯЗЬ

Только грязи не надо, не надо падать.
Как выбираться из грязи?

ГУЛЯТЬ

Где мы только не куролесили!
Таким вредно гулять на свободе.

ДАВАТЬ

И дали ему национальность -- еврей.

ДЕЛО

Первое время нам было смешно, потом мы сами стали так
делать.

Мы столько делов сделали, ебаться-обосраться!

У нас уже все дела есть (все готово).

Он сделал свое черное дело.

ДИАЛОГИ

-- Как ваше здоровье? Нормально? -- Ничего.

-- Как дела? -- Как в Польше. У кого больше, тот и пан.

-- И давно он там пасется? -- Да, уже давно.

Она: Не туда. не туда. -- Он: Нет, туда.

-- Дай ему 10 копеек. -- На! -- Зачем? -- на десять минут, чтоб не
пиздел.

ДОЖДЬ

Я так люблю дождь.

ДОМ

Смотри-ка, как прохладно на улице, и как душно в квартире.

ДУМАТЬ

А разве не интересно придумывать фокусы? (ТВ)

Она сама должна думать об этом.

Ведь ты обещал подумать о нас двоих.

Подумай, почему? По-моему, это не сложно.

Даже не думай.

ДУРЬ

Иду обратно, как дурной.

ДУША

Душа, а ведь не у каждого она отзовется.

ЖЕНЩИНА

Говорят, женщинам нельзя криветок есть, они на мужиков бросаются.

Ух, как же я их ненавижу, но жить без них я не могу.

С ними ссориться нельзя.

Нога на ногу, сигареты в зубы.

Бабы они обидчивые.

Залетела в дверь и встала.

Бабе нужно, чтоб ты был всегда виноват.

Она как пантера, прямо сразу бросается в драку.

Что она умеет делать, гадиюка?

Где эта матреша, где эта коза драная, когда бестолочь поумнеет?

Познакомятся, телефончик дадут. Позвонишь, а тебе -- хуй.

Здесь такая не проживает.

Вороньей своей мордой посмотрела на меня.

Она злая прибегает, не дотронься до нее.

Начала в люди выбиваться.

Такая миленькая вся.

Он женщину бьет, а она кричит: "Уйди от меня!"

Тебе сейчас не кажется, что ты похожа на Шехерезадницу?

Подождите, женщина, дайте выйти.

ЖИЗНЬ

Жизнь до того подла, до того приспособленческа.

При мне, я видел, мужик окончил жизнь самоубийством. Я с ребятами выпивать шел, я ему кричу: Эй, поезд идет, отойди, на хуй. Ноги там остались, как он лег так и остались, а другую половину протащило метров семь.

Чем вы занимаетесь, на какие доходы живете?

Жизнь это штука простая, ничего сложного в ней нет. Все можно понять, все можно увидеть.

Жизнь это сложная штука.

Что же мне теперь, усратья и не жить?

Вне творчества живу, а это доводит до точки.

Вот жизнь собачья, -- не знаешь, что тебя завтра ждет.

ЛЮБОВЬ

Она ревет, а я в экстазе.

Я ее ебу, а она семечки грызет.

Дед: "Сколько, бабка, я тебя уже потер?!" Бабка: "А сколько меня люди потеряли!"

Наташа сказала: "Любовь должна состоять из поступков".
И вообще, где будешь ты, где буду я, где будем мы, и будет ли это
"мы"...

МЕДИЦИНА

Все должно само затянуться.
Как твоя фамилия, я на тебя начал жалобу писать, у тебя
таблетки невкусные (медсестре).
Там знаешь что творится?
Хуй тут выздоровеешь.
Пока гноя не видать.
Дай я тебе губки оботру, родной. Все полегче будет.
Палкой бы тебя вдоль хребта -- сразу вылечился бы.
Заживет, как на собаке.
Нельзя, еще операция не кончилась.
Чешется, значит заживает.

МУЖЧИНА

Как тебе объяснить, слов нет, но он бухает, выпивает.
Сынки из благородных семей.
А он мужик простой до охуения.
Что ж ты терпишь, ведь сорвешься все равно.
Я сейчас вмажу, а потом тормознусь у нее по пьяной лавочке
надолго.
Где же ты коварный соблазнитель? (женщина мужику)
Хуй ему скажешь, что ему 57 лет. Пацан, только бриться начал.
Это мой лучший друг, но в последнее время он стал портиться.

МЫСЛЬ

Мысли приходят в голову сумасбродные.

НАБЛЮДАТЬ

Сижу, наблюдаю за ним, что дальше будет.

НАГЛОСТЬ

Уже внаглую иру.

НАЗЫВАТЬ

Я органически не переариваю, когда ты меня так называешь.

НАУКА

Гранит науки для некоторых это просто булыжник.

НАЧАЛЬНИК

Надо грызть начальников и выплевывать пуговицы.
Фактически, ты дурак дураком, только должность занимаешь.

НЕВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

Как будто нет меня -- пустое место.

НЕРВЫ

Человек это кусок нервов, а нервы это организм противный.
Я не знаю, какие нужно нервы иметь.

ОБИДА

Слушай, ты сперва дуешься, потом целуешься, а ну-ка отвали.
(мужик бабе)
Спасибо -- обидели меня -- от меня толку нет!

ОРУДИЯ

Утром я, как штык, там.
Ему орут в матюгальник: "Сдавайся!" (в мегафон)
Эх, остался у меня один патрон!

ПАРТИЯ

В райкоме все есть.
Беспартийный с семнадцатого года.

ПИЩА

А почему бы сейчас не есть; а к старости, если все зубы
выпадут...

ПЛЕВАТЬ

Вниз плюешь -- борода мешает, вверх плюешь -- усы мешают,
прямо плюешь -- в морду попадаешь.

ПОДРУГА

-- Поехали за подругой. -- Где я ее найду, твою подругу? Твою
подругу уже увезли.

ПОМНИТЬ

Не знаю, как ты, но я все помню -- и ничего (со мной не
случилось). У меня все в порядке.
Господи, какое глубокое детство ты вспомнил!
Я тебя все время в голове держу.
Дай бог памяти.
Как начнешь вспоминать.
Поднимаешься на Машук, а там ресторан, там Лермонтова
убили.
Совсем ушла память, из рук выпустил и потерял.

ПОМОЩЬ

Пизда не бог, но иногда помогает.

ПОТРЕБНОСТЬ

Нам нужен план.
Пойду воду сброшу (пойду поссать).

ПРЕДПОЛАГАТЬ

Я, между прочим, это предполагала.

ПРИРОДА

Солнце заходит, энергия уходит (разговор в пивбаре).
На овощА ты внимание обращал?
Под большой пень срать садятся.
Упаду я на дорожку, упаду я на тропинку.
Все же цветы питаются сахаром.
Что ты, как молодая луна, вечно прячешься?
Это, если хотите, борьба со стихией.

Там купаться можно, мы нашли канаву.
Грибы пошли, опята. Он недавно съездил и привез.
Там болотистая почва, там земля такая.
Четыре дня дождик какой был?!
Дождик как раз пошел.
На болоте страшно ходить.
Такая погода была противная, целый день лила.
Речка Вонючка.
Речка Переплюйка.

ПУГАТЬСЯ

Так испугалась -- у меня руки и ноги холодными стали.

РАБОТА

Как работаю -- нужен, как свалюсь -- никому.
И еле-еле придет, и еле-еле принесет, с понтом наработался и
ложку поднять не может.
В такси тяжелая работа.
Сейчас я быстро тирану (уборщица весело).
Нам солнца не надо, нам партия светит, нам хлеба не надо,
работу давай.
Человек, который работает по принуждению -- опасный
человек.
На работу, как на праздник, а по праздникам мы не работаем.

РАВНОДУШИЕ

Мне лично по хую, что ебать подносить, что ебаных
оттаскивать.
Приготовься, чтобы ты не был равнодушным.
И пусть тормозят.
И пусть прижимают.

РАДОСТЬ

Нет ничего прекраснее, чем подносить людям радость.

РЕЧЬ

Морилку на горилку пустили. Вот оказывается откуда изречение
пошло: глотка луженная.

РУГАТЕЛЬСТВА

Ну хули, тыр-пыр.
Хамка ты, больше никто!
Идите вы на фиг, к черту!
Тебе веревку дать, намылить?
Есть на хую шерсть!
Ох ты, негодий!
Я твой нюх топтал!
Выббли и высушили.
Ебать мой хуй!
Ругайся, можно матом.
Я вас в рот ебу и насквозь вижу.
От тебя даже гавна не останется!
Заебал ты меня своей простогой.
Иди корове яйца пинать.
Ну и сосут они хуй!
Блядь, бормотологи, суки!
Подподлина золотая!
Сыкун.
Во я тащусь!
Ты, пес!
Ты подлый дурак!
Волк драный, кабан неоципаный.
Что ты порешишь ерунду!
Я тебя убью на месте, как врага народа.
Кому ты нахуй нужен?
Ах ты, жопа с ручкой!
Жертва пьяного акушера!
Что она, сдурела?
Ох сука, попал!

СКАЗАТЬ

Я все понимаю, а вот сказать правильно не умею (казашка).
Сказал, как в лужу пернул.

СКУКА

Не то слово -- скучно -- темный лес.

СОН

Что у тебя случилось? Я тебя во сне видела.
С ним так нельзя, ему теперь это приснится.
Он спит в одном ботинке.
Вы спали в эту сторону.
Спал сном праведным.
Уснул, как мертвый.
Десять минут, и нет человека. Уснул.

СТРАНА

Наша страна, знаешь, какая? Надо воспевать ее.
Рельсы ходят, шпалы ходят.
А там пошли зоны и ракетные пояса. Закрыто все.
Сибирь большая, а нам с тобой в ней тесно.
Он говорит: Я проехал всю Россию. -- А что ты видел? Только
рельсы?
Мы что, сюда ебаться приехали, за столько тысяч верст?

СУДЬБА

Судьба сама мне диктует свои требования.

СУЕВЕРИЯ

Если что-то потерял, то скажи: "Черт, черт, поиграй и отдай" -- и сразу найдешь.
Белки прыгают и с дерева на дерево, значит быть войне.
Или когда в ухе звенит надо говорить: "Ангел, спорь-спорь, я раб твой".

СУЕТА

Не суетись под клиентом,

СЧАСТЬЕ

Не надо мне такое счастье! (о разбитых тарелках)

ТЮРЬМА

Была воровская идея, коммунисты ее затерли.
Там воровать надо, а он не умеет.

Я не стал на него ножик открывать.
Ты что воровские законы переиздаешь?
Зил сто тридцатый, подъезжай сюда (зек зеку, который соврал,
что он сидит по 130 статье).
Нас дальше БАМа не пошлют, нам больше года не дадут.
Один додумался, яйца к нарам прибил. Врачиха пришла, двумя
пальцами раз -- и с мясом выдрала. Гвоздь в нарах торчит,
а она ему йодом помазала: а ну иди стройся.
Было время, писали на лбу, кололи: "Раб Хрущева", "Раб КПСС".
Матроска -- Матросская тишина, Бутырка, Таганка -- тюрьмы в
Москве.
А там пошла мода руки ломать, ноги ломать, или сунут руку в
бензин, а потом на ветер, рука моментально обмерзает (о
зоне 60-х гг.).
Вот. Дали ему год. Отсидел двенадцать месяцев и вышел.

УБЕЖДЕНИЯ

Все будет, и будет изобилие!
Что будет, не только мы увидим, весь мир увидит.
В любых условиях надо исполнять свой традиционный долг.
На всех не угодишь.
Им было проще.
Если вспотеешь, комары замучат.
Ох, что ж я маленький не сдох, и никто мне не помог?
На ночь, говорят, вредно есть. Дурные сны снятся.
Солидные люди должны в очередь становиться.
Лучше честно громко пернуть, чем предательски насрать.
Женщина -- это не проблема.
Ученье свет -- ученых тьма.
Везет пьяницам и дуракам.
Часам, весам и бабам веры нет, а остальное все точно.
Глина лепится не сразу, все нарастает со временем.
Старость не радость.
В каждом деле нужен талант.
На земле надо стоять обеими ногами.
Все бывает. И на "о" бывает, и на "ё" бывает.
Мы далеки от этого мира.

УМ

Не все дома и вечером не собираются.

ХАРАКТЕР

Характерно для меня -- тонко, ненавязчиво.

ХВАЛИТЬ

Кто тебя похвалит?

ЧАСТИ ТЕЛА

Все ногами потопчем худое.
Умные вопросы покидают дурную голову.
Срам фигой не прикроешь.
Не будем указывать пальцем.
Все от организма зависит.
Я ебать хочу, аж челюсть сводит.
Ты как улыбнешься, у тебя все зубы желтые.
Не можешь срать, не мучай жопу.
Или когда в ухе звенит...
Те же яйца, только вид сбоку.
У меня, как у латыша, только хуй и душа.
Чем сосать соленый клитор, лучше выпить пива литр.
Ребята, про пизду ни слова.
У него был глаз разбитый.
У тебя три волосинки в шесть рядов.
Рот открыла, не знает, что сказать.
Он мне только кулаками грозит.
Руки трясутся, как будто кур воровал.
У меня аж матка отвалилась, на хуй! (мужик)
Его мозг отказывался работать.
Губки бантиком.
Я -- морду кирпичом -- иду.

ЧЕЛОВЕК

Таких как я, у тебя до хуя, страна родная.

ИЗ ПОЛЬСКОЙ АНТОЛОГИИ

Юзеф Баран

ЭТО УЖЕ НЕ МЫ

Перевод с польского и публикация Андрея Базилевского

Юзеф БАРАН (р.1947) - польский поэт.
Дебютант конца шестидесятых,
один из "тихих лидеров" своего поколения;
шутя выплыл против "новой волны".
Живет в Кракове,
редактирует газету Крестьянской партии.

ШЛЯПА

вначале была шляпа
обычный цилиндр фокусника
из которого Бог
к своему удивлению
извлек себя самого

потом он
шесть дней подряд
вынимал из шляпы
Небо Землю и пять доказательств
собственного бытия

как теннисные шарики
из волшебной шляпы
выскакивали планеты
а Бог
божественными перстами
одну за другой
заставлял их вращаться

планеты размножались
с угрожающей быстротой
и он
как ошпаренный метался
в круговерти этого планетария
стараясь ни одну из них не уронить

а в зрительном зале
уже сидели Адам и Ева
и наблюдали за ним
ни на минуту
не веря
своим глазам

ВСТРЕЧА

когда я вынырнул
из пустоты
мой дед бежал мне навстречу

из последних сил
он успел передать мне
эстафету дыхания
он был уже
одной ногой на том
а я на этом
свете

какой-то миг
мы смотрели друг на друга
неподвижно застыв
как на фотографии

потом
жизнь и смерть
растащили нас
в разные стороны

КАК ТОЛЬКО

как только я встал на ноги

ко мне тут же
подскочил Господь Бог
требуя ответа:
зачем я украл у него т о г д а
т е яблоки

какой-то тип
с удостоверением Патриота
взвалил мне на плечи пустую суму
с надписью "История Человечества"
и приказал тащить ее
вверх по склону

Полицейский Священник Учитель
группа Высших и Низших Чиновников
окружили меня плотным кольцом
потирая руки от радости
что наконец-то обрели
свою утраченную собственность

в дверь ломились
первые кредиторы
с головы до ног облепленные
векселями на мое имя

разъяренный Президент
с высоты своего Дворца
вопил
чтоб я не смел забываться
что я только одна из кнопок
на его пульте
дистанционного управления

я хотел объяснить им
что это ошибка
что очевидно
меня приняли за кого-то другого

но только я открыл рот

как мне тут же вlepили
первый штраф
за оскорбление властей

ГОРОД ФАРИСЕЕВ

- в этом городе
все наоборот
мошенники призывают
к честности
шлюхи
к целомудрию
безбожники
к вере
а синие птицы
пишут трактаты
о трудолюбивых муравьях

если услышишь
что кто-то
в твоём присутствии
громко кричит
о морали
проверь карманы
- не украл ли он у тебя
кошелек -

так старый
бывалый бродяга
учил молодого попутчика
а между тем
их глазам
уже предстали первые башни
города фарисеев

МАРШ НА ЗАКАТЕ ДНЯ

**это уже не мы идем
ноги сами
за нас маршируют**

**это уже не мы думаем
языки сами
за нас говорят**

**это уже не мы живем
жизнь сама катится
по наклонной плоскости
времени**

**и барабанщик отстал
и барабан
умолк**

САМА ЖИЗНЬ

все меньше тех
кто готов отдать жизнь
за свое дело

все больше тех
кто отнимает у себя
жизнь
не имея дела

а больше всего
тех
кто не может
ни отдать жизнь
ни отнять ее у себя

они
хлеб и соль нашей земли
они сама жизнь

ЧУЖОЙ ГОРОД

в шапке-невидимке
я плыву по течению улицы
сквозь липкий сон
города

вокруг немое кино
люди открывают рты жестикулируют
что-то невнятно бормочут
суесться переходят дорогу

из густого тумана
возникают их силуэты и лица
они мне как будто знакомы
но я не могу их вспомнить

я ныряю в туман
я теряю вес
имя фамилию бороду
которая раньше всем бросалась в глаза
я плыву в шапке-невидимке

плыву
и меня никто не замечает
не говорит прощай не пытается удержать
когда я как пушинка
слетаю
с чаши весов
чужого города

КОЛЛЕКЦИЯ

Фланнери О'Коннор

ДОМАШНИЙ УЮТ

Затаившись у края портьеры, Томас смотрел, как автомобиль останавливается у дверей дома. Его мать и маленькая шлюшка вылезали из машины. Сначала мать -- медленно, вяло, неуклюже, затем показались длинные ноги маленькой шлюшки -- платье задралось выше колен. С визгливым смехом шлюшка кинулась навстречу псу -- и тот радостно запрыгал, приветствуя ее. Томас почувствовал, как каждую клеточку его тела пронзает иступленная ярость -- так, словно собиралась разгневанная толпа.

Самое время паковать чемоданы, переезжать в гостиницу и ждать, пока эта дрянь не исчезнет из дома.

Но он не знал, где искать чемодан, терпеть не мог упаковывать вещи, ему нужны были книги, у него не было портативной пишущей машинки, он привык к электрическому одеялу, от ресторанной еды его тошнило. Его мать со своей чертовой благотворительностью готовилась разрушить домашний мир.

Задняя дверь хлопнула, смех девчонки вырвался из кухни, пронесся через прихожую, затем вверх по лестнице в его комнату и ударил Томаса словно электрический разряд. Он подскочил и стал свирепо оглядываться по сторонам. Утром он заявил категорично: "Если ты снова приведешь эту девчонку в дом -- я еду. Выбирай -- она или я".

Мать сделала свой выбор. Его горло пронзила резкая боль. В первый раз за его тридцать пять лет... Он почувствовал предательское жжение в глазах, но ярость возобладала, и он взял себя в руки.

Верно и другое: никакого выбора она не сделала. Она просто играет на его привязанности к электрическому одеялу. Что ж -- ее следует проучить.

Смех девчонки снова донесся до него, и Томас вздрогнул. Он опять вспомнил, как она смотрела на него прошлой ночью. Она вторглась в его комнату. Проснувшись, он увидел, что дверь открыта, а девчонка стоит в проеме. В холле горел свет, и он видел, как она повернулась к нему. Лицо у нее было, словно у комедианта в мюзикле -- острый подбородок, пухлые щечки, пустые кошачьи глаза. Он спрыгнул с постели, схватил стул и стал выпихивать ее, словно укротитель тигра. Он молча выпихнул ее в холл, чуть помедлив перед материнской дверью. Девчонка со вздохом повернулась и скрылась в комнате для гостей.

Из своей комнаты появилась встревоженная мать. Ее лицо, жирное от крема, обрамляли розовые кудряшки. Она посмотрела в холл, туда, где только что исчезла девчонка. Томас стоял перед ней со стулом в руках, так, будто ему предстояло укротить еще одного зверя. "Она пыталась забраться ко мне в спальню, -- прошипел он, оттесняя мать в комнату. -- Я проснулся, когда она пыталась зайти ко мне". Захлопнув за собой дверь, он выкрикнул в ярости: "Я этого не потерплю. Больше я этого не потерплю".

Мать, пятась под его напором, приземлилась на край своей постели. Ее грузное тело венчала на удивление маленькая голова.

-- Последний раз тебе говорю, -- продолжил Томас. -- Больше я этого не потерплю.

Ему была хорошо знакома эта ее манера: руководствуясь самыми лучшими на свете намерениями, осуществить пародию на добродетель, да еще с такой безмозглой страстностью, что потом все вокруг выглядели дураками, и сама добродетель -- идиотизмом. "Больше не потерплю", -- повторил Томас.

Мать выразительно кивнула, не спуская глаз с двери.

Томас поставил перед ней стул, уселся и наклонился так, словно хотел внушить что-то слабоумному ребенку.

-- Это у нее вроде болезни, -- сообщила мать. -- Такой кошмар, такой кошмар. Она сказала мне, как это называется, но я забыла -- в общем, она не может с этим справиться. Что-то врожденное. Томас, -- сказала она, прижав руку к щеке, -- представь, что, если бы это ты был на ее месте?

Раздражение стеснило ей горло. "Когда же ты поймешь, -- каркнул он, -- что если она сама не может себе помочь, то и ты тем более не сможешь".

Глаза матери, знакомые, но далекие, синели, как небеса в час заката. "Нимперманка", -- пробормотала она.

-- Нимфоманка, -- яростно поправил ее Томас. -- Ей нечего дурить тебе голову разными мудреными словами. Она моральный урод. Вот что ты должна наконец понять. Родилась без нравственных основ -- как другие появляются на свет без почки или ноги. Понятно тебе?

-- Я все думаю, а вдруг это был бы ты, -- сказала она, отрывая руки от подбородка. -- Если бы ты был на ее месте, представь, как бы я чувствовала себя, если бы никто не пустил тебя в дом? Если бы ты был нимперманьяком, а не умным симпатичным человеком и делал бы все не по своей воле...

Томас внезапно почувствовал невыносимое отвращение к самому себе, как будто он и в самом деле медленно превращался в девчонку.

-- Что было на ней одето? -- неожиданно спросила мать, и глаза ее сузились.

-- Абсолютно ничего! -- взревел он. -- Надеюсь, теперь ты ее вышвырнишь отсюда?!

-- Ну как же я могу ее выгнать? -- спросила мать. -- Ведь сегодня утром она опять пыталась покончить с собой.

-- Отправь ее обратно в тюрьму, -- сказал Томас.

-- Тебя бы я в тюрьму не отправила, Томас.

Он встал, схватил стул и вышел из комнаты -- больше выдержать этот разговор он не мог.

Томас любил свою мать. Любил, потому что это было естественно, но, случалось, не мог переносить ее любовь к нему. Порой это все превращалось в идиотскую загадку, и он чувствовал, как вокруг него происходит нечто, не поддающееся ни объяснению, ни контролю. Она всегда начинала с банальнейшего из соображений: "Вот это полезное и доброе дело" и тут же пускалась в безрассудные игры с дьяволом, -- дьяволом, которого, конечно же, не могла распознать.

"Дьявол" -- для Томаса это был не более чем оборот речи, но именно это образ лучше всего подходил для историй, в которые попадала его мать. Будь в ней хоть на гран интеллекта, он мог бы доказать ей, ссылаясь на времена раннего христианства, что ни одно доброе дело не вознаграждается, что сдерживать хорошие проявления то же самое, что и сдерживать дурные, что если бы Антоний Египетский сидел дома и заботился о сестре, бесы бы не искушали его.

Томас не был циником и не отрицал добродетель -- напротив, он считал, что она лежит в основе порядка и делает жизнь сносной. Его собственная жизнь казалась сносной только благодаря плодам материнских добродетелей, но обыденного толка: благодаря ее умению безупречно вести хозяйство и

превосходно готовить. Когда же ее стремление творить добро выходило за пределы домашних хлопот, как теперь, он начинал думать о бесах, и это не были абстрактные метафоры -- нет, речь шла именно о невидимых существах, которые в любой момент могли взвизгнуть или звякнуть крышкой кастрюли.

Девчонка месяц назад попала в окружную тюрьму за подделку чека, и мать увидела ее фотографию в газете. За завтраком она долго ее разглядывала, а потом протянула ему поверх кофейника. "Представляешь, -- заметила она, -- всего девятнадцать лет, и сидит в этой ужасной тюрьме. А с виду неплохая девочка".

Томас взглянул на лицо шустрого оборвыша, запечатленное на снимке, и констатировал, что средний возраст преступников неуклонно снижается.

-- На вид здравомыслящая девочка, -- сказала мать.

-- Здравомыслящие люди не подделывают чеки, -- заметил Томас.

-- Ты не знаешь, что будешь делать в крайней нужде.

-- Подделывать чеки не буду, -- отрезал Томас.

-- Думаю, -- сказала мать, -- надо будет отнести ей коробочку конфет.

Если бы тогда он запретил ей это, все было бы в порядке. Отец, будь он жив, сразу положил бы конец этой истории. Дарить коробку конфет -- было ее любимым занятием. Стоило кому-то из людей ее круга переехать в их город, она звонила и навещала с коробкой конфет, когда в семьях у ее друзей рождались младенцы, она звонила и брала коробку конфет, с коробкой конфет она дежурила у постели старика, сломавшего бедро. Томаса поразила ее идея заявиться с коробкой конфет в тюрьму.

Теперь, когда он стоял в комнате, и смех девчонки рокотал в его голове, он проклинал свою беспечность.

Всрнувшись из похода в тюрьму, мать, не постучав, ворвалась в его комнату и рухнула во весь рост на постель, взгромоздив маленькие распухшие ноги на спинку кровати. Потом она, правда, нашла в себе силы приподняться и подложить под ноги газету. "Мы не знаем, как живет другая половина человечества", -- изрекла она.

Томас понимал, что хотя вся ее речь состояла из одних только штампов, за ними скрывались подлинные переживания. Потому его больше удручало не то, что девочка сидела в тюрьме, а то, что мать ее видела. Он стремился оберегать ее от всего неприятного. "Ладно, -- он отложил свой журнал, -- лучше забыть об этом. У этой девчонки есть все основания сидеть в тюрьме".

-- Ты даже не можешь себе представить, что ей пришлось пережить, -- сказала мать. -- Послушай.

Бедняжка, ее звали Стар, выросла у мачехи, у которой было трое собственных детей, и один из них, уже довольно взрослый, так измывался над ней, что она вынуждена была бежать на поиски своей настоящей матери. Она нашла ее, но мать стала посылать ее во всякие интернаты, чтобы только отделаться. Из этих заведений ей вновь приходилось бежать от садистов и извращенцев таких чудовищных, что то, что они вытворяли, не поддается описанию. Томас не сомневался, что мать посвятили во все детали, от которых она сейчас оберегала его. Она изъяснялась намеками, но голос ее дрожал, так, словно сама была свидетельницей этих ужасов. Он надеялся, что за несколько дней воспоминания обо всем этом выветрятся из ее головы, но этого не случилось. На следующий день она отправилась в тюрьму с гигиеническими салфетками и колыдкремом, а пару дней спустя объявила, что консультировалась с адвокатом.

В эти дни Томас испытывал искреннюю скорбь по своему отцу, хотя терпеть не мог старика, когда тот был жив. Отец не позволил бы ей всех этих глупых выходов. Лишенный фальшивой сентиментальности, он бы (за ее спиной, конечно) обратился за помощью к своему закадычному другу, шерифу, и девчонку переправили бы отбывать срок в тюрьму штата. Отец всегда поступал жестко, пока в один прекрасный день за завтраком не свалился замертво на стол, успев в последний раз гневно взглянуть на жену, будто она одна была во всем виновата. Томас унаследовал здравый смысл отца без его грубости, и материнскую тягу к добру без ее неистовства. Во всех практических ситуациях он предпочитал не действовать, а ждать, что все решится само собой.

Адвокат выяснил, что история о нескончаемых притеснениях, которым подвергалась Стар, была по большей части неправдой, и объяснил матери, что девочка -- психопатка, не настолько невменяемая, чтобы ее заключили в психушку, не слишком преступная для тюрьмы, но и не вполне нормальная для возвращения в общество. Это еще больше поразило мать. Девчонка мгновенно созналась, что все придумала, но потому лишь, что не могла не лгать; она лгала, по ее словам, оттого, что всегда чувствовала угрожающую ей опасность. Она прошла через руки нескольких психиатров, которые внесли финальные ноты в ее образование, и знала, что для нее нет ни малейшей надежды. Очутившись лицом к лицу с подобной драмой, мать Томаса, казалось, согнулась под бременем непосильной загадки и уверилась, что необходимы новые и новые попытки вернуть

девочку на путь истинный. К досаде Томаса, она и на него стала смотреть с жалостью, словно и он нуждался в подобной сомнительной благотворительности.

Несколько дней спустя она снова ворвалась в его комнату и объявила, что девочку передают ей на поруки.

Уронив журнал, Томас поднялся со своего моррисовского стула. Grimаса боли исказила его безвольное лицо. "Ты же не приведешь, -- вскричал он, -- эту девчонку сюда!"

-- Нет, нет, -- сказала она, -- успокойся, Томас.

С огромным трудом она нашла девочке работу в зоомагазине и жилье у знакомой, довольно капризной старушки. Люди злы. Они не хотят войти в положение таких, как Стар, против которой ополчились все на свете.

Томас снова сел и вернулся к своему журналу. Он почувствовал, что избежал серьезной опасности, но какой именно, навряд ли смог бы сформулировать. "Ты увидишь, -- сказал он матери, -- через несколько дней эта девчонка сама сбежит из города, как только убедится, что выжала из тебя все, что можно. И ты о ней никогда больше не услышишь".

Вернувшись домой как-то вечером несколько дней спустя он еще у порога был поражен пронзительным мелким смехом. Его мать и девчонка сидели у горящего камина. Девчонка производила впечатление помешанной. Она была подстрижена как собака или эльф и одета по последней моде. Испытав на Томасе долгий фамильярно-вызывающий взгляд, она ухмыльнулась ему заговорщицки.

-- Томас! -- сказала мать твердо, но так чтобы не напугать его. -- Это Стар, о которой ты так много слышал. Стар поужинает с нами.

Девчонка называла себя Стар Дрэйк. Адвокат выяснил, что ее настоящее имя -- Сара Хэм.

Смущенный донельзя, Томас застыл в дверях. "Как гоживаете, Сара", -- выдавил он наконец. В голосе его невольно прозвучало такое омерзение, что он сам был слегка шокирован и покраснел, решив, что ниже его достоинства демонстрировать столь страстное презрение к кому бы то ни было. Решив вести себя по возможности вежливо, он вошел в комнату и сел за стол.

-- Томас занимается историей, -- сказала мать, бросив на него испуганный взгляд. -- В этом году он был избран председателем местного исторического общества.

Девчонка наклонилась и посмотрела на Томаса с подчеркнутым вниманием. "Обалдеть!" -- произнесла она хрипло.

-- Сейчас Томас пишет о первопоселенцах в нашем графстве, -- сообщила мать.

-- Обалдеть! -- повторила девчонка.

Томасу понадобилось недюжинное усилие, чтобы выглядеть так, как будто кроме него в комнате никого нет.

-- Знаете, на кого он похож? -- спросила Стар, наклонив голову.

-- О, наверное, на кого-нибудь очень примечательного, -- откликнулась мать лукаво.

-- На легавого, которого я вчера видела в кино, -- сказала Стар.

-- Стар, -- сказала мать, -- тебе следует осмотрительней выбирать фильмы. Думаю, нужно ходить только на лучшие. Детективы вряд ли пойдут тебе на пользу.

-- О, ничего там такого в этом фильме не было, -- отмахнулась Стар, -- и я готова поклясться: легавый был точь-в-точь как он. Этого парня все время в чем-то обвиняли, а он выглядел так, будто вот-вот взорвется. Очень свирепый. И довольно симпатичный, -- добавила она, одобрительно ухмыльнувшись Томасу.

-- Стар, -- сказала мать, -- я думаю, было бы великолепно, если бы ты развила свой музыкальный слух.

Томас вздохнул. Мать продолжала болтать, а девчонка, не обращая на нее внимания, принялась строить ему глазки. Сила ее взгляда была такова, что Томасу казалось, будто это ее руки елзсят то по его коленям, то по шее. Ее глаза насмешливо блестя, и Томас не сомневался: она прекрасно понимает, что ее вид ему неприятен. Он отдавал себе отчет и в том, что она его соблазняет, но как-то неосознанно, так что даже трудно было ее в этом обвинить. При всей развращенности, девчонка казалась невинной. Как бы к этому отнесся Бог? -- размышлял Томас, подразаумевая, что именно так и ему следовало бы к этому отнестись.

Поведение его матери за столом было настолько идиотским, что ему трудно было на нее смотреть, а поскольку на Сару Хэм смотреть ему было еще труднее, он с осуждением и отвращением уставился на буфет. На каждое замечание девчонки мать реагировала так, будто оно заслуживало серьезнейшего внимания. Она дала Стар несколько советов, как с пользой проводить свободное время. На эти рекомендации Сара Хэм не обратила ни малейшего внимания, словно они исходили от попугая. Раз, когда Томас непроизвольно взглянул в ее сторону, она ему подмигнула. Проглотив последнюю ложку десерта, он встал из-за стола: "Мне пора идти, у меня встреча".

-- Томас, -- остановила его мать. -- Я хочу, чтобы ты подбросил Стар домой. Ей не следовало бы одной добираться на такси ночью.

Томас застыл в яростном молчании, затем повернулся и вышел переодеться. Когда он с выражением мрачной решимости на лице вернулся назад, девчонка была уже готова и смиренно ждала его у двери. Она наградила его взглядом, полным восхищения и доверия. Хотя Томас и не предлагал ей руки, она сама схватила ее, и они спустились к машине вдвоем - девчонка, вцепившаяся в то, что вполне могло оказаться волшебной движущейся статуей.

-- Будь умницей, -- напутствовала ее мать вдогонку.

Сара Хэм заржала и пихнула его локтем.

Надевая пальто, он подумал: хороший шанс сказать девчонке, что он лично проследит за тем, чтобы ее упекли в тюрьму, если она будет и дальше нагло использовать его мать. Он собирался сообщить ей, что прекрасно знает все ее планы, понимает, что она преступница, и никогда с этим не примирится. Все это он очень четко сформулировал в своем кабинете, но теперь, оказавшись запертым с Сарой Хэм в машине, почувствовал, что страх сковывает ему язык.

Подогнув под себя ноги, она забралась на сиденье и хихикнула: "Наконец-то мы одни".

Томас быстро вырулил к воротам, а по шоссе помчал с такой скоростью, словно за ним гнались.

-- Господи! -- Сара Хэм выпрямила ноги. -- Где пожар?

Томас не отвечал. Через пару секунд он почувствовал, что она подбирается ближе. Она долго ерзала и наконец положила ему вялую руку на плечо. "Томси меня не любит, -- сообщила она, -- но мне кажется, он обалденно милый".

Три с половиной мили до города Томас одолел за четыре минуты, проскочив однажды на красный свет. Затормозив перед пансионом, где жила девчонка, он вскочил, обжал машину и распахнул перед ней дверь.

Она долго не двигалась с места, и Томас вынужден был ждать. Наконец появилась нога, затем маленькое белое личико. Это было словно лицо слепого, но слепого, не подозревающего о существовании зрения. Томас смотрел на нее и с отвращением, и с любопытством. Пустые глаза прошлись по нему. "Никто меня не любит, -- заявила она сердито. -- Представить, если бы ты был мной, а мне было бы неприятно провезти тебя жалких три мили".

-- Моя мать тебя любит, -- буркнул он.

-- А, она! -- хмыкнула девчонка. -- Да она на семьдесят пять лет отстала от жизни!

У Томаса перехватило дыхание: "Если я узнаю, что ты ее донимашь, я отправлю тебя обратно в тюрьму". В его голосе звучала тугая сила, хотя он говорил едва ли не шепотом.

"Ты и кто еще?" -- поинтересовалась она и забралась назад в машину с явным намерением не вылезать оттуда вовсе. Томас наклонился, слепо ухватил край пальто, дернул и вытащил ее наружу. Затем прыгнул в машину и нажал на газ. Дверца с ее стороны машины так и оставалась раскрытой, и смех девчонки, казалось, готов был влететь в автомобиль и поехать с ним. Он остановился, захлопнул дверцу и погнал домой, вне себя от злости. Он был намерен все выложить матери, так, чтобы у нее не осталось никаких сомнений. Голос отца скрежетал у него в голове.

Болван! говорил старик. Добейся своего. Покажи ей, кто в доме хозяин, иначе она сама тебе покажет.

Но вернувшись домой, Томас обнаружил, что мать уже благообразно отошла ко сну.

Утром он вышел к завтраку с таким хмурым выражением лица, что не было сомнений: настроение у него самое дурное. Когда он на что-то решался, Томас вел себя подобно быку, который, прежде чем ринуться в бой, отступает назад и топчет землю. "А теперь послушай, -- начал он, выхватывая стул и садясь. -- Я хочу тебе кое-что сказать насчет этой девки, и я не буду повторять дважды. -- Он перевел дух. -- Она всего лишь маленькая шлюшка. Она смеется над тобой за твоей спиной. Она хочет вытянуть из тебя все, что можно, и ты для нее -- пустое место.

Мать выглядела так, словно она тоже провела бессонную ночь. Она вышла к завтраку в халате с серым тюрбаном на голове, придававшим ее лицу необычно мудрое выражение. Казалось, он завтракал с сивиллой.

-- Сегодня тебе придется есть консервированные сливки, -- сообщила она, наливая ему кофе. -- Я забыла купить.

-- Ладно, ты слышала, что я сказал? -- рявкнул Томас.

-- Я не глухая, -- ответила мать и вернула кастрюлю на подставку. -- И знаю, что для нее я всего лишь старая пустомеля.

-- Тогда почему же ты упорствуешь в этой безрассудной...

-- Томас, -- перебила она его, прижав руку к щеке, -- ведь на ее месте мог бы быть...

-- Это не я, -- оборвал ее Томас, надавив коленом на пожку стола.

Продолжая прижимать руку к щеке, она неодобрительно покачала головой. "Подумай о том, что у тебя есть, -- начала она,

-- о домашнем уюте. И морали, Томас. У тебя нет дурных наклонностей, нет врожденных пороков.

Томас задышал, словно астматик, застигнутый приступом. "В твоих рассуждениях нет никакой логики, -- сказал он безвольно. -- Он бы быстро положил этому конец".

-- Ты, -- жестко сказала она, -- это не он.

Томас раскрыл рот, но не издал ни звука.

-- В любом случае, -- заметила мать с легким протестом, словно отвергала комплимент, -- я больше не приглашу ее сюда, раз ты так против нее настроен.

-- Я настроен не против нее, -- парировал Томас, -- я настроен против тебя, когда ты делаешь из себя дуру.

Стоило ему закрыть за собой дверь кабинета, как перед его мысленным взором вновь предстал отец, присевший на корточках. У отца была деревенская привычка разговаривать, сидя на корточках, хотя он родился и вырос в большом городе, и лишь затем переехал в их городок. У него был талант убеждать местных жителей, что он такой же, как они. В середине разговора на лужайке перед зданием суда он вдруг садился на корточки, и двое-трое его приятелей следовали его примеру, не прерывая беседы. Так -- хотя отец вряд ли когда-либо в этом признался бы -- ему было легко врать.

-- Ладно, пусть она делает по-своему, -- сказал он. -- Ты не такой, как я. Ты не мужчина.

Томас решительно углубился в чтение, и постепенно видение померкло. Но мысли о девчонке застряли в его сознании так глубоко, что их невозможно было побороть силой анализа. Ему казалось, будто смерч пронесется в сотне ярдов от него, вот-вот свернет и ринется на него. Еще долго он не мог сосредоточиться на работе.

Прошло два дня. Они с матерью сидели в его кабинете после ужина и каждый читал свою страницу вечерней газеты, как вдруг истошно, словно сигнал пожарной тревоги, зазвонил телефон. Томас бросился к нему. Стоило ему поднять трубку, как женский визг наполнил комнату: "Приезжайте за этой девчонкой! Забирайте ее! Пьяная! Пьяная в моем доме. С меня хватит. Потеряла работу и заявилась сюда пьяная. С меня хватит!"

Мать подошла и выхватила трубку.

Призрак отца вырос перед Томасом. Позвони шерифу, позвони шерифу, -- повторил шерифу, -- повторил Томас громко. -- Скажи шерифу, чтобы он поехал туда и забрал ее".

-- Мы сейчас приедем, -- говорила между тем мать. -- Приедем и заберем ее. Скажите ей, чтобы она собирала вещи.

-- Она не в состоянии ничего собрать, -- неистовствовал голос. -- Как вы только могли подsunуть ее мне! У меня порядочный дом!

-- Скажи, чтобы она вызвала шерифа, -- заорал Томас.

Но мать уже повесила трубку и посмотрела на него: "Этому человеку я бы и собаку не доверила", -- заявила она.

Томас рухнул в кресло опустошенный и уставился на стену.

-- Подумай же об этой бедной девочке, -- сказала мать. -- У нее нет ничего. Ничего. А у нас есть все.

Они обнаружили Сару Хэм на крыльце пансионата -- широко расставив ноги, она развалилась на ступеньках. Хозяйка нахлобучила ей берет по самые брови, а вещи кое-как побросала в чемодан. Вдрызг пьяная, Сара бормотала что-то себе под нос. Мазок губной помады перечеркнул ее щеку. Она позволила матери поднять себя и усадить в машину -- непонятно было, понимает ли она, кто ее спаситель. "Целый день не с кем поговорить, кроме стаи чертовых попугаев", -- яростно шептала она.

Томас вообще не вышел из машины и бросил на девчонку лишь один беглый взгляд: "В который раз говорю тебе, ей место в тюрьме".

Мать сидела на заднем сидении, держа девчонку за руку и не отвечала.

-- Хорошо, отвези ее в гостиницу, -- сказал он.

-- Я не могу отвезти пьяную девочку в гостиницу, Томас, -- сказала она. -- И ты сам это знаешь.

-- Тогда отвези ее в больницу.

-- Ей не нужна тюрьма, гостиница или больница. Ей нужен дом.

-- Но не мой, -- отрезал Томас.

-- Только на эту ночь, -- вздохнула старая дама. -- На одну эту ночь.

Минуло восемь дней. Маленькая шлюшка обосновалась в комнате для гостей. Каждый день мать ходила искать ей работу и жилье, но безуспешно -- хозяйка пансионата уже успела распространить слухи. Томас окопался в своей комнате и кабинете. Его дом был для него и жилищем, и рабочим местом, и храмом -- таким же интимным и необходимым, как панцирь для черепахи. Он и поверить не мог, что все обернется таким кошмаром. На его лице застыло оскорбленное выражение.

По утрам, встав с постели, девчонка принималась петь блюзы, трепетные волны ее голоса расходились по всему дому, то взмывая, то падая вниз, словно имитируя страсть, жаждающую удовлетворения. Заслышав ее голос, Томас вскакивал из-за

стола и затыкал уши ватой. Но спастись от девчонки было невозможно. Она появлялась всякий раз на его пути, когда он выходил из комнаты. Стоило ему выйти в лестницу, как тут же появлялась она и проходила мимо, раболепно на него поглядывая или же шла за ним, трагически вздыхая и распространяя запах мяты. Казалось, ее только подстегивает ненависть Томаса, и ей нравилось подогревать это чувство, словно оно добавляло сияния ее мученическому ореолу.

Отец -- маленький, похожий на осу в своей пожелтевшей панаме, полосатом полотняном костюме, розовой рубашке, которую он намеренно держал грязной, и узком галстучке -- появлялся, стоило только Томасу сделать перерыв в работе -- и, присев на корточки, начинал дребезжащим голосом поучать его. Положи этому конец. Сходи к шерифу.

Шериф был точной копией отца, разве что носил клетчатую рубашку, тexasскую шляпу и был на 10 лет моложе. Такой же пройдоха, он искренне обожал старика. Томас, равно как и его мать, сторонились шерифа, побаивались стеклянного выражения его бледно-голубых глаз. Томас продолжал надеяться, что все каким-то чудом решится само собой...

Пока в доме находилась Сара Хэм, даже еда казалась ему отвратной.

-- Томси меня не любит, -- сказала она на третий или четвертый вечер за ужином и недовольным взглядом окинула плотную фигуру Томаса, который в ответ скривился так, словно почувствовал невыносимую вонь. -- Он не хочет меня видеть. Никто меня не хочет видеть.

-- Томаса зовут Томас, -- поправила ее мать. -- А не Томси.

-- А мне нравится "Томси", -- сказала она, -- по-моему классное имя. Он ненавидит меня.

-- С чего ты взяла, что Томас тебя ненавидит? -- спросила мать. -- Мы не из тех людей, которые кого-то ненавидят, -- добавила она, будто речь шла о пороке, искорененном несколько столетий назад.

-- Мне ли не знать, когда я не нужна, -- продолжала Сара Хэм. -- Они даже в тюрьме меня видеть не хотели. Интересно, если я покончу с собой, понадобится ли я Господу?

-- А ты попробуй и посмотрим, -- буркнул Томас.

Девчонка издала нечто среднее между смелком и стоном. Внезапно ее лицо скривилось и всю ее затрясло. -- Лучший выход, -- выговорила она, клацая зубами, -- покончить с собой. Тогда я никому больше не буду помехой. Я попаду в ад и не буду мешать Богу. Но даже дьяволу я не нужна. Он выгонит меня из ада... Нет, даже в аду... -- она заревела.

Томас встал, взял тарелку, нож и вилку и отправился доедать свой ужин в кабинет. Больше он ни разу не ел в столовой, и мать накрывала его рабочий стол. Пока он ел, отец незримо присутствовал рядом. Он появлялся, качался на стуле, оттягивал подтяжки на груди и гнул свое: Меня бы она никогда не выгнала из-за стола.

Как-то вечером Сара Хэм полоснула кухонным ножом по запястью и закатила истерику. Томас, сидевший взаперти в своем кабинете, слышал визг, крики, потом торопливые шаги матери. Томас не шелохнулся. Первый всплеск надежды -- он решил, что девчонка перерезала себе горло -- миновал, когда он осознал, что в таком случае она не смогла бы так вопить. Он вернулся к своему журналу, а крики тем временем утихли. Вскоре появилась мать, в руках она держала пальто и шляпу. "Нам надо отвезти ее в больницу. Она пыталась покончить с собой. Я сделала жгут. Боже мой, -- воскликнула она, -- представь только, каким несчастным надо быть, чтобы решиться на такое".

Томас мрачно поднялся, надел пальто и шляпу. -- Мы отвезем ее в больницу и оставим там.

-- И вновь доведем ее до отчаяния, -- вскричала старая дама. -- Томас!

Он стоял посреди комнаты, прекрасно понимая, что наступил момент, когда нужно действовать: паковать вещи, уезжать из этого дома... -- но так ни на что и не решился.

Большую ярость вызывала у него даже не шишюшка, а мать. Хотя врач обнаружил, что порез пустяковый, смеялся над жгутом и лишь смазал царапину йодом, все это происшествие сильно повлияло на мать. Казалось, новое скорбное бремя навалилось на нее, и это бесило не только Томаса, но и девчонку. Мать горевала как-то абстрактно: переживания Сары Хэм подвигли ее на скорбь по всему человечеству.

На следующее утро она прошла по дому, собрала все ножи и ножницы и заперла их в одном из ящичков. Она вылила склянку с крысиной отравой в унитаз и собрала с кухонного пола таблетки от тараканов. Затем она ушла в кабинет Томаса и спросила шепотом: "Где отцовский пистолет? Я хочу, чтобы ты его спрятал".

-- Пистолет у меня в ящике, -- взревел Томас, и я не буду его убирать. Если она застрелится, тем лучше!

-- Томас! -- воскликнула мать. -- Она же тебя услышит!

-- Пусть слушает, -- завизжал Томас, -- неужели ты не понимаешь, что она не собирается себя убивать? Неужели ты не знаешь, что такие люди не кончают с собой? Неужели ты...

Мать выскользнула за дверь и плотно прикрыла ее, чтобы не слышать его слов, но смех Сары Хэм проник в комнату из прихожей: "Томси узнает. Я убью себя, и он будет жалеть, что так ко мне относился. Я возьму его пистолетик, его револьвер с перламутровой рукоятк-о-о-ой" -- ее крик перешел в истошный мученический смех -- она явно подражала монстру из какого-то фильма.

Томас стиснул зубы. Он выдвинул ящик и нащупал пистолет. Это было наследство старика, считавшего, что в каждом доме должно быть оружие. Однажды ночью отец выпустил две пули в сторону какого-то бродяги. Томас никогда ни в кого не стрелял. Меньше всего он опасался, что девчонка покончит с собой, и запереть ящик не стал. Люди ее типа так цепко держались за жизнь, готовые извлечь выгоду из любой ситуации.

Порой у него возникали идеи, как можно было бы отделаться от девчонки, но всякий раз столь аморальные, что ясно было: их подсказывал отец. Томас отвергал их. Он не мог отправить девчонку в тюрьму, пока она не совершила ничего противозаконного. Отец без всяких колебаний напоил бы ее, посадил за руль, а потом бы предупредил дорожную полицию, но Томас считал такие вещи ниже своего достоинства. Но и отделаться от подобных мыслей не мог.

У него не было даже слабой надежды на то, что девчонка застрелится, но днем, заглянув в ящик, он обнаружил, что пистолет исчез. Кабинет запирался только изнутри. Ему было наплевать на пистолет, но его взбесила мысль о том, что Сара Хэм рылась в бумагах. Теперь и его кабинет был осквернен. Нетронутой оставалась только спальня.

Но этой ночью она появилась и там.

Выйдя утром к завтраку, он даже не стал садиться. Стоя он выпалил свой ультиматум матери, глотавшей кофе со страдальческим выражением лица.

"Я терпел это достаточно долго, -- говорил он. -- Теперь я ясно вижу, что тебе наплевать на меня, мой покой, комфорт, условия для работы. Мне остается только одно. Я даю тебе последний день. Если сегодня днем ты приведешь девчонку обратно в дом, я уеду. Выбирай -- она или я". Он намеревался еще что-то сказать, но тут его голос сорвался, и он ушел.

В десять часов его мать и Сара Хэм уехали из дома.

В четыре он услышал шум колес по гравию и кинулся к окну. Машина остановилась у крыльца, пес вскочил, приветствуя ее.

Казалось невероятным сделать этот первый шаг к шкафу, где лежал чемодан. Томас был похож на человека, которому

протянули нож и сказали: ты умрешь, если сам себе не сделаешь операцию. Его руки повисли безвольно, а в бледно-голубых глазах застыла мука.

Он закрыл их на мгновение, и тут же отец разъяренно уставился на него. Идиот! -- шипел старик. Идиот! Бандитка украла твой пистолет! сходи к шерифу! Сходи к шерифу!

Чуть помедлив, Томас открыл глаза. Его словно озарило. Он чуть постоял на прежнем месте, затем медленно, как корабль, повернулся к двери. Помедлив еще мгновение, он вышел. На его лице была написана готовность к суровым испытаниям.

Где найти шерифа, он не знал. Поначалу он зашел в его контору в здании тюрьмы, но там никого не было. Клерк в городском суде сказал ему, что шериф -- через улицу, в парикмахерской. "А вон Йондер, его помощник", -- клерк показал в окно на великана в клетчатой рубашке, который, прислонившись к патрульной машине, взирал в пространство.

"Мне нужен именно шериф", -- поблагодарил его Томас и пошел в парикмахерскую. Хотя шериф ему не особенно нравился, в любом случае было ясно, что это мужик с мозгами, а не просто гора потной плоти.

Парикмахер сказал ему, что шериф только что вышел. Томас снова направился к суду, но, ступив на тротуар, сразу же увидел тощую, слегка сутулую фигуру шерифа, яростно распекавшего своего помощника.

Томас двинулся к нему с агрессивностью, вызванной слишком долгим ожиданием этой встречи.

Внезапно остановившись в трех футах от него, Томас спросил излишне громко: "Можно с вами поговорить?". При этом он не назвал шерифа по имени (а звали того Фэйрбразер).

Фэйрбразер повернул к нему свое острое морщинистое личико, и его помощник сделал то же самое. Шериф выплюнул окурок, и тот упал ему на ботинок. "Ну, я объяснил тебе, что делать", -- сказал он помощнику и двинулся прочь, слегка кивнув Томасу -- дескать, можешь идти за мной, если хочешь. Помощник медленно обошел автомобиль и залез внутрь.

Фэйрбразер привел Томаса во двор суда и остановился под тенистым деревом. Слегка наклонившись вперед, он закурил новую сигарету.

Томас принялся излагать свое дело. Поскольку у него не было времени подготовиться, речь его была довольно бессвязна. Повторяя одно и то же по несколько раз, он умудрился упустить многое из того, о чем хотел рассказать. Когда он закончил,

шериф стоял по-прежнему наклонившись, с отсутствующим видом. Стоял и молчал.

Томас начал снова, медленней и все так же неубедительно, и Фэйрбразер наконец нарушил свое молчание: "Да, мы ее уже раз зацапали", -- сказал он, и на его морщинистом лице появилось некое подобие улыбки.

-- Я тут ни при чем, -- сказал Томас. -- Это все моя мать.

Фэйрбразер присел на корточках.

-- Она пыталась помочь девчонке, -- сказал Томас. -- Она не понимает, что ей невозможно помочь.

-- Откусила больше, чем смогла прожевать, вот как, -- задумчиво произнес голос снизу.

-- Мать к этому не имеет отношения, -- сказал Томас. -- Она не знает, что я здесь. Девчонка опасна с этим пистолетом.

-- Твой отец, -- сказал шериф, -- никогда не допускал такого. Не давал бабам воли.

-- Она может кого-нибудь убить из этого пистолета, -- сказал Томас слабо, глядя сверху вниз на вершину техасской шляпы.

Воцарилось долгое молчание.

-- Куда она его дела? -- поинтересовался Фэйрбразер.

-- Понятия не имею. Она живет в комнате для гостей. Наверное, спрятала там, в своем чемодане, -- сказал Томас.

Фэйрбразер вновь погрузился в молчание.

-- Вы можете обыскать гостиную, -- сказал Томас напряженным голосом. -- Я бы оставил входную дверь открытой, а вы бы незаметно вошли, поднялись по лестнице и обыскали комнату.

Фэйрбразер повернул голову и грозно уставился на колени Томаса. -- Вижу, ты все знаешь, как надо делать, -- сказал он. -- Хочешь на мою работу?

Томас не нашелся, что на это ответить, поэтому промолчал и лишь ждал терпеливо. Фэйрбразер выплюнул окурочек на траву. Неподалеку группа зевак, торчавшая на левой стороне крыльца, переместилась вправо, где было больше солнца. Из окна верхнего этажа вылетела скомканная бумажка.

-- Я приду около шести, -- сказал Фэйрбразер. -- Оставь открытой дверь. И не мешайтесь у меня под ногами -- и ты, и две эти бабы.

Томас издал невнятный звук, означающий "спасибо", и кинулся прочь, словно его отпустили на свободу. Фраза "две эти бабы" занозой застряла в его памяти -- попытка оскорбить мать ранила его больше, нежели все намеки Фэйрбразера на его собственную некомпетентность. Лишь когда он сел в машину, его лицо прояснилось. Ну разве он выставил свою мать на посмеище? Разве предал ее, ради того, чтобы избавиться от

маленькой шлюшки? Нет, ничего подобного. Он все сделал ради ее собственного блага, чтобы освободить ее от паразитки, намеревавшейся лишить их покоя. Томас завел машину и быстро поехал, но на полпути решил, что лучше будет припарковаться на расстоянии от дома и незаметно пройти через заднюю дверь. Он оставил машину на лужайке и по тропе прошёл к дому. На небе были полосы горчичного цвета. Пес, спавший на коврик у задней двери, заслышав шаги хозяина, приоткрыл желтый глаз, запечатлел Томаса и вновь уснул.

Томас прокрался в кухню. Она была пуста, лишь гугающе громко тикали часы. Без четверти шесть. На цыпочках он быстро прошел к парадной двери, снял щеколду. Затем застыл, прислушиваясь. Из гостиной раздавался сладкий храп -- должно быть, мать уснула за чтением. В прихожей на стуле валялись черное пальто и красная сумочка маленькой шлюшки. Сверху раздавался шум воды: Сара Хэм принимала ванну.

Томас пошел в кабинет, сел за стол и стал ждать, не в силах совладать с дрожью. Затем схватил ручку и принялся чертить квадраты на лежавшем перед ним конверте. Он взглянул на часы. Без одиннадцати шесть. Секунду спустя машинально выдвинул средний ящик стола. Мгновение смотрел на пистолет, не узнавая. Затем вскрикнул, вскочил. Она положила его назад.

Идиот! вопил отец. Идиот! Иди засунь его в сумочку. Не стой здесь! Спрячь его в сумочку!

Томас стоял, уставившись на открытый ящик.

Болван! кипел старик. Скорее! Спрячь его в сумочку!

Томас не шевелился.

Кретин! кричал отец.

Томас взял пистолет.

Торопись! приказал старик.

Томас пошел, держа пистолет в вытянутой руке. Открыл дверь и посмотрел на стул. Черное пальто и красная сумочка лежали на прежнем месте.

Торопись же, дурак, сказал отец.

Из гостиной по-прежнему раздавался размеренный храп матери. Эти звуки, казалось, отмечали ход времени, ничего общего не имеющие с теми мгновениями, которые оставались Томасу. Больше не было ни звука.

Скорей, кретин, пока она не проснулась, подгонял его старик.

Храп прекратился, и Томас услышал, как застонали пружины кровати. Он схватил красную сумочку. Ему казалось, что он прикасается к голому телу, а открыв ее, безошибочно

узнал запах девчонки. Дрожа, он запихнул пистолет и положил сумочку на место. Лицо его побагровело.

"Что это Томси кладет мне в сумочку?" -- ее довольный смех раздался с лестницы. Томас в ужасе обернулся.

Она спускалась, словно манекенщица, одна босая нога, затем другая выскальзывали из-под кимоно в четком ритме. "Томси -- гадкий", -- произнесла она хрипло. Спустившись, она обволокла Томаса страстным взглядом. Его лицо, скорее, было уже не красным, а серым. Она взяла сумочку, кокетливо распахнула ее и уставилась на пистолет.

Мать выглянула из дверей гостиной.

-- Томси засунул пистолет в мою сумочку! -- взвизгнула девчонка.

-- Ерунда, -- сказала мать, зевая. -- Зачем это ему понадобилось засовывать пистолет в твою сумку?

Томас сгорбился, его руки безвольно повисли, словно он только что вытащил их из лужи крови.

-- Понятия не имею, зачем, -- сказала девчонка. -- Но точно знаю, что это он. -- Изогнувшись кренделем, она прошлась вокруг Томаса, ухмыляясь и неистово пожирая его глазами. Внезапно она показалась ему абсолютно ясной и открытой -- так распахнулась сумочка, стоило до нее дотронуться. Она стояла, склонив голову набок, и смотрела на него недоверчиво. "Ну и ну, -- произнесла она медленно. -- Ну и дела".

В этот момент Томас проклял не только девчонку, но и весь мировой порядок, позволивший ей существовать на свете.

-- Томас не мог положить пистолет в твою сумочку, -- сказала мать. -- Томас -- джентльмен.

Девчонка торжествующе фыркнула: "Да вот же он", -- сказала она, тыча пальцем в открытую сумочку.

Ты нашел его в сумочке, ты, недоумок, -- зашипел старик.

"Я нашел его в сумочке, -- закричал Томас, -- грязная шлюха украла мой пистолет".

Мать с изумлением услышала в его голосе знакомые интонации. Лицо старой дамы побледнело.

-- Черта с два ты его нашел, -- взвизгнула Сара Хэм и потянулась за сумочкой, но Томас, повинаясь воле отца, схватил ее первым и выхватил пистолет. Обезумев, девчонка нацелилась Томасу в горло и вцепилась бы в него, если бы на защиту ее не бросилась мать.

-- Стреляй! -- взревел старик.

Томас выстрелил. Ему казалось, он стреляет прямо в средоточие мирового зла, что этот выстрел покончит со смехом

всех шлюшек на свете, до последнего мелкого визга, и тогда наступит тишина, покой и идеальный порядок.

Эхо замчрало волнами. Но до того, как утасла последняя волна, Фэйрбразер открыл дверь и заглянул в прихожую. Его нос сморщился: шериф был огорошен сюрпризом. Но мгновенно его глаза остекленели и отразили всю сцену: старая дама лежала на полу между девчонкой и Томасом.

Мозг шерифа работал как счетная машина. Он без труда разгадал весь замысел: парень задумал пристрелить свою мать и свалить преступление на девчонку, но Фэйрбразер опередил его. Они не заметили его головы в дверях. Он пригляделся: и тут его еще раз осенило: прямо над трупом, убийца и шлюха готовы были упасть друг другу в объятия. Да, он раскусил их с первого взгляда. Ему случалось заставить ситуации, которые были не так плохи, как он предполагал, но эта превзошла все его ожидания.

Перевод с английского Дмитрия Волчека

*Фланнери О'Коннор (1925–1964),
американская писательница,
автор романов "Мудрая кровь", 1952
"Яростные побеждают" (1960),
рассказов и эссе.*

*На русский язык переведен роман "Мудрая кровь"
(Звезда Востока 6'92).*

*Рассказ "Домашний уют", взятый из сборника
"Все сущее соединится" (1964),
переведен для книги, которую готовит к выпуску
московское издательство
имени Сабашниковых.*

АРХИВ

Пинхос Подрабинек

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ*

10-го декабря собираюсь утром на работу и остановлен у порога квартиры тем же молодым человеком, который несколько дней назад предлагал проехаться на Дзержинку.

— Опять повестка?

— Пинхос Абрамович, в Ваших интересах провести сегодня день дома.

— Какая трогательная забота. Это что, домашний арест?

— Нет, просто так, не советую выходить.

— А если выйду?

— Будем вынуждены Вас проводить обратно —

С ним еще один, постарше, они устраиваются на лестничной площадке, Лида выносит им стулья, предлагает шахматы. От шахмат отказываются, один стул на двоих с благодарностью принимают. Следовало бы заставить их водворить меня в квартиру, но я не чувствую злости и водворяюсь сам.

На Лиду запрет не распространяется, она идет за покупками, оповещает знакомых, чтобы не заходили, звонит в Москву и узнает, что под арестом 22 человека. Ясно, хотят сорвать сегодняшнюю демонстрацию. В 8 вечера арест снят, едем к Спартакам.

На следующий день звонок Кирилла. Простит встретиться "где обычно". Где это "обычно", не знаю, но выйдя на улицу, вижу его у остановки.

— Так ты скрываешься?

— Ты же хотел повидаться!

— Верно, чтобы ты при всех на пресс-конференции заявил о своем желании уехать. Момент упущен, но мы должны об этом поговорить

—

Предвижу нелегкую борьбу. Он хочет уехать, но просить об этом Сашу не будет, а тот без такой просьбы не согласится на наш отъезд. Он готов остаться, если 218 статью можно сменить на 70-ю, но кто же ему ее обеспечит! Ему очень трудно, от меня требуется много терпения, чтобы распутать узел противоречий, а у меня оно на исходе. Начинаю издали, с времяпрепровождения в укрытии, и то, что он рассказывает, меня раздражает. Соседская бабка знает, что он племянник хозяйки квартиры, на столе у него телефон, по которому он отвечает.

— Это не конспирация, а игра в нее.

* Продолжение. Начало в МЖ NN26—49

— Что я могу поделаться, если мне звонят сама хозяйка из санатория и девушка, которая приносит еду? Кто позвонит, заранее не знаю, придется всем отвечать. —

Не то досадно, что нет конспирации, а то, что он сам это понимает, следовательно, не отдохнул, так же встревожен. Оглядывается по сторонам, выбирает глухие переулки, говорит шепотом и меня одергивает. При этом уверен, что полностью владеет собой и просто осторожен.

— Я вчера приходил на демонстрацию, смотрел издали, с Тверского бульвара. —

Смешно и досадно, полная утрата чувства реальности — конспиративная квартира и... демонстрация!

— Кирилл, что будем делать?

— Пока что скрываться.

— Хорошо, но почему бы тебе не подать заявление о выезде?

Может быть, нас только запугивают, и если упрямо делать вид, что нет заложничества, его уберут? Без всякого согласия Саши.

— Его я просить не буду ни в коем случае! — Одна мысль о разговоре с ним выводит Кирилла из себя. Он останавливается, крепко сжимает мне локоть и с болезненной усмешкой, кривящей губы, —

— Вот где у меня Саша! — свободной рукой он тычет себя в кадык — Порядочный человек не спрашивает у заложника его согласия на отъезд, а эгоиста незачем просить!

— А мой план?

Молчит, проходим квартал, другой, уже думаю, что он забыл мой вопрос.

— В этом что-то есть, — медленно произносит он.

— Так позвони Белову

— Сегодня воскресенье

— Передай дежурному и попроси доложить Белову. —

Он звонит из телефонной будки по коммутатору КГБ, узнает телефон дежурного, затем настаивает на автобусе, проезжаем несколько остановок, выхсдим, звоним дежурному. Тот советует обратиться к самому Белову, бежим к станции метро, проезжаем под землей три станции. Звоним Белову, которого нет на месте, и новая пробежка. Звонок дежурному, и бежим от будки.

— Обещал передать мое заявление, завтра узнаю ответ и сообщу тебе —

На следующий день от Кирилла ни ответа, ни привета. В час ночи от него звонок в дверь, в Электростали.

— Ну, что Белов?

— Предложил оформить документы, о совместном отъезде ни

слова

— Вот видишь может обойдется.

— Тогда мне зачем скрываться?!

— И я так думаю. — Он идет домой, и я вижу, наконец, какой-то порядок в его поведении. Конечно, он не торопится, это не в его привычках, но заявление подано, анкета получена и заполнена, справка о нашем с Любой отказе от материальных претензий оформлена, ждем.

С женой у него тяжелые переговоры. Она категорически отказывается с ним ехать, но обещает присоединиться, когда он устроится с жильем и работой. Делаем вид, что верим ей.

Рассказываю ему о битве с Сашей, о том, что Спартак просил его не бывать в его доме. Кирилл сообщает, что диссидентский стан разбит на Монтеки и Капулетти. Ведем длинные разговоры, так как мы изрядные трепачи.

— Трепачи, — подтверждает Кирилл, — и ничего тут нет плохого. Что наша жизнь, игра. В основном, игра ног и языка. Много разговариваем потому, что не умеем передавать мысли. Наверное, надо еще больше, чтобы научиться.

Отсылаем Ильюшу в комнату, где он скучает в ожидании тети Лиды. Подкрепляемся кофе, курим так что в маленькой кухне дым столбом. Я стараюсь подготовить его одновременно к двум испытаниям, отъезду и лагерю.

— Что бы ты стал делать за границей?

— То же. Дел, папа, везде хватает. Попутешествовал бы и взялся.

— За работу и учебу, — вставляю я.

— За какое-нибудь правое дело. Познакомился бы.

— с русскими эмигрантами.

— Нет, я довольно насыпан об эмиграции, недавно перечел

Герцена. В каждой стране нужно заниматься ее делами. —

Чадим. Вдруг он вспоминает

— Не понимаю, что они на меня взъелись?

— Кто, Кирилл?

— Понимаешь, странный мне упрек бросили в сашиной компании:

— Стыдно, — говорят, — уезжать. — Так я же, — отвечаю, — не в космос, на земле остаюсь, с людьми! — Ты покидаешь свою страну! — Для меня своя всякая страна, где нахожусь, контрактов не подписывал, обязательств оставаться здесь навечно не давал. — Но в такое тяжелое время покидать единомышленников, друзей, хорошо ли? — Покинуть, — говорю, — все равно придется, так лучше на Запад, чем на Восток! Как думаешь, я прав?

— Имеешь право так думать и поступать. Что же они?

— Все свое, стыдят, не имеют права. Меня, наконец, разозлило:

— Что же вы молчали, когда уезжали Турчин, Ходорович,

Любарский, почему их не порицали? — Так знаешь, нашлись такие, которые их признали отступниками, Твое мнение?

— Думаю, что они правы.

— Вот это мило, ты сам себе противоречишь... и зачем меня уговариваешь, если ты с ними заодно? — Он с силой выталкивает носом воздух, признак большого неудовольствия.

— Не фыркай и успокойся. Те, кого ты перечислил, лидеры. Они связаны с людьми обязательствами. Неважно, что они их не давали, обязательством была их общеизвестная деятельность, на них надеялись, их отъезд ослабил Движение, подточил силы оставшихся, посеял сомнения и колебания.

— Что же лидерам, погибать в тюрьмах и лагерях?

— Тюрьмы и лагеря тоже поле боя, и более суровое, при мужестве более плодоносное. Прежде, чем брать ответственность за других, нужно, наверное, рассчитать свои силы. Это ведь не то, что вскочить в другой автобус: — Ах извините, ошибся. — У тех, что ты назвал, был другой, более пристойный выход. Делидировать, отступить в тень, смешаться с рядовыми, после этого — скатертью дорога!

— А рядовому можно?

— Конечно, даже хорошо, как форма протеста. Ты как, еще не метишь в лидеры? — Он отмахивается руками и головой.

— Вот и хорошо, тебе можно ехать, а учитывая обстоятельства так даже необходимо.

— А Сане?

— Лидер, не лидер, но что-то вроде, фигура видная. Ехать он обязан по другим соображениям, но ему для отъезда не хватает мужества. Что так удивленно смотришь? Чтобы оставаться порядочным наперекор общему мнению друзей, требуется больше мужества, чем для сопротивления противникам и эффектного геройства.

— Что же ты скажешь о тех, кто метит в лидеры, чтобы уехать?

— Ничего хорошего. Я бы отказников в Хельсинскую группу не допускал, хочешь в Израиль, валяй, но при чем тут Демократическое Движение? Хельсинская группа все-таки не эмиграционное агентство!

— Ну, это ты слишком... и почему не скажешь им прямо?

— Ты забываешь, что у отказников много свободного времени, и нет ничего плохого, если они используют его на общее дело.

— Вот бы и образовали собственную группу, нечего путать божий дар с яичницей. Занимая представительное место в Хельсинской, они оставляют после себя дыру. —

К лагерю, увы, подготовить его не могу, я и сам не верю, что ему там будет хотя бы сносно. Да и собственного опыта нет. Ограничиваюсь общими советами не позволять себя третировать, но и в бутылку не лезть. Кончаю так

— Пойми, Кирилл, либо требуй у Саши отъезда, либо готовься к лагерю —

Молчит, видимо, надеясь на еще какой-нибудь выход. Тщетность этой попытки подтачивает его силы, просить Сашу уехать он не хочет и не

будет, это уже вопрос самолюбия. Каждому трудно отступить от занятой позиции, изменить сделанным заверениям, и потому братья ожесточены друг другом, а я мечусь между ними, стараясь что-то сгладить, примирить, одинаково страшась потерять каждого из них, хотя умом и совестью на стороне Кирилла. Я знаю, что они встречаются, и мне инстинктивно не нравятся поездки Кирилла в Москву, я догадываюсь, зачем он видится с Сашей. Он еще не отказался от идеи перебраться с уголовной статьи на политическую кто же ему лучше поможет, чем брат? Он пишет и раздает заявления, проталкивается в печать, ему хочется пресс-конференции:

Сейчас для этого на редкость неудачное время. С тех пор, как переговоры с США по разоружению обрели перспективу или видимость перспективы, интерес к инакомыслящим значительно упал. Корры попрятались, эфир набрал воды и через нее пробулькивают очень короткие выдержанные сообщения. Лишнее доказательство конъюнктурного интереса заокеанских поклонников прав человека к нашим делам.

"Если бы я действительно совершил уголовное преступление, разве мне предоставили бы возможность эмигрировать на Запад? Разве уголовников когда-нибудь принуждали покинуть страну? Эта инсценировка с патронами, этот шантаж с выездом за границу явно показывает политическую подоплеку моего дела", писал Кирилл еще 7-го декабря, вот что ему хочется довести до общего сведения. Совершенно справедливо и абсолютно бессмысленно, однако он упорствует, и я догадываюсь, что Саша поддерживает в нем эту надежду. Но как я могу врываться в их секреты?! Так Кирилл и живет в эти дни, раздираемый несовместимыми желаниями — получить с помощью Саши политический статус и от него же добровольное соглашение на их совместную эмиграцию.

Я держал письмо, написанное ему в те дни Сашей. Кирилл показал мне его в минуту отчаяния, не выпуская из рук, а справившись с собой, тут же убрал. Начиналось онс обращением "Дорогой Кирюша!" Так Саша редко его называл. Он объяснял, что отъезд для него "смерти подобен", убеждал быть с ним заодно, предупреждал, что в случае совместного отъезда они расстанутся еще в Вене. Он, Александр, возненавидит брата, никогда его не простит и не будет с ним иметь ничего общего. Такую угрозу, кстати, он как-то и мне предъявил. Я ответил, что предпочитаю ненависть одного сына, чем смерть другого.

Как унылы эти дни, как тягостно ожидание печального конца! Судьба, в порядке развлечения, посылает нам небольшой подарок, у нас объявляются в США родственники!

Получаем, преимущественно в адрес Саши, сначала по две-три телеграммы в день. На английском, со всеми знаками препинания простыми. Первым телепроходцем выступает Даниэль Робисон из Нью-Джерси: "Из значительной части радиопередач и газетных сообщений относительно Вас мы узнали здесь, в США, что мы имеем чудесного родственника в СССР, которого мы горячо желаем пригласить сюда со всей семьей. Твое

имя было изменено, когда твои предки прибыли в Балтимор, иммиграционными властями. На английском оно звучит как Робисон. Знайте же, что большая и крепкая семья родственников, чьи деды были Подрабинеками из Вильно, горят желанием сердечно тебя приветствовать со всей семьей с искренним восхищением и уважением. Мы расселены по всей территории США и владеем многими профессиями, включая юристов, медиков, психиатров, ученых и гуманитариев. Пожалуйста, свяжитесь с нами. Здесь, в США, ты можешь быть чрезвычайно полезными расширять Права Человека в духе Хельсинки". И в чисто американском стиле: "Хорошо бы сделать удачную радиопередачу или очерки в газетах, это даст нам возможность в своей стране сказать, что у нас в СССР замечательный родственник. Только нашего поколения существует более 40 преуспевающих Подрабинеков".

Занятное, до глупости наивное послание. И ведь какой размах, поистине американский, сотни долларов не пожалел Даниэль Робисон из Нью-Джерси на телеграммку! Знал бы он, как относится "чудесный родственник из СССР" к идее "быть чрезвычайно полезным и расширять права человека в духе Хельсинки" за пределами своей страны! Саша хмуро отбросил телеграмму и на вопрос, будет ли отвечать, пожав плечами, разрешил мне поступить по моему усмотрению, такой ерундой ему заниматься некогда.

Приходят телеграммы и от Эммануэля, Леонарда, Джойс, Морриса, Роберта Робисонов, от Джонатана Робисон-Подрабинек-Броди, увещанного фамилиями как испанский гранд именами, от Бетти Робисон-Мюллер, Говарда Кана, Джона Фелстинера. Особенно трогательны две телеграммы.

"Пожалуйста, приезжайте и дайте нам всем возможность познакомиться друг с другом, может быть, как родственники и уже наверняка как люди", пишет Бетти.

Что же, ее чаяния сбылись. Несколько спустя из письма одного из Робисонов мы узнаем, что в честь своих родственников в СССР человек 200 клана съехались в Вашингтон, где лучше узнали друг друга и устроили посвященную нам маленькую семейную демонстрацию перед Капитолием. Поистине, красиво жить не запретишь!

А вот другая: "Желание выжить действительно сильно, но желание служить другим может быть еще сильнее. Я приглашаю Вас, дорогой друг, и родственников приехать в Америку, где Ваша свобода даст Вам неограниченные возможности служить всему человечеству. Контакт — с Даниэлем Робисоном. Моррис Робисон, бакалавр". Думал было ответить: "Дорогой Моррис! При неограниченных возможностях и стараться незачем. Приезжайте служить человечеству к нам и лучше поймете коллизию между желанием "выжить и служить другим. Бакалавр Пинхос". Да вот, денег нет на телеграмму и цензура не пропустит.

* Робисон — сын раввина, Подрабинек нечто подобное.

Была даже телеграмма на испанском от профессора Аниты Робисон-Фальк, которую я себе немедленно вообразил хорошенькой и с гитарой.

По мере накопления телеграмм Кирилл их передавал Саше, тот оставался к ним равнодушен, а я, считаясь с долгом вежливости, отгрохал общую ответную телеграмму, изрядно облепив свой карман. Ответа я на нее не получил, КГБ позаботилось, чтобы она до родственников не дошла. Оттуда сюда, пожалуйста, чтобы стимулировать наш отъезд: — Езжайте, не бойтесь, с такой кучей родственников не пропадете! — Отсюда туда ни-ни, снюхаетесь, начнете организовывать комитеты. —

Гростите, далекие симпатичные друзья, не сочтите грубиянами, будем общаться письмами, они хоть дольше идут, но дешевле и, бывает, доходят, если убрать, конечно, нецензурные, нехорошие слова, всякие там "свобода", "права человека" и пр.

В один из последних дней декабря, кажется, заходит к нам Люба. На имя Кирилла пришла повестка из городского управления милиции.

— Не застали меня дома, приходили снова и снова, пока не вручили.

— Машины, топтуны были?

— Нет, ничего такого —

Кирилл в Москве, даю ему знать. Приезжает, обсуждаем и приходим к выводу, что нужно идти. А что еще делать, опять "скрываться"? Не пойдешь добровольно, приведут, себе дорожке. Кирилл спокойно отправляется домой, получает повторную повестку и на следующий день отправляется в милицию. Знакомится со следователем Рацыгиным, который составляет первый протокол допроса и вручает ему подписку о невыезде. Тут же появляется Белов, не поленившийся приехать из Москвы. Он стоит в сторонке и приглашает Кирилла подойти.

— Что, разрешен отъезд? — шутит Кирилл.

— Какой же отъезд, когда начато расследование уголовного дела. Впрочем, — добавляет Белов, садясь в свою черную "Волгу", — уговорите брата уехать, и наше соглашение остается в силе. Срок — три дня.

Кирилл тоже едет в Москву, но не один, он тоже обзавелся машинизированной охраной. Встречается с друзьями и Сашей. Пока братья беседуют, их топтуны знакомятся, совсем как лакеи знатных господ. Играют в снежки, охрана на охрану, отставив цвета своих вельможных подопечных. В тот же день Кирилл возвращается в Электросталь и приглашает меня на пресс, который, наконец, состоится 26-го.

Он опять тревожно возбужден и вместе с тем в какой-то мере удовлетворен, гебисты уголовников не пасут! Тешься, сын, скоро знаки различия с тебя сорвут, и дай Бог, чтобы воспоминания о них согрели тебя в заключении.

На предполагаемом прессе малолюдно, шесть—семь человек молодежи, но не по—молодому их, какая—то неловкость. Это я ее принес с собой, я, противник доблести и славы, трусоватый отец, портящий великопепный сценарий посадки двоих отважных сыновей.

Юра Грим, хозяин квартиры, старается разрядить. Усаживает всех за стол, предлагает закуски, вина. Ему подыгрывает Альбина Якорева. Я слышал о ней, но вижу впервые. Большая, рыхлая, жестоко—близорукая, она без очков ничего не видит, выглядит старше своих двадцати лет. Я наслышан о бесстрашии, с которым она пускается в самые рискованные авантюры, Каплушка⁺ так умеет привлекать и пестовать юнцов.

Намеченный час миновал, корров нет. Выходим с Ирой им звонить. Один занят, другой отдумал, третьего не разыскать, псчятно, дело не сенсационное, чего ради на него тратить время. В общем, пресс сорван, Кириллу и в этом отказано.

— Обойдемся без пресса, суть, а конце концов, довести заявление до органов информации, а не в церемониях, — бодрится Ира, и отправляется с Кириллом в обход пресс—центров. Идти с ними отказываюсь, у меня непреодолимая неприязнь к профессионалам от пера и политики. Вам нужно, пожалуйста, приходите, получайте информацию, которой я сочту полезным поделиться, но просителем я не буду.

На следующий день узнаю от Иры, что один из них тотчас повернул, когда увидел сопровождающую их машину. Другой оказался храбрее и принял заявление.

— Вы хотите уехать? — спросил он, не вдаваясь в объяснения. Кирилл, поколебавшись, ответил

— Да! —

На следующий день, 28—го, прямо с работы захожу к нему домой. Встреча без радости, без надежд. Разговор не получается, игра в шахматы не получается. Сидим, молчим. Назавтра — то же. Идет в детский сад за Ильюшей.

В холле просматриваются с одной стороны улица, с другой — двор. Среди топтунов подозрительное оживление. Смотрим с Кириллом друг на друга. Он делает несколько шагов к окну во двор.

— Бесполезно, Кирилл, дом несомненно оцеплен. — Выходим, он с Ильей в сопровождении топтунов идет на почтамт. Он оглядывается, машу ему рукой, он мне. Забирать его будут, когда он отведет Ильюшу домой. Через полчаса, в 7 вечера 29—го декабря 1977 года Кирилл арестован.

Следователь Рацыгин объясняет, впрочем, что это пока не арест, а задержание, Кирилл в КПЗ. Видеться с ним нельзя, передать можно только сигареты.

+ Ира Каплун (прим.ред.).

— Тем более, — добавляет Рацыгин, — что он объявил голодовку —
На работе меня вызывают к телефону. Саша.
— Андрей Дмитриевич просит тебя вечером приехать к нему. —
Мне уже то не нравится, что просьбу Сахарова передает он.
— Чего ради, Кирилл уже сидит. Разговоры опять разговаривать?
— Ты неправ, еще не все потеряно, он только задержан. Хочешь, поедем вместе —
Нас ждут. Татьяна Михайловна, Науи. Мейман, Ира, еще кто-то, не помню.

— Наверное, я должен сказать, как представляю себе случившееся, — и без задержки выпаливаю, что на душе и в мозгах. Не щажу Сашу, осыпаю его упреками. Понимаю, что в доме академика уместна сдержанность, но, черт возьми, я не диссертацию защищаю, а второй день голодающего сына. Не знаю, как далеко бы зашел, но неожиданное обстоятельство остужает мой пыл.

Андрей Дмитриевич сидит, прикрыв лицо рукой, признак сосредоточенности, как я мельком подумал. Вдруг, еще раз взглянув, замечаю, что между большим и указательным пальцами выглядывает его глаз. Он внимательно, со спокойным любопытством меня разглядывает. Продолжаю говорить, но возвращаюсь к этому взирающему на меня без всякого смущения одинокому глазу, отвлекаюсь этой странностью и вскоре умолкаю.

Бывает, много слышано человеку, его словах, поступках, и вдруг мелочь раскрывает его перед тобой полнее, чем долгое знакомство. Мое с Андреем Дмитриевичем самое поверхностное. Как всем, разумеется, мне известна его правозащитная деятельность, но в отличие от многих, если не большинства, единомышленников, я от него не в восторге и чем дальше, тем меньше он мне нравится, и потому не ищу сближения с ним. Но об этом ниже, не хочу сбиваться с темы, речь о задумчиво уставившемся на меня глазе.

Все мы не прочь украдкой отметить выражение чьего-либо лица, но застигнутые врасплох отводим взор, словно провинились. Только малые дети нестеснительно разглядывают лица, и эта непосредственность у взрослого меня подкупает, хотя необычностью сбивает с толку.

Саша кратко повторяет свои аргументы. С большим достоинством игнорирует мои нападки и выглядит как отец, дающий сыну предметный урок выдержки.

— Не понимаю, — говорит Елена Георгиевна, — никогда не понимала и не пойму такую позицию. Мы прилагаем массу усилий, большей частью бесплодных, чтобы выволить из заключения людей, а вот появляется возможность предупредить посадку и — не воспользоваться ею! — Она говорит медленно, словно размышляя вслух

— И потом, — продолжает она, — мы что, по-большевистски смело в бой идем и как один умрем?

— Знаем, Елена Георгиевна, Вы бы всех спровадили на Запад! — вставляет Саша.

— Верно, всех бы прогнала, — смеется она. — Ты напрасно ждешь поддержки Запада, Саша, он тебя не поймет, я тоже —

Елену Георгиевну Боннер я недолюбливаю. Ее важные манеры, снисходительно уверенный тон скрывают, мне думается, скудость мышления. Для меня она только жена Сахарова, и я удивлен значению, которое ей придают в Хельсинской группе. То, что она сказала с таким апломбом, цинично и за тридевять земель от проблемы, которую он действительно не понимает и не поймет.

"Всех на Запад" как цель Демократического Движения?! Она явно путает ее с собственной, а взаимопонимание с Западом мне представляется образцом холуйства.

— Вы, Саша, словно выбираете, между тем выбора у Вас нет, отъезд единственно достойный Вас выход, — говорит Андрей Дмитриевич с определенностью бесспорной мысли. — Он, очевидно, приписывает упрямство Саше недоразумению, которое рассеется.

— Совершенно неважно, что Кирилл, которого я, кстати, не знаю, не просит Вас уехать. Вы обращаете внимание на несущественное и отвлекаетесь от сути проблемы. Она в том, что как человек нравственный, Вы теперь обязаны согласиться на отъезд.

— Почему "теперь"? — спрашивает Саша.

— Потому, что связали себя заключительными словами своего заявления. Помните? "Если Кирилл меня попросит, я уеду", писали Вы. Пока брат колебался, можно еще было медлить, но поскольку теперь он определенно хочет ехать, Вам невозможно оставаться, дожидаясь его просьбы к Вам. —

Саша мрачнеет, аргументация Сахарова ему не нравится.

— Почему же, Андрей Дмитриевич. Вы согласились с моим заявлением, когда я Вам его зачитал перед пресс-конференцией? —

Какой нахал! Да потому, что этих заключительных слов ты ему не зачитал перед пресс-конференцией. Он и предположить не может различия между письменным и устным текстами и потому не обратил на него внимания. У меня язык не поворачивается выдать Сашу, не могу допустить для сына позора мелкого жулика, Андрею Дмитриевичу придется самому находить объяснение.

— Ваше заявление и тогда не понравилось, но мне казалось, решение полностью согласовано в семейном кругу. Теперь я в этом сильно сомневаюсь. —

Саша немного медлит, затем спрашивает

— Андрей Дмитриевич, к Вам обращались люди, которые, выйдя от Вас, не возвращались домой, они исчезали, возможно, умерщвлялись. Разве это мешает Вам продолжать свою деятельность?

Ошеломительной дерзости удар. Ждем, затаив дыхание. Жестокий вопрос, насколько не оправдывая Сашу, ставит под сомнение моральное право Сахарова судить об его нравственности.

— О, Саша, на сильные же ты способен приемы! — думаю я.

Андрей Дмитриевич взволнован, он тоже такого не ожидал.

— Саша, мне больно это объяснять. Когда я понял, что могу невольно быть причиной несчастий, то категорически отказался от посещения незнакомых людей. Это Вам известно.

— Вас шантажировали внуком, Андрей Дмитриевич, это же Вас не остановило.

— Я выпроводил его, Саша, это Вам тоже известно.

— А если бы потребовали Вашего отъезда, взяв внука заложником?

— Ни минуты не раздумывая, уехал бы —

После всего сказанного трудно оставаться на своем, тем не менее Саша говорит

— Я остаюсь.

Напрасно Мейман взывает к логике, выстраивая ряды и блоки доказательств.

— Неужели Вы не видите, что все доводы разбиваются об его эгоизм, — выходит из терпения Ира, — ему вскружила голову слава, и он от нее не откажется!

— Я знаю, как тебя манит Запад, ты без оглядки бы туда помчалась,—

У Иры от обиды розовеют ноздри и глаза, она вскакивает и будто хочет ударить нахала, и тот будто пугается и заспоняет рукой лицо, я будто удерживаю занесенную Ирой руку.

— Не знаю, Саша, как Вы сможете жить, — говорит Андрей Дмитриевич, — если с Кириллом случится несчастье, Вам останется только в петлю влезть!

— Саша прав! — Поворачиваюсь на голос Татьяны Михайловны. — Кирилл не ребенок, он знал, на что идет, и нам незачем за него домысливать. Я лично благодарна Саше за его решение. — На этом расходимся.

Иду к Спартакам, ищем возможности помочь Кириллу. Прошу Иру составить протест против его ареста, соберем, как водится, под ним подписи. Проку мало, но ничего другого не остается.

Еду домой, нужно ему передать сигареты, узнать, как он там. Сигареты принимают, говорят, продолжает голодовку, от теплых вещей отказывается. На следующий день то же, в первый день нового года — то же. А вечером узнаем, что нам врал, Кирилл не в КПЗ, его перевели в

городскую больницу: что-то с сердцем. Он только что, в минувшем году, лежал в ней с миокардитом, последнее время плохо себя чувствовал, голодовка и холод в КПЗ его доконали.

Пока Лидия Алексеевна прощупывает обстановку в больнице, проделяваю то же за ее стенами. Вспоминаю расположение палат. Ну да, вот эти крайние, одна над другой по этажам, это бельевые кладовки, соседние — изоляторы, не в общую же палату его поместили!

Крикнуть ему? Взбаламучу народ. Забраться по водосточной трубе на один балкон, на другой, третий? А дальше? Прыгать на виду, дотягиваясь до окон? Спокойнее, хорошенько подумаем. По всей вероятности, он в терапевтическом отделении, на втором этаже. Снимаю пальто, бросаю плотный комок снега, попадаю в окно кладовки. Оглядываюсь — никто не заметил? Повторяю попытку. Есть, попал! Как чертик из коробки, над подоконником подсказывает Кирилл. Приветствую друг друга, пожимая собственные руки, затем он тычет себе пальцем в рот и качает головой. Не ем, мол, голодаю. Мотаю своей, но не поворотами, а наклоном от одного плеча к другому, ай-ай-ай, плохо делаешь, брось! Потом накидываю на себя пальто и под прикрытием куста пытаюсь объясняться с ним известной азбукой пальцев. Оно бы и пошло, но он их не различает в моей темноте, находясь на свету, сам подает знаки, путается, и я ничего не могу понять. Приглашаю его ладонью успокоиться, но тут кто-то возникает рядом со мной, и я убираюсь. Ничего, контакт налажен, завтра приду с фонарем, побеседуем по азбуке Кропоткина. Теперь, если он захочет, постараюсь ему устроить побег.

Как потом выяснилось, весь следующий день он проторчал у окна. Рехнулся, что ли, стану я на виду честного народа конспирировать! Вечером, едва снежок хлопнулся о стекло, над подоконником появляются двое, Кирилл и страж, оттаскивающий его от окна. Все, побег провалился, замысел удушен в зародыше собственными руками!

Лидия Алексеевна узнала, что голодовку он продолжает, от лекарств отказывается, его сторожат круглосуточно, даже врач его осматривает под их бдительным надзором. В больнице распространяется слух, что Кирилл крупный шпион.

На следующий день на всякий случай бросаю снежок, неспешно высовывается большая лысина, потом усы. У Рацыгина узнаю, что Кирилл переведен в Москву, на Матросскую Тишину, где его будут насильственно кормить и лечить предынфарктное состояние.

Матросская Тишина. Как странно возвращение на круги своя. Сорок лет назад мы приходили сюда с мамой узнавать о судьбе отца. Выставали в мороз длинные очереди родных: «рагов народа», чтобы услышать в окошко: "Нет" и "Зайдите через месяц". — Опять зима, и я снова здесь. Как в больном бреду повисло над Россией остановившееся время, пожирая поколения за поколением отцов, сыновей. Впрочем, есть и перемены, тогда камни мостовой гулко внимали шагам невесты откуда

явившихся и неведомо куда исчезающих призраков, сейчас они забраны асфальтом, кругом тюрьмы застройки, и она прячется среди них как скромная особа без претензий.

Заботу о передачах Кириллу берут Сусанна и Люда, а мы с Ирой начинаем сбор подписей. Это неспорное дело, Ира больна, ее лихорадит, она осунулась, ей бы лежать на полученном больничном, но она, пересиливая, ходит, ездит, и мы разговариваем, разговариваем с людьми, потому что ведь надо объяснять, в чем суть необычного заявления. Не помню его подробностей, в памяти осталось лишь, что оно прямое изложение фактов, краткая аннотация истории одного заложничества. Пока она была изустной, она ни к чему не обязывала, каждому было вольно ее размазывать, сдобривать, подслащать. На бумаге она сурово глядит в глаза, и многие перья, готовые опуститься, нерешительно замирают, так и не оставив следа в виде подписи.

Круг знакомых правозащитников ранее медленнее у меня расширялся, я не искал новых лиц. В эти дни охоты за подписями мне пришлось встречаться со множеством новых, Ира хорошо знала правозащитную Москву. Предложенное заявление иногда подписывалось или отклонялось с ходу, но большей частью приходилось объясняться. Я избегал полемики, но, отвечая на вопросы, поневоле втягивался в нее, приходилось много говорить. Что делать, взял авансом недельный отпуск, авось справлюсь с разговорами.

Колесания, как я понял, большей частью вызывались опасениями оказаться в меньшинстве, по ту сторону мнения авторитетов. Люди, без оглядки подписывающие резкие протесты властям, не осмеливались самостоятельно решить вопрос предельной, на мой взгляд, ясности. Конечно, было выгодным сначала заручиться подписями хоть нескольких известных правозащитников, но мне претила эта мысль, и мы придерживались адресного удобства. Отказ часто аргументировался нежеланием нарушить единство Движения, разбивки на Монтеки и Капулетти, по словам Кирилла. — Мы недостаточно сильны, чтобы позволить себе роскошь раскола, — иначе говоря, — я мысленно с Вами, но подписываться под своим мнением не буду.—

— Но не о нравственности ли мы постоянно толкуем, как основе нашего единения? Чего же стоят заверения, если конкретный вопрос этики упирается в сомнения политического свойства? — недоумеваю я.

Арина Сергеевна Гинзбург решительно откладывает ручку.

— Не могу, что-то не так, — она перечитывает заявление, пробует придраться к одному, другому, но понимает, что не к чему. Ее гнетет факт, любимец Саша не едет, а Кирилл сидит, и потому она расстроена.

— Я должна с ним еще поговорить! —

Кое-кто предлагает расширить заявление, изложить его во всех подробностях.

— Тогда оно будет с книгой, — отвечаю я, и у меня зарождается мысль о ней.

Заезжаем к Зиновьеву. Особой надобности нет, он коллективных заявлений не подписывает, но хочется знать мнение автора знаменитых "Зияющих высот".

Александр Александрович принимает ванну, нас занимают его жена, изящная молодая женщина, и дочь пяти лет. Из ванны врывается в разговор фырканье и плеск воды, словно там купается морж. Александр Александрович выйти не торопится, зато появляется в роскошном домашнем халате. Он выглядит гораздо моложе своих лет. — Я тоже, когда помоюсь, — утешаюсь я.

Игра с ним знакома и представляет нас, Лидию Алексеевну и меня. Просим его высказаться.

— Я думаю, завершается период значительный и плодотворный, но как все на свете, имеющий конец. Нынешняя форма Демократического Движения себя пережила и разумно не упорствовать, а по возможности сберечь силы. Их не так много, и каждая жизнь драгоценна. Это, если хотите, логический подход к вопросу.

— А нравственный? — спрашиваю.

— Он совпадает с логическим. Для меня несомненно, что поступок Александра аморален, так как бесцелен. — Я настолько ошеломлен словами мэтра, что вырубаясь из разговора.

Конечно, нравственность со временем меняет формы, но чтобы так, в зависимости от текущей обстановки, это вовсе не признавать ее, в лучшем случае, ее приоритета. — Ты еще циничнее своих блестящих произведений, — неприязненно думаю.

Он же, между тем, развивает систему эшелонированного отступления. — Небось, наострился на Запад, — приходит в голову, — вот откуда твои сиюминутные убеждения, — продолжаю мысленно шпынять его. Я не ошибся, он вскоре отвалил в Западную Германию.

— Я сам по себе, — объясняет он. — Когда капитан Солженицын обслуживался денщиком, я уже был знаком с Лубянкой, неприятности не обходили меня и в дальнейшем, так что, видите, я практически доказал свою позицию правозащитника. Слабые связи дают мне духовную свободу, я не теряю скованности и хорошо себя чувствую одиноким. — Опять собственная свобода, сиречь, своеволие, а справедливость?

Иначе складывается с Георгием Николаевичем Владимовым. У этого человека, видимо, неистощимое терпение. Когда я звоню ему от Спартаков, на кухне обычный гвалт, и, сбиваясь, кричу в трубку, что его хочет видеть сын Александра Подрабинек. Раздавшийся хохот мешает мне расслышать ответ, прошу в трубку заткнуться, что, понятно, усиливает общее веселье, и я разражаюсь бранью все так же в трубку. Владимов вежливо молчит. Когда, наконец, водворяется тишина, объясняю ему инцидент и прошу меня принять, на что получаю любезное приглашение.

Нам пришлось с Ирой трижды менять день встречи и всякий раз мы получали вежливое согласие. Прихожу к нему один, Ира окончательно выбилась из сил.

Я читал "Три минуты молчания" и "Верного Руслана", книги превосходные, что и высказываю Георгию Николаевичу.

— Не знаю, кем Вы себя считаете, но по-моему Вы убежденный романтик — До сих пор не знаю, разделяет ли он мой взгляд, но горячность тона не могла не прийтись ему по вкусу. Внешность романтика меня, напротив, разочаровала, простое мужицкое лицо, сырой кладки нос, далекий от героики, к тому же, большое, во всю щеку, родимое пятно.

Понадобилось время, чтобы оно перестало заслонять писателя и человека.

Георгий Николаевич прочитал заявление, тут же его подписал и не успел и заикнуться, как он вызвался помочь в сборе подписей. Прощаясь, сказал, что ему хотелось бы поговорить с Сашей. Пожелание застаёт меня врасплох, очень не хочется сейчас встречаться с сыном, тем более о чем-то просить, но обещаю, и обещание выполняю. Навестив Арину Сергеевну по ее звонку, застаю у нее Сашу. Выслушиваю двухчасовой разговор, не вмешиваясь в него, пока он не доходит до предложения Саши просить у Белова свидания с Кириллом. Пусть он, наконец, скажет, хочет он сидеть или ехать. Упорство, с которым Саша отстаивает, что это ему неизвестно, меня обескураживает, не могу я доказывать, что черное не белое, а черное.

— Хватит трепать Кириллу нервы бесплодными разговорами, ехать он хочет, но просить тебя об этом не будет.

— Почему?

— Боюсь, это тонкость выше твоего понимания.

— А все-таки?

— Он считает, что ты должен предложить отъезд по собственной воле, без его просьбы.

— Тогда повидайся ты с ним.

— Незачем, мне его точка зрения ясна, а для тебя она, видишь, не пробивается. —

Наконец, соглашаюсь на письмо Кириллу. Пишу его, преодолевая внутреннее сопротивление. Нелепо запрашивать Кирилла о том, что мне, да и всем, известно, кроме Саши. Противно, что он не верит мне на слово и, не смущаясь, дает это понять. Постыдно, что он знает, но звать не хочет истину и вовлекает нас в бумажное крючкотворство. После нескольких попыток получается записка.

"Дорогой Кирилл,

Саша осознал, наконец, что поступил по отношению к тебе эгоистично, не считаясь с остальными.

Я хочу и прошу тебя уехать, считая это единственным разумным и человеческим выходом из нашего положения.

Учти, что ты ничего не просишь от Саши, но просто соглашаешься на отъезд. Твое мнение и желание? Но, пожалуйста, четко.

Папа. 9. 1. 78"

Безобразно и по форме, и по содержанию, но ничего лучшего я из себя выдавить не могу, и это последняя уступка Саше. Получим ответ "Ехать хочу", и вопрос будет решен.

На следующий день едем к Белову, у которого Саша испросил аудиенцию. Тот же кабинет, Белов любезен и тверд.

— Мы хотели бы получить свидание с Кириллом, — начинает Саша. Что это он, мы же договорились свидания не просить, он со мной обращается как с неразумным ребенком, которого приходится обманывать для его собственного счастья.

— К сожалению, это невозможно, мы не можем вмешиваться в порядки Прокуратуры. — Бедное КГБ, такое беспомощное... Саша настаивает, Белов отказывается. Саша, понятно, из упрямства, но Белов — почему не соглашается, это же пустяк. Неужели тоже из мелкого самолюбия? Он мне казался умнее.

Пройдет немало времени, пока я пойму, что глупы не эти двое, а я сам, скучливо слушающий пустое, как мне кажется, препирательство.

— Простите, — прерываю их, — у меня к Вам просьба. — Белов поворачивается ко мне, весь внимание и предупредительность.

— Знаете, есть такой завет у диссидентов: Не верь, не бойся, не проси! — Он сдержанно, немного криво улыбается.

— Так вот, я его нарушу. Прошу передать Кириллу эту записку. Она отражает мою позицию, Вам известна ведь моя позиция? — Он не отрицает, еще бы, ему известно, что я знаю, что он знает.

— Записка соответствует и Вашим чаяниям, так что возражений, полагаю, не будет.

— Мы обдумаем Вашу просьбу, позвоните дня через три, я дам Вам ответ. —

Странно, почему не тотчас? Торопил с выездом, назначал обидно короткие сроки, а теперь, когда исполняется его желание, медлит, оттягивает. Мне бы спросить себя. — А действительно, он еще желает нашего совместного выезда? — И я понял бы то, что Саше ясно, а мне невдомек. Вопрос не приходит мне в голову, настолько она проросла идеей заложенничества.

— Ты, папа, простодушен, — недавно обрадовал меня Саша. Сомнительный комплимент, у меня та простота, что хуже воровства, родная сестра глупости.

— Еще одна просьба, начнешь просить, так трудно остановиться. У меня воспитанник, я тревожусь за его судьбу, отпустите его со мной.

— Кто таков? — Мы продумали со Спартакми мое ходатайство и все-таки я с запинкой отвечаю

— Александр Соболев.

— Хорошо, ответ получите тогда же. А теперь вот что. Вы подаете заявления в ОБИР...

— Я уже подавал.
— Вы оба подаете заявления в ОВИР, получаете разрешение и в считанные дни все улетаете.
— Где гарантия, что с нами улетает Кирилл?
— Вы получаете его визу на руки.
— Как он получил разрешение?
— Получил. Едете с его визой на аэродром, куда из изолятора будет доставлен и он.

Неплохой план. Вижу нас всех на аэродроме в нетерпеливом ожидании Кирилла. А, вот и он. Выходит из "воронки", изумленно оглядывается, не веря своим глазам, ему не сказали, куда везут. Наконец, понимает, пошатываясь с голодухи, спешит нам навстречу, в общем, картина счастливого исхода. Ее обрывает сухой голос Саши.

— Сначала получаем согласие Кирилла, потом я подаю заявление!
— Вы, Александр, в три дня оформляете документы, а мы за это время решаем вопрос о письме!

— Но если Кирилл не хочет ехать?
— Как же не хочет, он подал заявление и получил разрешение.
— Сначала ответ, потом оформление!
— Сначала оформление, потом записка, перестаньте играть!
— Я с Вами не играю. Если Кирилл даст письменное согласие, я уеду. Оформить документы можно за день, за два часа. Это мое окончательное, последнее слово!

— Вы свободны, — повелительным жестом Белов указывает на дверь.

Иду к Спартакам, Саша к своим друзьям.

Обсуждаем беседу с Бельвым, вертимся у очевидной истины и не можем ее осмыслить. Друзья, как и я, проникнуты идеей запознания, спор о том, что раньше, оформление или письмо, представляется нам несущественной деталью. Отмахнувшись от нее, мы безнадежно отдаляемся от сути дела и теряемся в догадках, которые невозможно разрешить потому, что они надуманны. Истина же проста, но как уже сказано, я лишь много спустя до нее добрался.

Думаю, первоначальным намерением Белова действительно было выставить нас всех за пределы страны. С посадкой Кирилла план его изменился, ему пришла счастливая мысль оставить Кирилла за решеткой, а нас с Сашей спровадить на Запад. Покричите там, братцы, и успокойтесь, а нет, вздумаете всерьез нас тревожить, Кирилл в наших руках, так стиснем, что придется одуматься.

Белова можно понять. Битый месяц бьется с тремя паршивцами и не может с ними справиться. Нарекания начальства, язвительные замечания коллег, приостановка блестящей карьеры, которой он, уравновешенный, сметливый гэбист, вполне достоин. Задача в том, чтобы удачно их обмануть. Отца, доверчивую курицу, нетрудно, но эта язва, Александр, пугает карты.

— Сначала письмо, потом визы, — требует он, а это значит: очередной их пресс, демонстрация письменного согласия Кирилла на отъезд, доведенное до сведения мировой общественности, и необходимость выполнять взятое обязательство. Это то, собственно, что первоначально намечалось, но теперь Белову этого мало; чтобы обелить себя, ему нужно более значительное достижение, и жидется оно на формуле "Сначала визы, потом письмо". В этом случае двух с домочадцами сажаем в самолет, хотя бы и насильно, инцидент нетрудно замаять, и прощай, расстрелятый Александр, поди доказывай, что не удрал, оставив брата гнить на Родине!

Думаю, Саша раскусил Белова и потому не поддался на его провокацию под видом упрямства. Но почему он меня не предостерег, почему за все минувшие годы не обмолвился об этом? Никогда его не спрашивал; возможно, когда он прочтет эти строки, мы объяснимся. Моя версия его размышлений такова:

При папиной склонности советоваться с друзьями нет твердой уверенности, что он сохранит вверенную ему информацию в тайне. Она может дойти до ушей Белова, и тот придумает иную, еще более подлую каверзу. Пусть остается в неведении о моей проницательности и приписывает мне ослиное упрямство. Конечно, папа может клюнуть на его удочку и проглотить наживку, но до тех пор, пока я вожу Белова за нос, ситуация не осложнится. Папа, конечно, негодует, но лишь потому, что не разобрался в ней и продолжает думать, что я топлю Кирилла. Пусть, моя совесть чиста, я сделал попытку поступиться своими принципами, она едва не привела к более страшным последствиям. Игры с КГБ опасны, когда-нибудь поймет и папа, до тех пор — молчание.

Ничего подобного, повторяю, мне тогда в голову не приходило, между тем, сашины прогнозы об удочке и наживке уже через несколько часов сбились (если моя версия верна).

Мы в этот вечер долго возимся с продуктовой посылкой, едем с Сусанной в тюрьму, делаем передачу и лишь поздно вечером мы с Лидией Алексеевной возвращаемся домой, в Электросталь.

— Смотри, — говорит она, — какая прекрасная машина перед дирекцией завода, — не иначе, министр приехал. —

Рассеянно подтверждаю, в автомобилях до сих пор не разбираюсь. Только добрались домой, разделись, звонок

— Кто там?

— Белов.

— Открывать? — спрашивает жена.

— Конечно, — отвечаю из туалета.

Недели три назад я познакомился с Юрой Беловым, однофамильцем нашего гэбиста. Его выпустили из Красноярской психушки, я пригласил его погостить у нас. Лида открывает, и заходит... Белов,

начальник отдела КГБ, с которым я недавно расстался на Лубянке. Ночью (уже первый час!), что случилось?

He раздеваясь, он проходит на кухню, садится за стол, закуривает мою "столичную", мы тоже садимся, закуриваем, ну впрямь дорогой родственник, какие церемонии.

— Пинхос Абрамович, с запиской ничего не выйдет, нам нужно самим решать свои дела. —

Ого, ты явно встревожен, с чего бы? Эта спешка, это "нам", непринужденные манеры, тон, фантастика! Он живет нашими интересами, у нас общая цель, еще немного, и я могу просить у КГБ жалованье. Неприятный холодок пробегает по спине, и я должен сделать усилие, чтобы отгородиться от его навязчивой близости. — Полно, что за ездор, — говорю я себе, — цель у нас общая, но мотивы — то разные. Ты, подлец, нас шантажируешь, мы, твои жертвы, вынуждены с тобой считаться, вот ты и расселся по-домашнему, в душу лезешь, в друзья набиваешься. Нет, с зарплатой подождем. только бы не сорваться, не переступить ненароком грань... или уже переступил? Не попросить ли тебя выйти вон? — Но он такой свойский и самоуверенный, и потом, я же его впустил, пусть по ошибке, приняв за другого Белова, пусть выговорится.

— Вам необходимо уговорить Александра уехать, через два-три дня будет поздно, необратимо поздно, не сегодня, завтра Кириллу предъявят обвинение, и я буду бессилён помочь. Поэтому я и приехал к Вам.

— Хорошо, завтра я буду в Москве и скажу Саше о Ваших опасениях, но уверяю Вас, это бесполезно, помните его последнее слово?

— Завтра может оказаться поздно, — в голосе неподдельная тревога, разумеется, за себя, видно, нагоняй получил. —

— Совсе бесполезно, Александр уже многое понял, его можно убедить, уверяю Вас. — Понятно, куешь железо, пока горячо, первый шаг мы сделали. просили передать письмо, значит, надломлен Саша, надо добивать.

— Вы плохо знаете Сашу. Слово, данному мне, он еще может изменить, данному Вам — никогда. Зря Вы ему отказали в передаче письма. В сущности безделица, но он оскорблен и на этом точка. Впрочем, завтра уже наступило, утром поеду.

— Пожалуйста, сейчас! — Что он, рехнулся?

— Электрички не ходят, летать не умею, к марафонскому бегу не расположен.

— Что Вы, разве я.. моя машина к Вашим услугам. — Он мне надоел, не могу от него отвязаться, с утра все равно в Москву.

— Хорошо, везите. — Жена поспешно одевается.

— А ты куда?

— И я с вами, можно? — Разве она упустит случай прокатиться на легковой машине, да еще ночью, да еще при таких интересных обстоятельствах.

— Конечно, — соглашается Белов, и вот мы уже глотаем километры. Стрелка спидометра на 100–110, черная машина, та самая, что стояла у дирекции, злобно рвется вперед, едва замедляя ход у красных светофоров. Лидия Алексеевна ушла в быструю езду, а я смотрю в затылок Белова и с удивлением думаю, что не чувствую к нему ненависти и не желаю ему, к примеру, свернуть себе шею на крутом повороте.

— Он мерзавец, презренный шантажист, — подогреваю я себя и напрягая воображение, заставляю его шею вывернуться, но едва расслабляюсь, она вскакивает на место. Есть люди, которым я охотно набил бы морду, а ему вот не хочется, хотя он причинил мне больше зла, чем все они вместе. Или мы с ним действительно породнились в треволнениях, и он стал "моим" мерзавцем? Черт его знает, загадка. Промелькнула Балашиха, Москва, доехали за 50 минут.

— Мне на Дзержинку, Вам куда?

— Сами знаете, на Щербаковку. — Машина делает крюк и высаживает нас неподалеку от знакомого дома. Два толпуна, зашедших в подъезд погреться, встречают нас удивленно. В самом деле, два часа ночи.

— Саша дома? — спрашиваю и давяю кнопку звонка.

Разумеется, разговора не получается. Я, собственно, и не настаиваю, приехал больше выполнить долг. Видимся после того редко, не о чем говорить. Думаю, внутреннего покоя у него нет, и тяготит свобода, на которую его обрекла хитроумная ГБ — грубая слежка снята, за ним присматривают на расстоянии. Можно жить, даже что-то успеть сделать до посадки, а она неминуема и, скорее всего, близка.

Я очень устал, нервное напряжение этого злополучного месяца меня вымотало. Все чаще томилو желание конца, какого бы ни было, но избавления, наконец, от безостановочной пытки, в которую я с сыновьями был втянут. А когда кончилась суета, переговоры, попытки уладить, разом навалившаяся пустота ударила едва ли не сильнее, слишком резок переход к бездействию.

Недели две восстанавливал день за днем минувшие события, впечатления, стараясь разобраться в них. Так появилась "История одного заложничества", горькая, колючая повесть, исполненная страсти и лишенная малейших художественных достоинств. Отпечатал ее в трех машинописных экземплярах, один вручил Саше, другой оставил на хранение Спартакам. Надписал ее "Спартакам посвящаю с благодарностью. Без права размножения и передачи. При обыске сжечь и проглотить. Подпись".

— Твоя писанина останется, а мне некогда ее опровергать, — бросил мне Саша.

Дал прочитать Татьяне Михайловне. Ее мнением я дорожил больше, чем чьим-либо другим. Она человек высокой честности и предельной правдивости.

— Написана искренне, — сказала она и в этих двух словах было осуждение моей позиции. Я застал у нее сашиных друзей: Славу Бахмина, Юру Ярыма, Иру Гривнину, Таню Осипову, Леонарда Терновского. С "Историей одного заложничества" их видимо, ознакомил Саша. Взяв у Татьяны Михайловны свой экземпляр, я собрался уйти, как они дружно, перебивая друг друга, набросились на меня с обвинениями. Я не успевал отбиваться, каждый спешил нелюдски выложить свое порицание. Громкие выкрики, возмущенные лица моих оппонентов, а пуще злобный тон меня ошарашили. Даже тихо-елейный Леонард Терновский лягался. Корректнее других держался Юра Ярым, но его с лихвой перекрывали трескотные выпады девиц. Ира Гривнина, та едва ли не плевалась. Я не был готов к грызне и после тщетных попыток перевести ее в русло спокойной дискуссии, ретировался.

Перескачу годы. Юра Ярым-Агаев вскоре благополучно эмигрировал в Штаты, откуда защищал репрессированных друзей. Думаю, его осторожный нейтралитет в вопросе "ехать, не ехать" в значительной мере объяснялся уже зревшим, если не созревшим намерением покинуть страну.

Иру Гривнину, несмотря на громогласные усилия сесть за решетку, отправили в ссылку. Вела она себя и тут шумно, однако, утомившись, внезапным вольтом изменила решение, запросила пардону и согласилась эмигрировать. Не говоря уж об отказе от собственного принципа "бесстрашно идти до конца", она ухитрилась свой отъезд сопроводить балаганным эффектом. Тщеславие не позволяло ей покинуть страну тихо, как другие, ей хотелось, наперекор очевидности, превратить отступление в победу. Она долго добивалась визы в Голландию: в Израиль, видите ли, обычная малодушная уступка КГБ, тогда как в Голландию — арьергардный бой. Больше того, она домогалась у сидевших за решеткой друзей согласия представиться за рубежом полномочным лицом Комиссии по злоупотреблению психиатрией, делегатом с деловым заданием. Махинация не удалась, она, как тысячи других, но с меньшим достоинством, отбыла по израильской визе в свою Голландию, где представляла лишь самую себя.

— Как Вы себя чувствуете на свободе? — спросил ее корреспондент, когда она вышла из самолета.

— Я всегда свободна! — возразила Ира.

Таня Осипова мужественно держалась в политическом пермском лагере. Сочувствуя ее тяжелой участи, я был рад, что она на деле следует принципу "идти до конца". Увы, судьба ей уготовила испытание, которого она не выдержала. Муж ее, Ваня Ковалев, в тюрьме сломался, в разрешенной переписке объяснял Тане, что приносит себя в жертву ей и склонял на

уступки КГБ. Она, в свою очередь, заботясь о нем, сострадая ему, вняла его советам. Они вышли с обязательством вести себя смирно. Перед отъездом за границу Саша, только что вышедший из тюрьмы, навестил супругов. На столе лежало открытое письмо Вани, в котором он признавал свое сотрудничество с КГБ в зоне. Представляю себе удар, который получил Саша, Таня была его близкой соратницей, он верил в ее непоколебимость.

Со Славой Бахминым он не только был дружен, он любил его.

— Вот кто мой настоящий брат, — как-то сказал он, уязвив и Кирилла, и меня.

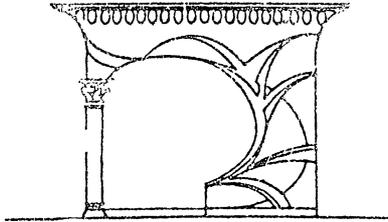
Слава отсидел, как говорится, нормально, без геройства, но и без постыдного малодушия. Однако, по глупости жены, уже на свободе он подтвердил ее обязательство жить спокойной семейной жизнью и трудовой, отстранившись от политической деятельности. Саша с ним порвал, чему предшествовал любопытный эпизод, место которого впереди. Леонард Терновский был одним из первых, внявших призыву Софьи Васильевны Каллистратовой и чете Сахаровых идти во имя самосохранения на уступки, и подписал обязательство той же спокойной жизни, чтобы не схлопотать второй срок. Об этом тоже ниже.

А Кирилл, между тем, преодолев предпосадочный страх, чем дальше, тем больше воевал со своим тюремным начальством, получил второй срок который провел в "крытке" на строгом режиме, показал себя настолько бескомпромиссным, что никому и не пришло в голову предложить ему обязательство, уступки. Он ждал третьего срока, но был выпущен. На свободе он немедленно вернулся к правозащитной деятельности. Отлично вел себя и Саша, оба вышли, в отличие от многих других, без малейшего пятнышка, я ими горжусь, не скрывая ни от себя, ни от них собственных им недостатков.

Братья упрямо отстаивают до сих пор некогда занятые ими позиции. Время смягчило остроту разногласий, былая враждебность исчезла, но, к моему сожалению, они не столь близки между собой, как мне бы хотелось. Рана зажила не первичным натяжением, остался шрам, который, видимо, не исчезнет. Слишком различны они по характеру, будучи в некотором отношении удивительно схожими.

Прошло десять лет со времени истории с заложничеством. Я забрал у Спартаков свою повесть, выбросил из нее то, что не относится непосредственно к сути дела и представляю им эту главу "Заложники".

Продолжение следует.

КОНЕЦ ВЕКА И ТАК ДАЛЕЕ

Ольга Хрусталева

КОНЕЦ ВЕКА

То, что я попытаюсь сказать — оно наверное не будет в академическом смысле докладом. Потому что в последнее время академические формы меня несколько утомляют. Это будет ряд очень простых идей, как бы самоочевидных, которые по ряду обстоятельств и в общем — вполне в пандан к концу века занимают меня, опять — таки, в последнее время, и которые, мне кажется, пора свести воедино.

Самим понятием "конец века" мы обязаны концу прошлого века. Именно тогда оно зазвучало как некое определение. Тогда нашли возможность с его помощью описывать происходящие процессы — не только в культуре, не только в искусстве, но и в жизни вообще. Тогда же они, эти процессы, стали связываться с понятием декаданса. То есть с понятием упадка. Тем не менее, если на секундочку от этого понятия упадка отвлечься (я к нему потом вернусь), то можно сказать — не забегая дальше, но хотя бы на уровне 18-го — 19-го веков, а теперь уже и на рубеже 20-го — 21-го веков — поскольку мы с вами имеем честь пребывать в конце века, и не только в конце века, но и в конце тысячелетия, и не только в конце тысячелетия, но в конце христианской эры, поскольку понятно, что меняется большой зодиакальный круг, созвездие рыб — недолго осталось ждать — сменится водолеем — ну и так далее — можно сказать, что нечто подобное происходит теперь.

По мере того как конец христианской эры наступал, начинали актуализироваться процессы, связанные с "концом века". Но в конце 18 — начале 19 это так не осознавалось. Хотя безусловно можно провести некоторую параллель между тем, что происходило в конце 19-го века (прежде всего в художественной практике и уже потом оно распространилось и на жизнь) — с тем, что происходит сейчас. Во-первых, можно вполне себе — ну, с известными экивоками в сторону академической науки и с допущением в сторону совершенно не академической практики — сказать о том, что середина любого века — от середины 20-х до середины 70-х — представляет собой достаточно вяло текущие процессы. В середине века вы не

найдете трех, четырех крупных течений, середина века будет иметь одно доминирующее, которое определит фактически жизнь или стиль эпохи.

Чем ближе к концу века, тем интенсивнее течения начинают сменять друг друга. Как бы время — если позволить себе эту — вполне не метафору, между прочим — время ускоряется. И ускоряются все процессы, связанные с понятием конца.

Середина века занимается внешними вещами, тем, что находится вне человеческой личности. И в общем она экстравертивна. Но вяла. В то время как в конце века все искусство — ну может быть не все, а то, которое можно считать собственно "искусством конца века" — начинает оборачиваться на себя. То есть все процессы приобретают интровертивный ход, но при этом, парадоксальным образом, эта интровертная система обращена вовне. То есть она начинает свою интровертность очень сильно экстраполировать. Более того. Эта интровертность начинает приобретать форму воздействия на мир.

Я думаю, не надо объяснять высокой аудитории, что такое романтическая концепция или допустим неоромантические тенденции в символизме, или — что нам поближе — неоромантические и неосимволические тенденции в том, что называется новым искусством и соответственно непосредственно связано с нашим концом.

Вот это первая простая вещь, которую я говорю.

Вторая: люди, которые начинают работать на формулу, с которой можно связывать понятие конца века, все крайне молоды.

Собственно говоря, подобного рода течения — обязательно — начинают заявлять себя манифестами, т.е. явственно выраженными теоретическими, идеологическими и художественными программами. Ну, с концом века русским это очень просто выглядит. Если помните — мне самой уже навязший — пример с Брюсовым. Когда Брюсов в 1893 году в дневнике делает знаменитую запись о том, что единственное течение, которое ругают и презируют и т.п. — это декадентство, но ему принадлежит будущее, и вождем этого течения стану я, — говорит Брюсов в 93 году, то ему в этот момент 23 года. Когда Блок и Белый входят в художественную практику (а, собственно говоря, само понятие МЛАДОсимволизма очень

точно отвечает тому, о чем я говорю) начинают интенсивно работать, в этот же момент — годом позже — появляется Вячеслав Иванов, закончивший курс и защитивший диссертацию, фактически выпускник университета, то Блоку и Белому в этот момент 24. И возобновление символизма, вторая волна символизма связана с тем, что приходит новое объединение очень молодых людей. У которых свежая бурлящая кровь, есть еще темперамент выплескивать собственные воззрения на мир и каким-то образом это провозглашать как программу. Более того. Когда Блок и Вячеслав Иванов начинают большую полемику и в частности с Брюсовым по поводу кризиса в символизме, это происходит в 10-х годах, то есть Блоку в этот момент 30 лет. Фактически прошло 6 лет от момента, когда течение вошло в свою высшую стадию, и через 6 лет говорится об абсолютном кризисе течения. То есть весь этот пафос начальный, юношеский, который дается на совершенно быстром течении крови, он успокаивается по естественному возрастному признаку. Кстати сказать, отсюда понятны все перемены, которые происходят с вождями течений.

Третья простая вещь заключается в том, что в конце века, с изменением культурной парадигмы — резко изменяется язык. Ну, прежде всего потому, что до этого он описывал вещи внешние, или направленные вовне, как допустим, просветительство. Или реализм. Но то, что обращено вовнутрь, не может больше разговаривать на продольном языке, на котором пишет середина века.

Большие романы, кстати сказать, пишутся в середине века. Мы очень мало найдем примеров того, что в начале или в конце века пишутся по-настоящему эпохальные романы, способные потом очень долго воздействовать на художественную практику. Они пишутся в середине века, когда есть время для того, чтобы продольно излагать мир. Ну как бы такое... извините за слово, оно считается неприличным, но безоценочно: акынство. В кавычки беру. Вот такое срединновековое акынство, когда мир описывается самим процессом говорения.

На рубеже века мы имеем дело с такой моделью мира, которая соотнесена прежде всего с вертикалью. Особенно когда начинает ощущаться некий кризис религиозного сознания (который безусловно присутствовал на рубеже веков), когда, с одной стороны, возрождаются неохристианские тенденции, пристраивающие новую вертикаль взаимоотношения с существующим богом, но попыткой заново посмотреть на эту

вертикаль. А с другой стороны — культовые вещи. Интерес к сторонним культам, попытка простроить вертикаль через соседние религии. Поэтому и художественное произведение структурируется иначе. Оно мало того что является моделью мира, оно должно являться именно такой моделью мира, при которой обязательно существование различных языковых слоев, описывающих мир как систему слоистую. Не горизонтальную, где все однородно, не перспективную, как в живописи. Она будет строиться (если уж проводить аналогии с изобразительным искусством) — по принципу иконописи. Где есть иерархии расположения. И вот мир находится точно в таком же иерархическом расположении. Соответственным образом меняется и язык. Почему?

Вот когда несколько лет тому назад я начала писать о полистилистике в современной поэзии, в современной прозе, я обнаружила, что о полистилистике можно говорить у кого угодно. Хоть у того же Гофмана. Скажем, Жизнеописание кота Мурра — это один из очень ярких простых примеров, которые все отлично помнят. Более сложная система иерархии и более сложная структура мира будет возникать в конце 19 — в начале 20 века. То есть: когда я уже обратным путем стала смотреть на произведения русских символистов, то я нашла практически все приемы, которые использует современная поэзия и современная проза, вплоть до (я уж думала, что это вообще открытие последних времен) осознанного введения перечисления. Так вот перечисления впервые из очень известных мне конкретных примеров появляются у Сологуба. Просто есть огромный кусок, прозаический, когда у него идет трехстраничное перечисление. И это понятно, потому что происходит информационный сдвиг. Некогда писать подробно. Некогда расшифровывать. Опять же, классический пример из Блока: Ночь, улица, фонарь, аптека. Стихотворение, в котором заложено абсолютно явственное ощущение рубежа 19–20 вв., состоит из двух четверостиший. Поэма Блока, бесконечно растасканная по цитатам — я имею в виду Возмездие — и самое начало, где описывается 19 век — он также записывается через систему перечислений. То есть меняется информационная система. Уже нет времени думать долго. Нужно думать быстро. Это как бы третья простая вещь.

Четвертая простая вещь связана вот с этим самым "упадком". Совершенно очевидно, что это понятие не исходит никогда из того течения, которое оно

описывает. Все внутренние полемики как раз и связаны именно с тем, что люди пытаются откреститься от понятия декаданса. И не потому, что на них навесили ярлык. А потому что это определение дали те, кто продолжает находиться в горизонтальной системе мира. Для них то искусство, которое приходит — есть упадок по отношению к продольному, огромному, эпохальному искусству, существовавшему в середине века.

(Кстати сказать, вот опять — таки. Если это не рассматривать в том смысле, что в начале своей писательской деятельности обычно пишут короткие вещи, а потом доезжают до больших, — одно из самых замечательных произведений Томаса Манна, *Смерть в Венеции*, написанное в 1911 году, являет собой набор и на самом деле описывает еще не языком модерна, но уже с реалиями модерна, присутствующими в этой вещи — модели, описывается конструкция основных проблем рубежа веков. И только доехав до середины века, когда время начинает уже замедляться, начинаются большие романы Томаса Манна.)

Так вот, течение никогда не соотносит себя с понятием упадка и усталости. Наоборот. И что происходит теперь? "Андеграундное искусство", "вторая культура", "неофициальное искусство" — все эти описательные термины приходят со стороны. Из другого лагеря. Лагерь, который начинает определять стиль и дух конца века, называет себя иначе. Он называет себя, например, символисты. Или: новое искусство. Или, ну, понятно. Это не случайно. Ничего не бывает просто так. Особенно в художественной практике. К термину символизм через запятую добавлялось: новое искусство. Я, копаясь в архивах, нашла такую страничку, это тезисы Федора Сологуба к докладу, читанному им в Политехническом институте в 1915 году, доклад назывался "О новом искусстве". Имелось в виду подведение итогов того, что уже происходило как минимум два десятилетия. Я оттуда убрала только два абзаца, связанных с сугубо личными художественными установками Сологуба: с проблемой смерти и т.п. и вот когда я читала эти тезисы людям, представляющим современное новое искусство, они говорили: да, кто это написал? — потому что они воспринимали это совершенно как написанное сейчас. Потому что — и это реальность — заново переживаемый — не упадок, а наоборот, возрождение искусства — — начинает говорить очень похожими тезисами

Новое искусство — никогда не говорит о конце века. Понятие “конец” навязано им сторонней традицией. Сами же они всегда говорят о новом искусстве, об искусстве будущего, об искусстве, которое изменит мир. Не о конце, а каждый раз — о начале.

Ну и наконец последнее, очень связанное с понятием молодости, языка, информации и вот этой вот вертикальной структуры. Рубежные течения всегда предлагают среду.

Если вы вспомните фильм Федерико Феллини “Казанова”, то вот в конце “Казановы” есть отличный почти в эстетике нео-модерна сделанный образ романтика. Если вы помните, когда Казанова в костюме со всеми этими бесконечными украшениями и так далее спускается по лестнице, он как бы выходит в романтическую среду. И это ощущение именно того, что вот там — среда, а здесь вот некий мир, и один из выходцев этого старого мира попадает в среду уже новую. Это молодые люди и девушки, все в черном, которые предъявляют собой некое целое, то есть, прежде всего обращая внимание на личность, они будут тем не менее очень держаться за среду, за ощущение среды.

То же самое будет происходить в конце 19 века, когда в Москве и Петербурге организуются декадентские (символистские) группировки. Критические выпады в сторону реалистического лагеря или еще какого-нибудь, будут гораздо меньше занимать их, чем разборки внутри собственной среды. Потому что внутри среды возникает единый язык. Птичий или не птичий, но тем не менее единый язык. Только твое слово, только слово, произнесенное братом — существенно. Только слово, неправильно произнесенное братом, будет ранить. Отсюда все вот эти бесконечные напряжения внутри очень кратко, очень тесно существующих течений.

И вот, суммируя все сказанное, и имея в виду, что мы находимся в эпохе конца века, позволю себе самоцитату. “И нараспев как мантру повторим: Мы не говорим: конец века. Мы говорим: начало тысячелетия”.

Михаил Трофименков

ВОЙНА КОНЦА ВЕКА

Через шесть лет после конца вьетнамской войны Фрэнсис Форд Coppola снимал на Филиппинах свой знаменитый фильм, получивший впоследствии Золотую Пальмовую Ветвь Каннского фестиваля, "Апокалипсис сегодня". В процессе съемок произошел достаточно символический эпизод. Все боевые вертолеты, которые использовал Coppola для съемок вертолетной атаки (весьма характерный для вьетнамской войны тактический прием), были предоставлены ему филиппинским правительством. Собственно говоря, ему были переданы все вертолеты филиппинской армии. Узнав об этом, коммунистические партизаны, которые действуют там уже много десятилетий, перешли в наступление на столицу Манилу, и Coppole пришлось срочно отдавать все вертолеты, чтобы спасти столицу.

И еще через шесть лет эта вертолетная атака была повторена — уже как симуляция симуляции — в самих Соединенных Штатах. В 1985 году Мадонна праздновала свою свадьбу с киноактером Шоном Пенном. Поскольку точное время и место свадьбы были строго засекречены, журналисты приложили все усилия, чтобы найти тот самый особняк, окруженный парком, где все и происходило. Проникнуть в парк не удалось, и журналисты на вертолетах кружили в воздухе, пытаясь сфотографировать церемонию, а Шон Пенн, включив на полную громкость Вагнера, бегал по парку и стрелял в воздух из пистолета. Таким образом замкнулся круг симуляций.

Но все это — лишь эпиграф к моему выступлению, посвященному тому образу войны, который складывается у современного человека благодаря электронным средствам массовой информации, — на примере репрезентации телевидением войны, революций и восстаний, происходивших за последние четыре года: Персидский залив, экспедиция в Сомали, отчасти балканская война, переворот в Румынии, студенческие выступления в Китае и августовский путч в СССР.

Я не буду говорить о политике, хотя в каждом конкретном случае у меня есть, разумеется, собственные симпатии. Не буду я говорить и о пропаганде, поскольку пропаганды в геббельсовской традиции более не существует. Почему умерла пропаганда? Очевидно, она умерла в связи с появлением непрерывного, круглосуточного репортажа типа CNN.

Классический текст об использовании изображения в целях пропаганды принадлежит Андре Базену. Текст посвящен фильму Фрэнка Капра "Почему мы сражаемся", вернее, целой серии американских пропагандистских фильмов, снятых во время войны по заказу Верховного командования. Нисколько не сомневаясь в честности человеческой, гражданской позиции Капра, тем не менее Базен считал его антифашистские фильмы синонимом самого отвратительного, что было для него в кинематографе — откровенной манипуляции зрительским сознанием, когда последовательности изображения придается структура ораторской речи, когда благодаря умелому монтажу, авторскому комментарию и музыкальному сопровождению зритель видит не то, что происходит на самом деле, а выслушивает некую пропагандистскую речь (и грех Капра тем более велик, что для Базена любое кино-изображение имманентно было воплощением чистой правды жизни). А поскольку в немедленных телерепортажах монтаж, продуманный комментарий и музыкальное сопровождение невозможны, то пропаганда в классическом смысле умерла. И речь пойдет не о ней, а о неких имманентных свойствах современных СМИ.

Дело в том, что достижения в области свободы информации парадоксальным образом оборачиваются своей противоположностью, когда речь заходит о репрезентации войны конца второго тысячелетия нашей эры.

На эту тему уже много написано, и я буду ссылаться на работы некоторых французских авторов, прежде всего, на книгу Поля Вирилио, культуролога и киноведа, "Экран пустыни", вышедшую в 1991, и две книги Бодрийара: "Войны в Персидском заливе не было" и "Иллюзия конца", а также на серию статей в "Кайе дю синема" и "Либерасьон", подписанных недавно погибшим от СПИДа Сержем Дане.

Итак, парадокс первый. В нем звучат отголоски знаменитого афоризма Маршалла Мак-Люэна "Средство есть сообщение", имеющего в виду, что изменения средств распространения информации совпадают и даже детерминируют переломные моменты человеческой истории.

Существуют три эпохи в истории войн. Первая эпоха — тактическая, основное средство ведения войны — осада, а господствующая технология — защитная: крепостные стены, подъемные мосты, рвы. Прерогатива ведения войны принадлежит гражданам-солдатам. Город-полис представляет собой крепость, но внутри него есть еще одна крепость — гетто, в которое заперты внутренние враги.

Вторая эпоха — эпоха стратегическая. Эпоха наступления, танков, самолетов, военных флотов. На вопрос "Где линия фронта?" Гудериан отвечал: "Там, где мои танки". В политическом смысле ответственность за ведение войны находится в руках не граждан, а генерального штаба, а с появлением ядерного оружия выделяется человек, единолично несущий ответственность, в руках у которого пресловутая красная кнопка. Апофеоз наступательной войны — разрушение городов, сердце тактической войны: Хиросима.

И наконец, третья эпоха — постмодернистская, компьютерная, тотальная. Конец XX века. Фронт ныне находится не там, где стены города, не там, где танки Гудериана, а там, где летают спутники. Космическая орбита становится линией фронта. Фронт — там, где средства коммуникации. Воюет не гражданин, не генштаб, а, если немного утрировать, воюет автоответчик. Классический пример такой войны — война в Персидском заливе, когда спутники считывали с земли передвижения противника, передавали эту информацию в Пентагон, там эта информация обрабатывалась, передавалась через спутник на театр военных действий, где закладывалась в компьютер, отдающий приказ об ударе. Если раньше война была продолжением политики другими средствами, то теперь она — продолжение коммуникации другими средствами.

И вот парадокс в том, что с приходом тотальной электронной войны возрождаются самые древние, тактические способы ее ведения: осада. Только теперь осаде подвергается не город, а целая страна, и называется

она теперь "эмбарго" или "блокада". Есть и еще одно сходство. Я говорил о том, что в средние века внутри городов существовали гетто. Так и теперь внутри американских, европейских, российских городов складываются новые гетто, населенные выходцами из колоний, где начинается патентная городская партизанская война: чернокожих в США, арабов в Париже, индусов в Лондоне и так далее. Кроме того, военные лидеры конца XX века все чаще отождествляют себя с военно-политическими лидерами средневековья и древнего мира. Известно, что Саддам Хусейн считает себя воплощением Навуходоносора. Можно видеть в Багдаде огромные пропагандистские панно, на которых эти два лидера соседствуют. В Ливане генералы отождествляют себя с феодальными сеньорами, контролирующими свой регион. Нет ли в этом признаков того поворота времени вспять, о котором писал в книге "Транспаранс зла" Бодрийар? Дело в том, что когда-то он написал текст, где предлагал вообще отменить оставшиеся до конца века двадцать лет и сразу объявить XXI век, поскольку все, что должно было свершиться в XX-м, уже совершено. Через несколько лет он изменил свою точку зрения на время. Возможно, время — это такая кривая, которая вечно стремится к некоей точке и никак не может ее достигнуть, уходит назад: воскресают старые религии, старые границы, старые политические тенденции, партии и — старые методы ведения войны.

Второй парадокс. Он связан с тем, что благодаря СМИ происходит исчезновение дистанции между самим событием и его репрезентацией на экране. Событие доходит до зрителя в тот момент, когда происходит. В 1980 году была создана основанная на этом принципе телекомпания CNN, которая вещает теперь на 91 страну. Именно она начала передавать информацию с театра военных действий в Заливе, когда они еще не начались, когда только стали прибывать войска союзников. На вопрос, кто выиграл войну, можно безусловно ответить, что ее выиграл Тим Тернер с CNN. Хроника войны заменила на экране мыльные оперы и разворачивалась именно по их принципу. Вирилио называет эту незамедлительность передачи информации наступлением тирании реального времени. И тут происходят оговорки прямо по Фрейду. "Либерасон" публикует фотографию с подписью "Вы видите конвой беженцев, который через десять минут будет уничтожен авиацией". То есть журналисты даже опережают время. Другой пример. Перед высадкой

американского десанта в Сомали в декабре 1992 года на тот же самый пляж высадились журналисты, несмотря на все опасности, поджидавшие их в стране, охваченной гражданской войной. И только когда была установлена аппаратура и определены точки съемки, началась настоящая высадка. Так же круглосуточно освещались и события в Румынии в 1989 году с той минуты, когда демонстранты захватили телестанцию. И во время нашего путча все, кто сидел дома или на баррикадах, несмотря на отсутствие местной информации, слушали радиостанции, также уничтожавшие дистанцию между событиями в Москве и их репрезентацией. Люди узнавали о событиях немедленно.

С наступлением третьей эпохи войн, наступила, по Вирилио, и третья эпоха телевидения. Если сначала была эпоха "телеслушания" (французы слушали из Лондона выступления генерала де Голля или информацию о ходе войны) а затем наступила эпоха "телевидения" (ежевечерние репортажи о ходе вьетнамской войны), то теперь — эпоха "телеакции", "теледействия". Зритель оказывается как бы участником событий. На демонстрациях в Китае их участники несли плакаты на английском языке, хотя обращались к китайскому правительству. Но в большей степени — к телезрителям CNN. Зритель становится и заложником телевидения, поскольку бессильно наблюдает за событиями трагическими, за сценами смерти и ничего не может поделать. Но и болельщиком.

И вот второй парадокс современных СМИ заключается в том, что в тот момент, когда журналист получает возможность вести прямой репортаж с места события, зритель вроде бы должен получать наиболее объективную, достоверную информацию. Но все происходит ровно наоборот. Позиция журналиста, говорящего о том, что он видит собственными глазами в гуще событий, не дает ему возможности отстраниться. Человек, захваченный потоком событий, не в состоянии рассказать, что же происходит. Я имею в виду события путча, когда несколько журналистов, находившихся в разных точках, рассказывали об одном и том же виденном ими столкновении, принимая его за разные, и никто не мог сказать, что произошло, и сколько человек погибло: трое, пятеро, десятеро... Более того: возникают новые возможности для фальсификации, более изощренной, чем фальсификация монтажная. Здесь я имею в виду, прежде всего, операцию, организованную новым румынским правительством, пришедшим к власти в результате

революции. Во французской культурологии уже появился такой образ "мертвецы Тимешоары" как синоним фальсификации. Революция началась с подавления демонстрации в Тимешоаре, и лозунг "Отомстим за Тимешоару" был очень популярен, журналистов возили из города в город и показывали им новые и новые братские могилы жертв репрессий. Журналисты насчитали десятки тысяч погибших. И когда Чаушеску судили, ему инкриминировали 60 000 убитых. Но что оказалось? С журналистами сыграли ту же шутку, что и с Андре Жидом в 1936 году, когда он ездил по СССР. Он был приятно удивлен, что во всех, даже самых маленьких городах, его поезд встречают с аккуратно написанными на французском языке транспарантами. Только потом он понял, что транспаранты возили в том же самом поезде и просто раздавали демонстрантам. В Румынии произошло что-то подобное, только более кощунственное, поскольку с места на место возили трупы, стараясь преувеличить масштабы трагедии. Так же, используя особенности прямого репортажа, новые румынские руководители инсценировали перестрелки в Бухаресте специально для журналистов. Та же история с расстрелом четы Чаушеску, которых сначала убили, а потом для телевидения стреляли уже по мертвым телам. И если Базен писал по поводу документального фильма, который он видел в Париже, и где чанкайшисты расстреливали китайских коммунистов: "Несчастные мертвецы! Мертвецы без погребения, обреченные на киноэкране умирать вновь и вновь", — и призывал к колоссальному целомудрию в репрезентации смерти, то теперь это умирание повторяется снова и снова.

В связи с событиями в Китае возникла еще одна проблема. Поскольку репортажи шли в эфир немедленно, у журналистов не было времени подождать развития событий. А демонстранты, которые давали интервью, тоже находились в состоянии эйфории и не знали, что произойдет. И китайская госбезопасность внимательно отсматривала эти репортажи, записывала их на видеокассеты, и когда выступление было подавлено, благодаря этим репортажам были найдены и арестованы все, кто свободно говорил перед телекамерами. И произошло это именно потому, что исчезла дистанция между событием и его репрезентацией.

Исчезновение дистанции дает возможность причине и следствию меняться местами. Тут возникает третий парадокс.

Если в прежние эпохи войн насилие притягивало кинокамеру — я напомним о великом фотографе Роберте Капе, который в Испании сделал уникальный снимок солдата–республиканца, в которого попала пуля, и который, мертвый, еще продолжает бежать вперед, и Капу спросили, как это ему удалось, и он ответил, что просто подошел на шаг ближе, а через 15 лет он подошел слишком близко и подорвался на mine в Корее — то теперь сами СМИ притягивают насилие. Террористам удобнее взрывать бомбу в определенное время, чтобы сообщение о взрыве попало в восьмичасовой выпуск новостей. Бодрийар писал, что чем больше камер установлено в общественном месте, чем больше интерес СМИ к событию, тем больше шансов, что там произойдет насильственный акт.

И последний парадокс, о котором я хотел сказать. Казалось бы, появление атомного оружия должно ускорить ведение войны. Один американский генерал удивлялся: зачем мы девять лет бомбили Вьетнам, если было достаточно семи секунд? Казалось бы, электронная война должна стать молниеносной. Происходит же прямо обратное. Раньше о войнах объявляли с первым выстрелом. Теперь о них объявляют задолго. О начале войны в Заливе знали за полгода, в Сомали журналисты ждали объявленного десанта. Момент начала войны растянут, она начинается бесконечно и так же бесконечно заканчивается. Война в Заливе прошла, но не закончилась, продолжается. Если раньше война шла на взаимное уничтожение, то теперь на взаимное сохранение. Противники нуждаются друг в друге: запад в Хусейне — как в воплощении абсолютного зла, а Хусейн в Западе — точно так же, чтобы внушать ненависть своему народу. Так же были растянуты и события путча. То есть в постмодернистскую эпоху теряется ощущение начала и конца события. И эта невнятность дала Бодрийару основание писать, что войны в Заливе не было вообще. Война перешла в область виртуальной реальности.

Впрочем, появились в США и виртуальные самолеты, которые не оставляют следов на экранах радаров.

Юлия Кисина,

Александр Секацкий

ВОЙНА КАК ШЕДЕВР

В свое время Владимир Эрн предлагал рассматривать Канта и Круппа как родственные манифестации общего духовного начала.¹ Но это было в 1914 году, и ему не поверили. Тогда принято было гуманистически противопоставлять "великую культуру", давшую Баха, Канта, Шуберта и С^о — и тупую солдафонщину, с которой великая культура почему-то справиться не могла. Теперь уже мало кто склонен к такому подходу.

От американской армии, покинувшей Германию в 1945 году, осталось 3547 чучел маленьких серых животных. Это -- белка! Зачем понадобилось американскому руководству снабжать своих солдат чучелами белок? Непонятно. До сих пор. Может быть, это были амулеты, защищавшие Зэга и Льюиса от вражеских пуль? Кто знает? Может, они до сих пор хранят души солдат среди своих отсыревших опилок.

Выдержать единство стиля — это характерная черта почерка победы, и здесь мы вновь обнаруживаем общую подкладку духовного производства, схожесть с дискурсом литературы. Стиль представляет собой самое непосредственное проявление времени, его еще не остывший след и предчувствие будущей траектории, т.е. нечто очень занимательное для

¹ В.Ф.Эрн. Кант и Крупп. Вопросы философии, 1989, №4.

Духа. Поэтому самый неожиданный расклад обстоятельств и факторов может понадобиться для Победы, нельзя только выиграть немодную войну.

Для успеха войны необходимо без запинки усвоить стиль сегодняшнего дня и хотя бы отчасти воевать войну будущего, угадав ее очертания в геометрии чистой воинственности. Понятие "успех" сохраняет в данном случае все коннотации глагола "успеть" и представляет собой гармонизацию усилий и измерений вдоль виртуальной оси времени, направленной в будущее — в настоящее будущее.

Германия была бесспорной законодательницей военной моды в конце XIX и до середины XX века. Ее войнам и компонентам войн подражали, их копировали и имитировали, пытаясь уловить общую линию (силуэт), чтобы вписать в него национальный орнамент — но улавливали в основном пустую оболочку, оброненную Духом Воинственности, не успевая следить за перемещением аватар. Даже поражения Германии или неудачи в сражениях были по-своему красивы — как неудачи азартного, но владеющего собой игрока перед срывом банка.

Умение сгруппироваться в единстве стиля намного важнее абсолютного значения отдельных компонентов — идет ли речь о дисциплине, вооружении или, скажем, о факторе исторической правоты

Чучела белок мы нашли в подвале одного Рейнского замка, хозяин которого содержал здание в отличном состоянии, провел туда горячую воду и сдавал комнаты итальянским и швейцарским туристам. Мы попали туда случайно, вместе с вонючей группой из восточного блока. Конечно, за нас платила какая-то чешская строительная фирма.

В четверг ночью мы спустились в подвал в поисках, конечно, привидений. Подвал был заполнен аккуратно стоящими ящиками черного пива, рейнскими винами и черными бутылками Шато- Марго. Первое, на что наткнулся латыш

Каспарс, был тяжелый деревянный пропеллер от американского вертолета. На одной из лопастей была выгравирована ничего не означавшая надпись на русском языке "Отдамся тебе, Балтика". С касперсами, с тяжелыми чашками магнолиевых деревьев была фотография на пляже какого-то курорта. Там загорал такой лысый парень в купальном костюме. Его лицо напоминало скорее героя любовника из пятидесятых. Фотография валялась на полу между практичным, трех отделений, кожаным портфелем и старым американским аппаратом для массажа спины, так и выпячивавшим свои кольчатые шланги.

Белки стояли внизу, в самом глубоком келлере, аккуратно пронумерованные желтыми листками. Каспарс просто остолбенел. Конечно, мы сразу оттуда вылетели пулей и не могли уснуть всю ночь, лежа рядом и уставив параллельные невидимые твердые взгляды в еле брезживший потолок. О чем мы думали? Мы думали о белках. Об американской армии и о бейсбольных мячах, лежащих в углу.

Рассмотрим последние приключения в Духе Воинственности двух носителей Духа — Израильской армии и армии США. Ряд операций, проведенных армией Израиля, например, бомбовый удар по ядерному центру в Багдаде и освобождение заложников в аэропорту Энтеббе представляют собой стилистические шедевры, сравнимые с такими проявлениями духа как Турецкий марш Моцарта или "Философии искусства" Шеллинга. Они достойны воплощения в тезаурусе Духа Воинственности, но, к сожалению, произведения этого Духа не о веществеваются в текстах.

Совсем иначе выглядят военные приключения Америки после 1945 года.

Сомнительный результат в Корее, затяжная и бесславная Вьетнамская война — и это при огромном преобладании технической мощи. Можно вспомнить и бесславную попытку США силами морской пехоты навести порядок в Бейруте. Тогда последней каплей в цепи неудач стал

начиненный взрывчаткой грузовик, направленный палестинцами прямо в здание казармы морских пехотинцев, после чего оставшиеся в живых вояки благополучно отбыли домой. (Я думаю, израильские генералы, выражая публичное сочувствие, снисходительно посмеивались про себя над воинственными потугами "старшего брата". Ибо каждому свое — кому густая чечевичная похлебка, а кому Первородство от Духа Воинственности).

Когда, с поражением вермахта, становой хребет возлюбленного воплощения Духа Воинственности был сломан, пострадало все совокупное духовное пространство Германии. Дух как бы улетучился (или духи), о чем когда-то предупреждал Гегель². И вот мы свидетели: современная философская мысль Германии так же далека от духовных глубин предшествующих философских десятилетий, как карикатурный бундесвер от своего одухотворенного Духом Воинственности прототипа — вермахта.

Что же касается Америки, то Война в Заливе говорит о том, что сейчас, в 90-е годы, Америка набрала, наконец, духовную мощь. Среди прочих и Дух Воинственности посетил ее.

Наши одинаковые белые в полоски носки и выстиранные кроссовки стояли под кроватью так, как будто ночь обещала нам только стерильность, серое небо, бесчувственность. И когда мы, все-таки, встретились дрожащими сухими губами и ощутили в зубах вкус лавровых цветов, только тогда Каспарс назвал мне имя этой Мелони. Мелони, которая была охотницей и застрелила белку из пистолета в 1956 году в Центральном парке. Мелони была убита полицейским, и потом ее сестра, рыжегрудая девка с вороватыми глазами, сшивала шкурку этой белки, чтобы отдать чучело жениху Мелони, в память о ней.

² Гегель. Феноменология духа. Соч. Т.4 М. 1959. С.241–242.

Чучело белки долго стояло на буфете с пожелтевшими салфетками, и мех на ней двигался, когда тетушки Робертс открывали окно. Жених Мелони по истечении некоторого времени отправился добровольцем во Вьетнам. Он погиб в окопе под Да-н-Ангом, поправляя на чучеле Мелони жемчужовый пушистый хвостик... Жениха звали Томас Кропивницки. Хозяина нашего замка зовут так же, он работает на американской военной базе в Оберурзеле под Франкфуртом.

Правда, что-то мешает пока поставить воинов Америки в один ряд с вермахтом или израильскими командос. Пожалуй, это, прежде всего, неполновесность пари. Не может быть по-настоящему господином тот, кто не готов при случае поставить на кон свою жизнь..

Полностью цикл рассказов Юлии Кисиной
будет опубликован в Митином Журнале N51,
а статья Александра Секацкого
"Конституирование войны из духа воинственности"
-- в номере пятьдесят втором.

Александр Скидан

РЫБА

Такое случается, когда забивают козпа, когда начало и конец, альфа и омега, странным образом совпадают, чтобы объявить о ситуации пата, как объявляют, например, перемену блюд. В экстравагантном домино появляются тогда какие-нибудь Пат-и-Паташон, или Беккет.

"Трепыхается, — сказал продавец, протягивая лангуста. — Трепыхается, — сказал Белаква. Что бы это такое значило? — Трепыхается, сэр, свежий, — сказал тот, — свежий, утрешний". Пусть будет такой эпиграф, он демонстрирует воображаемое пространство маневра.

Словосочетание "Конец века", заостряющее по видимости исключительно монолит, то есть единственно приемлемый к обсуждению сверхурочный смысл (он-то и бросается нам прямо в глаза с настойчивостью предлагающей себя замуж пресловутой метафоры), на деле обнаруживает машинописный просвет расселины, промежутка: интервал, из которого, я вижу, между "концом" и "веком" моргает, или лучше подмигивает иное, подспудное значение. В нем-то и зарыта — но не собака, а рыба; клавиша ундервуда суть щучья косточка, она светится в темноте, ее фосфор полезен, потому что укрепляет чужие косточки и страницы. В самом деле, почему бы нам и не поразмышлять о ресницах, тем паче, что смежить веки мы всегда успеем?

У Осипа Мандельштама есть строка, начать с которой мне показалось более чем уместным еще тогда, когда я только задумался о местонахождении этих гостеприимных стен. "На мертвых ресницах Исакий замерз..."; строка всплыла в памяти и повисла, я не мог вспомнить продолжения, разве что вот этот прощальный взмах: "Но мельниц колеса зимуют в снегу, И стынет рожок почтальона". Сегодня, задним числом, понятно, что из двух стихотворений, написанных, правда, в один день, одним размером и в связи с одним событием, воображение процедило (так ресницы процеживают свет и пыль слепого полудня) лишь неотвратимый, необходимый ему минимум. Его горизонт, следовательно, был изначальной заперт в горизонте триады.

Прежде чем приступить к обсуждению этого возникшего по вине мысленного прищуря "хокку" я бы довел до вашего сведения еще вот что. Ресницы, помимо защитной функции и роли субститута влечения (вспомним знаменитого Антиноя), могут быть помыслены как своего рода риски: к

примеру, потерпевший кораблекрушение и чудом спасшийся, первым делом, попав на необитаемый остров, устанавливает деревянный столп в подходящем месте и делает зарубки, имитируя календарь, имитируя риски–ресницы, на циферблате наручных механических часов таковых предостаточно; кроме того, ничто не может нам помешать представить ресницы как то, что ре–снится.

На протяжении изысканий я не буду настаивать ни на чем. "На мертвых ресницах Исакий замерз"; излюбленная инверсия Мандельштама, заставляющая "незыблемое зыблится на месте". Зимующие в снегу мельничные колеса ("за вечным, за мельничным шумом...") — это остановленное циклическое вращение, остановленное круговращение вечных времен. Такие времена прешли. Идея циклического времени — идея архаическая, позаимствованная из наблюдений над восходом и заходом солнца. Таков календарь древнего домостроя, таков и так называемый, если запустить колесо на всю катушку, на тысячелетие, Платонов Год. Рожок почтальона — изумительный по пре–исполненности троп, отсылающий в лес совсем других духовых, чьи позывные отнюдь не всегда ласкают измененный слух простых смертных. В эпиграфе к "Египетской марке" Мандельштам пишет: "Не люблю свернутых рукописей. Иные из них тяжелы и промаслены временем, как труба архангела".

Оба стихотворения посвящены гибели Ольги Ваксель, точнее, инспирированы известьем о ее самоубийстве в Христиании, как тогда называлась столица Норвегии. По какой–то странной иронии судьбы, сообщивший эту весть Мандельштаму вестник перепутал Христианию и Стокгольм. Стихи написаны в Ленинграде, 3–го июня 1935–го года. Впрочем, в каком–то смысле все это не важно. Важен озноб, и смерть шарманщика, и чужие поленья в камине, и головокружительный метафизический сладкий ужас утраты. Важно ощущение беспосадочного транзита, мира, несущегося врассыпную, как миниатюрный пожар, и оттого–то кажущегося неподвижно застывшим. Остановка, слитая воедино с беспрестанным неостановимым движеньем, движеньем, движеньем. Это движенье язык силится превзойти, заговорить, но сам вынужден сгорать, пожирая самое себя. В этой тщетной тяге к аутентичности он являет всю свою героическую и трогательную беззащитность. Безумие, от которого позднее ничто уже не спасет:

Я тяжкую память твою берегу —
Дичок, медвежонок, Миньона, —
Но мельниц колеса..

Эта женщина не воскреснет из мертвых. Еще в 1925–ом Мандельштам обращался к ней в других стихах: "Жизнь упала, как зарница, Как в стакан

воды ресница..” Здесь дуговая растяжка смерти, немочь умереть полной смертью, с тем, чтобы трубы Господни отверзли могилы. И какое смирение!

В “Нашедшем подкову” сказано прямо:

Дети играют в бабки позвонками умерших животных.
Хрупкое летоисчисление нашей эры подходит к концу.
Спасибо за то, что было:
Я сам ошибся, я сбился, запутался в счете.
Эра звенела, как шар золотой,
Полая, литая, никем не поддерживаемая..

В “Политии” Платона, трактате, в котором проблема идеального государства в итоге оказывается тесно переплетена с проблемой бессмертия души, Сократ в финале заключительной, X-ой книги приводит в качестве аргумента рассказ о загробном видении некоего Эра. Принятый за умершего и приготовленный уже к погребению, Эр внезапно оживает и повествует о том, что он видел на том свете во время своей кратковременной, ресничного недолговечной взмаха, смерти, которая, как выяснится, была лишь метафорой сна. Ничего странного, был же в духе в воскресный день Иоанн, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный. Душа Эра очутилась у расщелины, по обеим сторонам которой восседали судьи. Праведных они отправляли вверх, на небо, грешные низвергались в ад, под землю. Души умерших встречались на луговине, где беседовали друг с другом, делясь впечатлениями. От них Эр узнает о, соответственно, наградах благочестивым и наказаниях преступников. Как и Иоанну, все виденное Эру было велено записать, чтобы явиться к людям и поведать о виденном. Но он видит еще и зарождение новых душ из веретена, вращаемого Мойрами; веретено означает звездное небо, которое, находясь между колен Необходимости (Ананкэ), совершает равномерное движение в одном и том же направлении. Новорожденная душа, подойдя к Паркам, должна была вытащить жребий, предопределяющий всю будущую ее жизнь во всех мельчайших подробностях. После ряда обязательных церемоний душа засыпала. И тогда среди ночи раздавался гром, происходило землетрясение, — души рассыпались, как звезды, по месту прописки. Здесь, в этом месте текста, открыв утром глаза, Эр находит себя живым на погребальном костре.

Еще в “Илиаде” Гомера Гепест кует щит Ахиллу, на котором сверху изображен Мир (Эйрена), а внизу — Война. По его краям течет Океанос, пра-поток циклического времени, связанный, в представлениях древних, с аграрно-эсхатологическим вечным возвращением: бог плодородия Дионис умирает и воскресает на третий день. Этот цикл будет разорван

христианским "повторным чтением": одно из значений слова ре-лигия в латинском языке — повторное чтение.

Возможна ли женщине мертвой хвала?
Она в отчуждении и в силе,
Ее чужелюбая власть привела
К насильственной жаркой могиле.
И твердые ласточки круглых бровей
Из гроба ко мне прилетели
Сказать, что они отлежались в своей
Холодной стокгольмской постели.
И прадеда скрипкой гордился твой род,
От шейки ее хорошея,
И ты открывала свой аленький рот,
Смеясь, итальянся, русея.
Я тяжкую память твою берегу —
Дичок, медвежонок, Миньона, —
Но мельниц колеса зимуют в снегу,
И стынет рожок почтальона.

И циклическое, архаическое время, и новое, разомкнутое в перманентный тотальный апокалипсис, опустошающий каждое мгновение, каждую секунду ради будущего, одинаково мертвы. Старые боги ушли, но новой эпифании нет, откровение буксует, мы, люди Запада, западаем клавишей в надтреснутом фортепьяно, провисая в расставленной нам западне из двух-трех переписываемых бесконечно книг. Нас шантажируют на предмет конца и держат фигу, как фиговый лист, билейская такая листовка, в нагрудном кармане. Потом, потом, потом. Шепоток фармакона. Не подбить ли бабки с помощью тех самых позвонков умерших животных?

В "Шуме времени", в последней его главе, Мандельштам пишет, что в конце исторической эпохи отвлеченные понятия всегда воняют тухлой рыбой. "Лучше злобное и веселое шипенье русских стихов".

"Пять—шесть последних символических слов, как пять евангельских рыб, оттягивали корзину: среди них большая рыба: "Бытие". Ими нельзя было накормить голодное время и пришлось выбросить из корзины весь пяток и с ними большую дохлую рыбу "Бытие". Больные, воспаленные веки Фета мешали спать.."

Белаква, в новелле Беккета "Данте и лангуст", посвятив утро выяснению происхождения пятен на Луне, идет и покупает лангуста. И как-то так медленно вся тянется, ничего не происходит, вот кот французенки покусился было на пакет, где мы, спрашивает Белаква, ему отвечают: там

же, где и были, где всегда были, а где мы были, уже никого не спрашивает Белаква, он идет к своей тетке, та ему сварит, приготовит наконец.. он не знал, как по-французски "лангуст", он сказал "рыба", все это начинает напоминать какой-то бессмысленный, механически повторяемый ритуал, точнее, жуткий гротеск ритуала. Она подняла лангуста так, чтобы он совсем не касался стола. Жить ему оставалось секунд тридцать. Что ж, подумал Белаква, это быстрая смерть. Господи, помоги нам всем!

Нет, не быстрая.

Остается добавить в копилку с-Судного дня, представляющего для нас вечность наизнанку, эрзац-вечность, лишь следующее. У рыб, лангустов и прочих козлов отпущения нет ресниц, поэтому они не могут с помощью последних отсеивать, к примеру, по букве из слова "эйрена", они и спят-то, возможно, не смыкая глаз, не зная, что давно уже гниют с головы. И попыхает зима.

JUST SO

Олег Шмырин

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА

Ольга — неуволнимый адресат этих писем — сама амальгама неуволнимости, как туманящая прелесть Города, по надуманным линиям которого она прошлась слишком небрежно для старательного ученика, в коих я числюсь и поныне. Именно там, в этом городе, случилось мне встретиться ее прежде, чем она медленно растворилась в зыбкой опечаленности присутствия — судьбы, звезд и иных меланхолических бессмыслиц.

В те увлажненные присутствием дни все мое бесчисленное переплетение напряженных узелков, исчеркавших ясность видимого, вплетало в себя ее витиеватое парение, вбирало ее близорукую ртуть вглядывания, сметало полудетскую пыльцу ее кокетства.

Я даже не знал, всматривалась ли она в эти письма — ничто не предательствовало в отстраненной ровности ее вдыхания, ничто не выдавало их вкрадчивую настойчивость, они просачивались как бесполой влаги в приемлющую рассеянность песка, ничто не менялось в кристаллах ее задумчивости. Увы — и я не прекращал в этом убеждаться — был никем из множества, клубящегося в радиусе ее притягательности, из множества неустоявших в своем беспомощном высокомерии перед ее болезненно-хрупким сиянием, перед обворожительностью ее кружевных интонаций.

Мой взгляд, тенью следующий за ней, был, может, более терпелив даже тогда, когда тронулась головокружительная Одиссея назначаемого адресата, высплывающая каждый раз новую архитектуру ее фамилий, фонетически соотносимых с темпераментами наций, включенных в это призрачное бродяжничество: Олзевский, Штикхарт, Едике, Мак-Кьювен, Жайян, etc. Судьба ее, столь блистательная, сколь неровно скромная, завершилась очевидно внятным, слишком внятным P.S., когда уже из абсолютной недосыаемости я получил ее последний конверт, где помимо любезного извещения о вступлении ее на берег Америки в также — в силу брачного контракта, я обнаружил фотографию, неестественная сочность которой щедро оделяла робкого зрителя комплексом невольного соглядата. Рядом с Ольгой сидел невыносимо успешный, выглаженный зрелый мужчина, едва достающий ей до плеча. Передний план свадебного торжества загромождали две идентичные, безукоризненные, в меру томные, в меру счастливые улыбки, два отвратительных безупречных осклапа...

Поминки я справлял в теснейшем из кругов, в кругу одиночества. Соловевший бармен едва ли прислушивался к моему заплетающемуся бормотанию. На дне пивной кружки я обнаружил

вдруг уверенность в своем праве теперь опубликовать эти письма, дабы они посмертны.

письмо первое

Ave, Olga!
(essai)

Сic вынуждающее меня обратиться в эпистолярное исповедание, в православие письменного подразумевания, полагает мой рассудок как бы опрокинутое насекомое, полагает метафизику вялотекущих запахов, свирепое недоумение не оставляет его. Модус желательности выведен из обоюдного равновесия, но, пожалуй, уже все равно, чья птица выклевывает безнадзорный мозг. Пятнадцать упругих радостей брака, пятнадцать назойливых целомудренностей, не оставляющих своего поста -- и есть кратное число приумножаемой вины. Но, уже провинившись в начертании буквы, следует хорошенько провиниться и в драконьей кротости новообращенного, в нашатырности кровеносного спирта.

То, чему причитаюсь я ныне, нельзя именовать иначе, чем asphyxia, удушье в разорванности плавного воздуха, выброшенностью из намеренного вдыхания. Неисследимая горестность обязуется быть повседневной хроникой постольку, поскольку нанизаны и включены в ходульные коллекции легкоступающих и легкоприсутствующих дебилов debilis, слабость удержания). Именно топическая трудность присутствия предвкушает нас достойными к поголовному истреблению "затрудненного" сословия, что проникают одни лишь орудия нашего поверхностного осязания. Угловатые, чувственные поверхности, невольны страдающие в дутообразных соприкосновениях и отгалкиваниях, низвергли в и за меня успокоенность простой протяженности и угаданной длительности. Боязнь громоздкой пустоты, опасность вакуумного вторжения пригуждает меня каким-го образом артикулировать свое ориентированное (вестибулярная mania) влечение, поражаемое травмами отрывочных впечатлений.

Страсть восполняет герметичную и влажную поверхность всплывающего к пониманию пузырька, корпускулы вербального сообщения.

Помнишь ли, в некоторой басне очарованное животное ничтоже сумняшеся выговаривает: "Ты виноват уж тем, что мы проголодались...". Басню венчает луковица простоумного и изящного поедания деепричастной к голоду жертвы. Голос, как интуи гивное отвращение от агрессивных пустот и полостей, как тяга неосторожного прикасания, долженствование глотка и вдоха.

Давлением своего коллапсирующего сознания, чудовищностью своего превращения, удаленными вспышками псюхе, я должен проникнуть к товерхности твоего точного соблюдения -- постольку, поскольку ты деепричастна этому. Подобно животному, которое потеряло обитание своему уму, я вынужден отправиться в настоятельные поиски третьего ока, чтобы отпустило помешательство зрения два остальные и все происходящее освободилось от пространственных норм. Мне необходимо быть в радиусе твоего осязания и твоей досягаемости, мне необходимо веяние в пространстве твоего кокаинового влияния, мне полезно плавание в твоих пасмурных территориях. Вне пределов понимания -- я влюблен.

P.P.S. мне скучно, бес

письмо третье

Довольствуйся собой...

...трепетной влаги, мне ничего не остается, кроме как потворствовать тебе, циркулярно и риторически.

Тебя насылает Господь, дабы реконструировать мой дух и вывести, как выводят пятно с праздничной скатерти, бесчувственное тело из пределов послушания. Так насылает Он кораблекрушения, брюшной тиф, мусульманских пророков, грачей, а в сени -- ласточек с весной. Ключевой код к этому посланию, увы, утерян мною, пионерчатым племянником месшвейпромовского Джеймса Бонда. Из сухонутного ли

утомления или из водобоязни я остерегаюсь глубинного зияния, прснырливого водолазания, навыков скорочтения, а также режущих и колющих сколов остроумия. Поскольку ум, рассекающий фактуру еще вполне добротных всщей, это такой же фольклорный промысел, такая же ребячья проделка, как разбитое стекло в туалете неприятеля по плоти. Единственная заповедь, до сей поры не подрываемая мною, это заповедь апофатического мирословия, затаить -- дабы подчеркнуть, надерзить -- чтобы умолчать, умереть -- тем самым выговориться.

"Если бы здесь и полагалось быть чему-либо определенному, то это какая-то свирепая бесцельность, отторжение определенности в самом зародыше, под страхом оправдания -- соблюдение непоследовательности соблюдения". Цы

Патологоанатомическая активность мозга на облюбованных избирательных игрищах высвобождает свою энергию полураспада в мануфактурных изделиях, фобиях и филиях различной модификации. Фрейд послужил цилиндром фокуса, его пневматическая машина пересекла своего демиурга и воссияла в российских сенокосах как источник бесперебойного питания заветных умов.

Все что есть в женщине, все требует преступления, как опрокинутая горлом кровь требует кронштадтского мятежа и банку неразбавленного пива.

письмо четвертое

Salam, crazy

В действительности "salam", ведь во всем, что ты выговариваешь, заметен привкус отличительного крейзианства (оружие подлинного сокрушения, чья убийность многократно превосходит береговую линию бедра). В том, как ты произносишь, оговариваясь, "постмодернизм", -- твой полубоморочный шарм достигает своего апогея (это просто шедевр артикулированного во фресках обоняния) и срабатывают самые заскорузные механизмы мужского

нарциссизма, установленные в доброкачественных крокодилах. Вспотевшие холодным потом благодарности и недоумения, зрелые казалось бы мужчины левитируют, разбросав как пилоты, свои письменные, устные и нелитературные принадлежности. Тю.

Мы приходим в разных и тем более странных, неудобных габаритах антиквариата, апокалиптической утвари, капканов на Ловца и ловушек на Зверя. В напряженной венозной дидактике этого антиквариата мы располагаемся завтракать на траве и располагаем негу своих медлительных владений. И тем более неосторожны и неподвижны разъединяющие прикосновения, жесты артистического милосердия, жесты агонирующей нежности.

Изрядное панибратство в претензии к тем, кого мы приручаем. Ведь мы привыкаем к себе нечто (насилием или точной механикой), мы колонизируем чье-то томительное ожидание Годо исключительно ради бесстрашия, ради того, чтобы обжить и забыться беспокойным сном в присвоенном, как обесмысливается всякая равномерная забота, как проедается всякое монотонное присутствие. Эта константа скрытности, изощренное лунное партизанство, осточертелое сопротивление припоминанию -- надлежит ближайшему сектору зрения, собственность жидкого зрения. Если не желаешь обнаружить себя, будь послушен силе инерции.

Уже в преисподней до-чувствия выстраивается эта избыточная сенсорная готика, громоздкая тактильность -- с тем, чтобы затухать лукавою лампочкою Ильича, к прерывистому телоисточению, к подспудному и беспорядочному как половые контакты метемпсихозу. Именно тропею любовников, бредущих на водопой, распространяется стандарт обладания, эстетизм волеизъявления.

Эстетизм -- это всего лишь динамика планирования семьи, частной собственности и государства.

P.S. Кстати, не кажется ли тебе, что у мужчины и у женщины разное отношение к жилплощади, -- мужчина проживает на ней, а женщина населяет ее.

письмо пятое и шестое

(Приветствую тебя, друг чедовеков. Или подруга.)

(Оглядываясь мыслимым оком, вижу Вас, дружище мое, уткнувшуюся мокрым носом в прохладное стекло аквариума, ибо мокрость, то бишь сырость носа -- неперменный символ дружелюбия и питаемых чувств. Я встретил Вас и все такое.)

(Ведь Невский есть аквариум, полный клубящимися духами и туманами: довольно удачная имитация акварелей, если бы не одно ню, чья беспомощность обеззараживает жалищее чувство избыточного вкуса.)

(С сутенерами обычно легче договориться, чем с кавалерами, но еще скорее умереть от разбойного свиста.)

(Гектор Аннибал, описывающий в привычном воздухе нашем витиеватый росчерк любви и дружественности, ныне -- советчик тайный и действенный, поскольку ведал, ведал вертухай и был вмняем настолько, чтобы внять воплям ужаленной плоти нашей. Теперь же мы отлучены, вольноотпущены, и не столько от будки сторожевой, к коей привязаны были по недомыслию, сколько от покоробленной миски, из коей укреплялись неоднократно, произрастали и сатанели, как ангелочки раздосадованные).

(Бессознательная барабашка, ты скользишь одна меж пьяными, в своем зыбком павлиньем трауре, присаживаешься на самый край, давишься склизлым кофеем и полумертвою булочкою.)

(Пивная оргийность -- обло, огромно, озорно и лайай.)

(Башенки сосцов твоих, мамо наше, к которым склоняемся ныне и вновь, источают уже не слезу медоточения, но кровь гадючью. Мы больше не волки, псы бедлама, поддевающие рваную труху крошащимися клыками. Наша дыхательная клеть еще согревает гнилостные водоросли легких и зазубренные когти засяяны в чью-то спслую мякоть, проистекающую густотелым соком.)

(Бесплодность, бесполость и бесплотность -- три сестры, три гюрзы, постепенная троица... мне трижды скушно, бес... в твоих вишневых вырубках.)

(Волосы, медленным трудом пробивающиеся к эпицентру черепного давления. Ногти, вклинивающиеся в длину сведенных пальцев. Зрачки, неудержимо втягивающие в себя вещи, подавленные тотальным вглядыванием.)

(...фрагменты, клочки, не вступили в окончательный диагноз письма.

...разрывало текст как бы рыдания или взрывчатка.

...длилось и следовало прервать этот бахчисарайский фонтан ада.

письмо восьмое

Изъясняясь коряво, как бы крестьянин, ковыряющий мотыгой землю, я произношу, надеясь на плодovitость израненности, -- ты неизменно восполняешь лакуны ожидания, неявную чашу моего терпения и гристрастия, жестикуляцию церебральной агрессии. В чувственности я неизменно придерживаюсь твоего парализующего обаяния, как бы зрительного росчерка шпильки, чья кротость нервно-паралитического порядка, взвесь цидулы с парным молоком полнолуныя. Временами просто невозможно тебя терпеть, как невозможно терпеть слишком близких своих, но близость эта оптического порядка, а невозможность насылается к кошке, мятущейся по раскаленной крыше, и, тем не менее, ты удалена более чем.

Тоска, кормилица доктора Живаго и поилица доктора Дауна, неопровержимо поворачивается своим опухшим, рябым лицом вслед моим похождениям будто в ожидании лазейки или поощрения, но удивительно, насколько беглы и невразумляющи эти томительные потягивания, эти вздрагивания, эта блуждающая точка росы, это бесчисленное переплетение узелков, эта полудетская пыльца кокетства, этот бамбуковый хруст в суставах, эта трогательная церемониальность вручения, эти похождения витиеватого ума,

эта медленная тягучая кровь, похожая на жучиный сок, эти плавные падения в полуобморок, эта близорукая ртуть взглядывания, те вещественные уловки, соотносящие тебя среди хладнокровных сестер и братьев милосердия. Вероятно, мое притяжение тебя не двинулось бы ни на йоту, будь ты соляной столп, даже бесчувственность, я думаю, не выщипанит твое зыбкое отражение из наблюдательных зеркал. Каждое слово, обладающее оперением направляющейся речи, настигая тебя, затрудняется и вдавливается в плоть отторжения почти гидравлическим усилием априори. Я нем, рыба, канцелярская принадлежность стихии чернил.

Оккупирующий нас, веселящий газ этой "жизни" заслуживает не более чем клинического присмотра и ухода, но слишком многое я не понимаю "здесь" благодаря тобою.

Постепенно отъезжая в болтливость (сердцу русскому) Москвы, я не столько преступаю горло излюбленной песне песней, сколько естественную испытую еще (много, много) раз топический эффект притягательности, кольцевую циркуляцию власти, сласть разлучения, ибо прекратил Зверь всех зверей, и не приемлют они хлебов из рук служителей, и сводят воедино зраки свои, и обрушиваются в обморок блохи, упившись кровью их. Чем оглушительнее утробный рев, тем более разорительны паузы нависающей немоты в длительном зове, выбрасывающем ушные раковины как бы пенящийся прибой. Недостойно печали, но я лишен культурософского алиби, мое причастие к тебе не имеет оправдания, и вино и хлеб всего лишь вино и хлеб.

И все-таки я выговорю то, что Эко посчитал бы невозможным без ссылки на Лиала: я люблю тебя безумно.

Целую, или же треть.

письмо одиннадцатое

Необходимо разглядывание печальными глазами приговоренной к пожу коровы, необходимость быть, быть Евреем от евреев и

оставлять насквозь продуваемые города, имея в домашнем скарбе странную домашнюю скотину -- скорбь. Походная гневливость моя иудейской выделки, имеет нрав подвижнический, иноходь беременной крестьянки, а цвет ее -- цвет перезревшей вишни, яд вдовий, вкус удлинненный и тягучий -- "сладчайший", иисусов. Тоска чаще всего и тоска в чаше всего, едва колеблемая ртуть, выламывающая днище сообщающегося самого с собою сосуда.

Всю свою подлежащую, раскавыченную жизнь я выхаживал, вскармливал, лелеял пуще единственного ока этот облачный край прогуливающих придурков, приемчивость своей изворотливой понятливости, почитая даже насильственную депортацию из сектора параспсихического Газа за бритвенное острое любви. Но уже в контракте срастающихся, брачующихся в невыносимой истоме тел, душа, как барабан племенного торжества, была принесена в статью молитвенной недвижимости, в параграф заказанных Агасферу территорий.

Иди же ныне, иди ко мне, всякий беспризорный завр, ибо только твое кишашее блохами недоразумение притягивает мою оскопленную жреческую симпатию, без объявления вины. Уже достаточно произвольных жертв, достаточно колючих проволочек случая, достаточно эмалированных кружки и брошенного слова на идиш ради очередного алхимического превращения, ради немого и нервного постояльца, не одной только корысти ради.

Ошеломляющая простота умереть хуже всякого воровства и нет ничего горше этой скрупулезной горошины, этой тайваньской пластмассовой жемчужины, подозреваемой находением своим в лобной доле нашей в горловине телесности нашей, и без того уже почти бестелесной. Табуированный предел своеволия, тараканья разница рассудка -- всегда выкликала меня как если бы именно там подвизался андрогинный брат, компенсация меня до неуязвимой округлости, единожды утраченный сиамский близнец.

Но слишком не вовремя я осознал, что горестность, умалчиваемая на суахили, вдруг заговаривает с нами на иврите, как любое безадресное послание, ниоткуда -- к безответности.

письмо пятнадцатое

В ногах твоих разразился карликовый гиацинт, в изголовье утвердился бубен насморка, из-под обрушившихся век выглянула ящерица.

Я, даун, брат сестры дауна, печален, как баржа, перегруженная антрацитами. Кровь моя заражена всеведением, и череп сплюснен в атмосферных тисках ремесла. Там, где ты произрастаешь, не пробегала нога человека, но пробегал бескрылый зверь, избегая встречи с животным. В том, как я хочу тебя, пробивается шип скандала, нонсенс инцеста, поскольку я желаю не столько истины, сколько кровосмешения. Поместиться в коллоидную смесь твоего хладнокровия значит умереть самой легкомысленной смертью. Производить зарубки на лестках слабовольных губ, окольцовывать изловленных мотыльков -- все это ради того, чтобы длить ущербное детство ума, оберегая свои прятки от ржавой силы безумия. Мы ответственны за тех, кого приручаем, поскольку за себя мы не в силах нести ответственность. Это все равно что всю жизнь вынашивать беременность девятого месяца.

Мозг птицы и мозг хорька объединяются под знаком Воды, для того, чтобы симулировать действие и равнодействие часового механизма, но они забывают об опасности справа, где взрывчатое вещество любви. Мы похожи на мыслящую зубную пасту, которая мечтает выйти замуж за капитана дальнего плавания и испытывает скорбь, когда ею начинают пользоваться.

письмо двадцать второе

Оскорбленная свирепость ангела, ущербное блюдо вылаканного детства, ржавая течь остановленного поцелуя. Хотелось бы уже перестать, прекратиться, рождественские

сладоности изнеможения, стеклянное тельце одиночества. Террариум "Я", провал утерянного самочувствования, клубящийся выводок мыслящего беспокойства. Призрачные метастазы рака подрывают вяжущуюся завязь плоти, они подменяют собою то, что непростительно медлило быть, что грезилося лампадкою ума, саму непрочную ткань реакции. Волокнистый, преломленный в сочельник свет достигает зрения скомканными клоками, его можно уже отпустить как паклю бороды, как ученого краба в Елисейские поля, его можно приспособить для коррекции пристальности. Топкое чувство увлажненной пневмы бессилия, томительная приостановка дыхания -- все, чтобы произойти бесформенным оборотнем неуравновешенной лунной активности.

Ну не милая ли гадость -- служить лысой обезьянкой на плече, любить неопрятного акушера, присесть на жидкий стул, кусать подлокотники, утащить чадящую индейку. Все уже достаточно пьяны и, стоит хотя бы помыслить, чтобы испытать на себе это средство утонченного отвращения, эту сверхкалорийную смесь петербургской кафкости и юродства, шарлатанства и назидания.

Фауна, действительно. Именно Фауна с недоумением наблюдает наше книжное еврейство, именно она грустна пост фактум наших броуновских соитий и прикосновений. Фауна, Народ, Православие. Толкни же упавших, растолкай, дай покурить.

P.S. Это предисловие и стопку своих писем я получил от Ольги в ее последний приезд, когда она вернулась в Город, чтобы забрать оставшуюся часть своих работ, оставшиеся книги, а может быть, и оставшуюся часть себя. Меня.

поспесовие

Классический корпус "Писем" строился на верфях как бы мичуринский непотопляемый гибрид боцманской скуки и художественного свистания наверх. И та внезапная брешь, обозначенная в юнговской каюте

бессознательного отторжения, есть заслуга, по крайней мере возгорания и затухания, озадаченности, порожденной как самими письмами, так и ноуменальностью их появления. Сама шарада занимательна, хотя и не без некоторых головоломностей: Чжоу, наблюдающий во сне дремлющую бабочку, испугавшуюся привидевшегося ей (в кошмаре) Чжоу, спящего красавца и энтомолога.

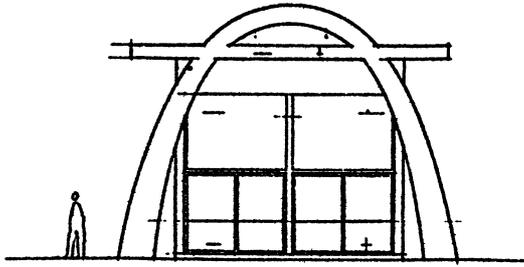
Знаменательная, и, как все немногие полагают, флагманская часть писем считается утерянной: искушенного читателя, особенно постмодерниста, не оставляет ощущение, что в руках у него какие-то письма. А письма представляют из себя разрозненные тектонические пробы, взятые напрокат из продолжительного, хотя и письменного, вулканического семяизвержения

Достоверно не установлены не только авторство, но и то, дезавуированы ли эти письма, а если и не дезавуированы, то с какой именно безрассудностью, и кто был свидетелем такой печальной иеговы. После, а значит вследствие первой депубликации в письма ткнулась укоризненная животина литературной критики — вся королевская рать соискателей и прокуроров, полагающая своей невменяемой обязанностью посмотреть сквозь пальцы на предмет своего разглядывания, а то и просто умыть руки или почистить репу. В конце концов они выростили несколько неожиданных каламбуров и выскребли серебряною ложечкой череп задумавшегося ребенка, и сама истина в присутствии расшалившихся взрослых отважилась поглаголить.

Невероятной, а потому очевидной и ухослышной, стала догадка, полагающая отправителем адресата, хотя неуклюжая щенячья возня имен: Олег и Ольга — затрудняет дефекацию столь твердой уверенности в клиническом расщеплении Ольги: слишком изощренная безыскусность, покушающаяся на двойное святотатство. Почтальон, разносчик эпистолярной чумы XX века, свидетельствует ей-богу.

Ближе к своей рубашке те, кто целует и ласкает Шмырина (все равно что стрелять вслепую). Однако и здесь произрастает подводный камень, который трудно обогнуть, пусть даже и красиво. Шмырин никогда и ничего не вызывал в своей жизни, кроме аллергии, жалости и пожарных.

Так или иначе, письма републикованы, Ольга фальсифицирована неизлечимым вирусом здоровья, а автор завел кота Морфея и забыл вывести. Зато не забыл другой и регулярно напоминает, шала ли в воде, лежа ли на песке.

СОДЕРЖАНИЕ МИТИНОГО ЖУРНАЛА NN 1 – 50

ПОЭЗИЯ

- АБДУЛЛАЕВ Шамшад. Стихотворения 12
 Давно, недавно 33
 Пейзаж 42
- АЛЬТШУЛЕР Александр. Стихотворения разных лет 25
- АНИК. Стихотворения 5
- АРТАМОНОВ Валерий. Языческие ремесла 26
 Средоточие риска 31
 Щеглов лесной, Щеглов домашний 35
 Три портрета европейского мальчика 37
 Тоц Вет 41
- БАБИ Андре. Стихотворения 30
- БАРАН Юзеф. Это уже не мы,
 Перевод с польского Андрея Базилевского 50
- БЕЗРУКОВ Игорь. Стихотворения 20
- БЕЛКОВ Вячеслав. Расследование ведет Фолкнер 2
- БЕРЕЗОВЧУК Лариса. Любовь как растения,
 растения как любовь 35
- БЕШЕНКОВСКАЯ Ольга. Стихотворения разных лет 17
- БОГДАНОВ Леон. "В первый день листопада.." 28
- БРЕВДЕ Геннадий. Пятый постулат 25
- БРОДСКИЙ Иосиф. Из книги "Урания" 17
 Представление 30
- Мишель БЮТОР в переводе Арнаута Скард–Лапидуса 41
- ВЕНЗЕЛЬ Евгений. На исходе первой вспышки неврастении 37

- ВИШНЕВЕЦКИЙ Игорь. Стихи разных лет 47/48
ВОЛОДИНА Мария. Стихотворения 29
ВОЛЧЕК Дмитрий. Охотник Хуанита, синтаксис Дрездена
(готическая повесть) 4
 Подобие кукушки 13
 из книги "Говорящий тюльпан" 18
 "В Голландии на веточке суровой.." 36
 Новые стихи 39
 Из книги "Полуденный демон" 50
ВОРОШИЛЬСКИЙ Виктор. О чем идет речь,
перевод с польского А.Базилевского 44
ВОЯЧЕК Рафал. Хороший выход,
перевод с польского А.Базилевского 49
ГАВРИЛЬЧИК Владлен. Поэт и царь 11
 Питейное дело 12
ГАЛЕЦКИЙ Юрий. Песни позднего декаданса 34
ГАРРИМАН Карла. Каждодневница, воздушная пьеса,
перевод с англ. В.Кондратьева 31
ГЛЮЗИНСКИЙ Томаш. В жерновах мира,
перевод с польского А.Базилевского 31
ГОЛУБЕВ Александр. Стихотворения. 34
ГОЛЫНКО-ВОЛЬФСОН Дмитрий. Флорентийский поэм 45/46
ГОРНЫЙ Евгений. Стихотворения 33
ГРОХОВЯК Станислав. Если дерево вырастет криво,
перевод с польского А.Базилевского 47/48
ГУБАНОВ Леонид. Из книги "Ангел на снегу" 9/10
ГУГОЛЕВ Юлий. Стихотворения 11
 Памяти Фишера 18
 "В кишках урчит от всероссийских вин.." 33
ГУНИЦКИЙ Джордж*. Случай в Версале 5
ГУТИН Александр. Стихотворения 44
ДЖИКИЯ Александр. "Уже потом я узнал.." 39
ДРАГОМОЩЕНКО Аркадий. Ужин с приветливыми богами 1
 Стихотворения 4
 Небо соответствий 7
 Острова сирен 11
 Настурция как реальность 13
 Кондратий Теотоклопулос на распутье в ожидании гостя 18
 Из "Ксений" 27
 Из книги "Эросия" 30
 Из тетради "Элементы зрения" 41
 Естественные науки 49

Авторство опротестовано.

- ДРУСКИН Лев. Новые стихи 1
ЕРЕМЕНКО Александр. Стихотворения 11, 19
ЕРЕМИН Михаил. Новые стихотворения 18
ЖИДКОВ Александр. Езда во спасение 16
ЗАВЬЯЛОВ Сергей. Стихотворения 9/10
ЗАКИРОВ Хамдам. Жест 38
 Мироощущение в 7.52 по местному времени 45/46
 Изменения 50
ИВЛЕВ Алексей. Стихотворения разных лет 24
 Популярная поверхность 33
ИЗЮМСКИЙ Андрей. Песни живого Гаутамы 8
 Возрождение наук о вере, или Семь зерен риса 26
ИОССЕЛЬ Михаил. Дорога 6
КАВТАСКИН Александр. Стихи и поэтические переводы 12
КАПЦАН Григорий. Разрозненные строчки 44
КАРАЕВ Юсуф. Два стихотворения 44
КАРПОВИЧ Тымотеуш. Опрокинутый свет,
 перевод с польского А.Базилевского 39
КАРСАЕВ Сергей. Стихотворения 25
КЕКОВА Светлана. Стихотворения 9/10
 Два зеркала, поэма 20
 Стихотворения разных лет 22/23
КЕНЖЕЕВ Бахыт. Стихотворения 2
КИБИРОВ Тимур. Стихотворения 11
 Когда был Ленин маленьким 25
КИСИНА Юлия. Стихотворения 19
 Мой хаос, мое социальное приключение 27
 Новые стихи 30
 Посмертные забавы гетмана 35
КИСЛОВ Даниил. Продолжение темы 44
КИССИН Самуил. Стихи. Публ. Д.Северюхина 9/10
КОН Георгий. Из текстов 1983–1989 29
КОЧДРАТЬЕВ Василий. Стихи 26
 Прогулки, по ином Тристане 35
 Ценитель пустыни 37
КОНДРАТЬЕВ Михаил. Стихотворения 14
КРЕПС Михаил. И – и 38
КРИВУЛИН Виктор. Три венка сонетов 7
КРУЧЕННЫХ Алексей. Тексты разных лет. Публ. Вл.Эрля 8
КУЛЕМИН Эдуард. Продолжение чего 29
 Все фишки в мешке 32
КУЛИДЖ Кларк. Из книги "Путь разрешения",
 перевод В.Кондратьева 31
КУЛПЕ Сергей. Стихи разных лет. Публ. ВУфлянда 6

- КУЧЕРЯВКИН Владимир. Приближение: облака и степи, поэма 4
 Стихотворения 16, 21, 25, 33
 Танец мертвой ноги 42
 Караван из Шанхая 50
- ЛАПИНСКИЙ Игорь. Стихотворения 2, 18
 Травяная ода 24
 Огни Святого Эльма 31
 Апология скорости 35
 Технология телевидения 40
 Маленький путник 49
- ЛЁН Владислав. Четыре пролетарские басни 5
 Басня про то, как украсть миллион 7
 Из Большой Библейской Поэмы 13
 Ода на вступление великого русского человека
 Андрея Дмитриевича Сахарова в Москву 17
 Трилогия Ленинианы 34
- ЛИПСКА Эва. Ничего кроме жизни,
 перевод с польского А.Базилевского 45/46
- ЛОМОНОСОВ Владимир. Стихи разных лет 5
- ЛОРЕНС Д.Г. Стихотворения в переводе Евгения Олевского 44
- ЛОСЕВ Лев. Из книги "Чудесный десант" 8
- М.Дм. Три поэмы 11
- МИЛЛЕР Семен. Рассказ о человеке и канале 11
- О.В. де МИЛОШ – Оскар МИЛАШЮС 4
- МИЛОШ Чеслав. Ад существует,
 перевод с польского А.Базилевского 35
- МИСАКОВСКИЙ Станислав. Когда плюс превращается в минус,
 перевод с польского А.Базилевского 32
- МИТЕНЕВ Константин. Шесть ящиков песка
 для экспериментальных целей 24
- Анри МИШО в переводах В.Кондратьева 39
- МНАЦАКАНОВА Елизавета. Из книги "Das Buch Sabeth" 45/46
- МОГУТИН Ярослав. Что-то около десяти текстов
 о любви и ненависти. 47/48
- МУРАШОВ Александр. Шесть произведений
 из быта советской поэзии 29
- НИКОЛЕВ Андрей. Стихотворения 30
- ПАЛМЕР Майкл. Стихотворения в переводе Е.Олевского 44
- ПАРЩИКОВ Алексей. Я жил на поле Полтавской битвы 3
 Стихотворения 11
- Сен Жон ПЕРС. Птицы, перевод В.Кучерявкина 40
- ПЕТРОВА Александра. Подходя к Равноденствию 47/48
- ПИЛЬЩИКОВ Игорь. Миксинг 33
- ПИСАРЕВСКИЙ Андрей. Не говори: "Он болен, он дитя." 34

- ПЛУЦЕР–САРНО Алексей. Стихи 47/48
Франсис ПОНЖ в переводах В.Кондратьева 39
ПОПОВ Вячеслав. Стихотворения 33
ПРИГОВ Дмитрий. Дополнения 6
 Стихотворения 11
 Второй каталог обращений 12
 Русские стихи советского содержания на английском языке 30
ПЯЯСИСИЛЬМ Лонни. Стихотворения,
 перевод с эстонского Инны Нарайкиной 33
РОМАНОВ Юрий. Стихотворения. 11
РОТЕНБЕРГ Джером. Предложения к революции,
 перевод с англ. В.Кондратьева 31
РУБИНШТЕЙН Лев. Маленькая ночная серенада 11
РЫБОВИЧ Ян. Стихотворения,
 перевод с польского А.Базилевского 36
САМОИЛОВИЧ Нина. Стихотворения разных лет. 3
СЕДАКОВА Ольга. Тристан и Изольда, поэма 9/10
СИЛЛАНПЕА Сальвадор. Инфекционная защита,
 перевод с эстонского И.Нарайкиной 33
СИССОН. Катулл, перевод Игоря Зенкова 44
СКИДАН Александр. Завтрак на траве 45/46
СТАФФ Леопольд. До конца,
 перевод с польского А.Базилевского 40
СУХОТИН Михаил. Страницы героические 8
 Страницы на всякий случай 11
 Жолтая птичка 19
 Страницы–терцины и другие стихотворения 24
 Роза Якова 32
 Из цикла "Великаны" 34
СЯНИКАЭЛЬ Малл Катрин. Стихотворения,
 перевод с эстонского И.Нарайкиной 33
ТВАРДОВСКИЙ Ян. Невозможное неизбежно,
 перевод с польского А.Базилевского 35
ТИМОФЕЕВ Сергей. Стихи 32
 Из Риги с любовью, из ниоткуда 43
УСЕИНОВ Вячеслав. Стихотворения 44
УФЛЯНД Владимир. Рифмованная околесица 6
 Народ 22/23
УЭЛЛС Роберт. К Пазолини, перевод Игоря Зенкова 44
ФАНАЙЛОВА Елена. Стихотворения 42
 "как уходит сухой огонь.." 49
ХАНАН Владимир. Третья треть, поэма 17
ХАРМС Даниил. Из неопубликованного 7
ХЕДЖИНЯН Лин. Композиция клетки, перевод А.Драгомощенко 41

- ХЕРБЕРТ Збигнев. Пророчество, прощее которого нет,
перевод с польского А.Базилевского 42
- ХОДАСЕВИЧ Владислав. Стихотворения, эпиграммы 11
- ШЕЛЬВАХ Алексей. Стихотворения разных лет 13
- ШИМБОРСКА Вислава. Преимущества непостижимого,
перевод с польского А.Базилевского 43
- ШИРАЛИ Виктор. На смерть Нестеровского 4
- ШИФРИН Борис. Штуковины 29
- ЩЕРБИНА Татьяна. Стихотворения 14, 20, 22/23, 31
Мюнхен 38
Без костюмов и пауз 50
- ЭРЛЬ Владимир. Цезарь на Буцефале 5
- ЭШБЕРИ Джон. Забытый секс, перевод А.Драгомощенко 43
Стихотворения, перевод Е.Олевского 44
- ЭШЛЕМАН Клейтон. Расположения,
перевод с английского В.Кондратьева 31

ПРОЗА

- АБДУЛЛАЕВ Шамшад. Заметки аутсайдера 36
- АДАМАЦКИЙ Игорь. Из книги "Притчуды" 3
- БАРТЕЛМ Доналд. Похищение в серале, перевод с англ. О.Воейковой. 3
- БАРТОВ Аркадий. Из книги "Literatura" 13
Прогулки по саду 18
Два описания одного текста 19
Воспоминания о Баден-Бадене 33
Посещение Анной и Джулией театра,
с сообщением об этом посещении Фреду
и с пояснением к этому сообщению Джорджа
(из серии "Речевые акты") 33
- БЕЗРУКОВ Игорь. Последняя свеча 39
- БЕККЕТ Сэмюэл. Отверженный, перевод Ярослава Зимакова 6
Не я, перевод Дм.Волчека 9/10
Каскандо, перевод Михаила Хазина 9/10
Довольно, перевод Я.Зимакова. 9/10
Действие без слов, перевод А.Долинина 9/10
Неразглядеть неописать, перевод Я.Зимакова 13
- БЕЛКОВ Вячеслав. Финикийский хулахуп 36
- БИРБОМ Макс. Энок Соумз, перевод В.Кондратьева 40
- БОГДАНОВ Леон. Ломоносов. Шестнадцать. Рассказ. Сон. Где это? 13
- БОДЕЛЬСЕН Андерс. Оранжевая, перевод О.Абрамович 13
- БОРХЕС Хорхе Луис. Стена и книги. Валери как символ,
переводы М.Хазина 3

- БОУЛЗ Пол. Гиена, перевод А.Драгомощенко 3
Далекий случай, перевод В.Кондратьева 39
Нежная добычка. Тысяча дней Мухтара,
переводы В.Кондратьева 49
- БРЕВДЕ Геннадий. Осколос 8
- БРОНИСЛАВСКИЙ Геннадий. Жизнь замечательных людей 18
- БРОТИГАН Ричард. Лужайкина месть, перевод О.Воейковой 13
- БУРДОНОВ Игорь. Тао Ши 18
- БУРСА Анджей. Палач без маски,
перевод с польского А.Базилевского 27
- ВАРХАЛ Анджей. Футурологические этюды,
перевод с польского А.Базилевского 34
- ВЕНЗЕЛЬ Евгений. Записки с похмелья 5
Love story 5
Sta, viator! 5
Киник весел, вакханки хоть куда,
а мистагогам – канава 11
- ВИАН Борис. Убийца. Забавный спорт. Материнство,
переводы Ольги Волчек 2
Уничтожим всех уродов, перевод О.Волчек 5–12
Путешествие в Коностров, перевод Т.Т. 11
Я приду плюнуть на ваши могилы, перевод с франц. 37–38
- ВИШНЕВСКИЙ Андрей. Река 39
- ВЛАДИМИРОВ В. Господин Кен-Келлер и другие 8
- ВНЕ. Рассказы и повести: Вечер. "Одним летним знойным
полднем..." "Груст был преданным тем человеком..."
"многие стены, открытия..." Трио. Насрано! "пустой
сверчок стучал себя в грудь пустым..." "какой-то с
пропитым носом..." "и, однажды, ждать долго не приш-
лось..." Право на дом 13
- ВО Ивлин. Любовь среди развалин, перевод Я.Зимакова 9/10
- ВС. Рассказы 19
- ГАЛЕЦКИЙ Юрий. Чаепитие в Гондурасе 1
Мюзикхолл лилипутов 18
Единорог 24
- ГАНИЧЕВ Геннадий. Как я люблю 16
- ГЕРЦЫК Аделаида. Подвальные очерки. 14
- ГЕССЕ Герман. Казнь. Китайская легенда. Притча о слепцах.
О влюбленном юноше, переводы В.Линейкина 3
- ГРИГОРЬЕВ Владимир. Деревянная кукла 14
Сто лет из жизни Егоровых 20
- ГРИГОРЬЕВ Дмитрий. Санаторий. Кошки. 18
- ДАЛЬ Руальд. Стол и кров,
перевод с англ. Е.Зелинской 11

- ДЕВЕНПОРТ Гай. Lo Splendore Della Luce A Bologna, 11
Изобретение фотографии в Толедо. Итака 19
переводы Я.Зимакова
- ДМИТРИЕВ Линдон. По канве Гарольда Роббинса 11
- ДОКТОРОУ Эдгар Лоуренс. Водоочистительная станция,
перевод Дм.Волчека 11
- ДРАГОМОЩЕНКО Аркадий. Фосфор 36–38
Воссоединение потока 43
Устранение неизвестного 50
- ДУЛЭРАИН Александр. Эссе о Набокове 34
- ДУЛЯИН В.Ф. Подробная антиципация о потерянной перчатке 17
- ДЭБИЛ Евгений. Фонари 11
- ДЮРАС Маргерит. Человек с Атлантики, перевод О.Волчек 11
- ЕРОФЕЕВ Виктор. Карманный апокалипсис. 30
- ЖОЛКОВСКИЙ Александр. На полпути к Тартару 37
- ЗАК Л.В. (ХРИСАНФ). Княжна Каракатицева 45/46
- ЗАМЯТИН Евгений. Мученики науки 13
- ЗИНГЕР Айзек Башевис. Друг Кафки, перевод Г.Начинкина 11
- ИГНАТОВА Елена. Правдивый рассказ о том, как некий рыцарь
Педивер обманом обезглавил жену свою, как принял он обет
искупить вину, странствовал и прибыл к римскому папе, и как,
раскаившись, окончил дни свои в нашем грешном мире 2
- ИОССЕЛЬ Михаил. Жизнь на поле 7
- КАПОТЕ Трумэн. Одно рождество, перевод Л.Дмитриева 13
- КАРИНСКИЙ С. Экскурсия 24
- КАФКА Франц. Блумфельд, пожилой холостяк, перевод Г.Начинкина 9/10
Миниатюры и заметки, перевод В.Р. 9/10
- КАЦОВ Геннадий. И ветер 27
И ты, Капернаум.. 34
- КИСИНА Юлия. Реконструкция коктейбельских холмов 31
Конец романа. Роженица. Незримое колыхание
остриженных волос новобранца 33
Памяти модерна 24
- КИССИН Самуил. Летом 190^х года. Публ. Дм.Волчека. 16
- КОЖЕВНИКОВ Петр. Дупло. Вариант. 6
- КОМАРОВ Сергей. Слепые 32
- КОМАРОВ Сергей, ФЕНЕВ Павел. Большие мальчуки 42
- КОМАРОВА Ольга. Крыса 1
Комаровство 11
Савл, Савл.. Херцбрудер. Раав блудница 13
Приключения дочки 16
Великопостные салочки 18
Сороковой день 20
Грузия. Ублюдок 22/23

- КОНДРАТЬЕВ Василий. Жизнь Андрея Николаева 30
 Девушка с башни. Соломон. 39
 Фамильные черты 47/48
 Бутылка писем 49
- КОНСТАНТИНОВ Дмитрий, НЕЙМАНД Денис, ПЕТРОВСКИЙ Александр.
 Камни спаренные, камни одиночные 35
- КОРОВИН Сергей. Приближаясь и становясь все меньше и меньше 4
- КОРОВЬЕВ Бен. Добрый злодей Кристофер Упс
 и Пикколо Иок – деревянный хук 25
- КРУЧЕНЫХ Алексей. Тексты разных лет. Публ. Вл.Эрля 8
- КУРИЦЫН Вячеслав. Факультет пролонгированного кота 33
 Любовь постмодерниста 37
- ЛАПИЦКИЙ Виктор. Муравьи 47/48
 Стоп 49
- ЛЕВКИН Андрей. Рассказ имени Саши Соколова. Перевод. 25
 Эзотерика соц–арта. Тестировка X. 25
 Мы вас вычеркиваем, сэр 29
 Рассказ романа. 30
 Полутемная комната во время конца света. 30
 Похвальное слово обмолвкам. Революционный этюд 30
 Очерк 34
 Начала новой еды 41
 Из десятого года, рассказы 43
- ЛЕЩУК Олег. Чмо 28
 Тетя Поля дарит мне апельсин. Причастие 33
- ЛЕН Владислав. Иноходец Миша Барышников 22/23
- МАККАЛЛЕРС Карсон. Отражение в золотом глазу, перевод С.О. 1
 Как я начинала писать. Искусство и мистер Махони,
 переводы Я.Зимакова 5
 Сиротство, перевод Дм.Волчека 5
 Госпожа Зеленская и король Финляндии, перевод С.О. 5
 Жокей, перевод С.О. 6
 Переписка, перевод Дм.Волчека 12
- МЕНДЕЛЬСОН Суламифь. Побег 19–21
- МЕРТВЫЙ Андрей. Главы из романа "Девочка и медведь" 11
- МИСАКОВСКИЙ Станислав. Все пути ведут к цели,
 перевод с польского А.Базилевского 29
- МИХАЙЛОВСКИЙ Никита. Сказки, письма 39
 Американский дневник 40
- МОЗАПЕВСКИЙ В.И. Золина и Макарей 45/46
- МРОЖЕК Славомир.
 Ночлег, перевод С.Николаева 6
 Гибель "Орлиного гнезда". Как я боролся.
 Mon General. Шах, переводы Е.Т. 18

- МУРАТОВ П.П. Приключение Казановы, нерассказанное им самим.
Виргилий в корзине. Новый год 45/46
- НОСКОВ Георгий. Чудная погода 29
- ОКИНИЧЕВ Всеволод. Сила солнца. "Рио Рита". Железное солнце 16
- О'КОННОР Фланнери. Домашний уют, перевод Дм.Волчека 50
- ПАНИН Никита. Дар сердечный 9/10
Все реки на юг 14
- ПОДРАБИНЕК Пинхос. Страницы жизни 26 – 50
- Группа "Психоделикон". Безумие и смерть Владимира Ильича 34
- ПЫРТРУ Алексей, Коленька. Весенние прелюдии 13
- РАДОВ Егор. Рассказы 26
- РАЗУМОВСКИЙ Олег. Между двух 24
С советским акцентом 28
Смурная жизнь 32
- РОДИТИ Эдуард. Через игольное ушко, перевод В.Кондратьева 43
Из книги "Услады Турции", переводы В.Кондратьева 49
- РОМАНОВ Юрий. Экклезиа 16
Coitio ergo sum. Зима чувств. Южноамериканская версия. 18
Пять законов искусств. Симург. Природа жизни. 18
Хайр. Одежды плоти. Дабл Ю. 26
За восемь часов утрат 30
Подвиг. Сон разума рождает психоз. Анима корпо люпус эст. 34
Зимние хроники. Быть как дым. 39
- РУБИНШТЕЙН Лев. С четверга на пятницу 8
- РУДНЕВ Вадим. Страсти по Кукушкину 34
- РЫБОВИЧ Ян. Проза, перевод с польского А. Базилевского 36
- САВИЦКИЙ Сергей. Понаслышке, предисловие А.Скидана 44
- САКИ. Псы судьбы, рассказы, перевод с англ. В.Кондратьева 45/46
- САРНА Ян Владислав. Из записок Славомира Карского,
перевод с польского А.Базилевского 26
- СИНИЦЫН АЛЕКСЕЙ. Недоразумение. Джентльмены. Местечко С.
Миниатюры 18
- СКАРД-ЛАПИДУС Арнаут. Сад пыток 24
"Комиксы 32
- СОРОКИН Владимир. Кисет. Дорожное происшествие 11
- УАЙНБЕРГЕР Элиот. Бумажные тигры, перевод В.Кучерявкина 47/48
Мечта Индии, перевод М.Хазина 41
- УРМУЗ. Измаил и Турнавиту, перевод Л.Долгошевой 11
Воронка и Стамате, перевод К.Думитру 11
- ХАРИТОНОВ Евгений. По канве Рустама 5
Нельюющий русский. Рассказ одного мальчика: "как я стал таким".
В холодном высшем смысле. Листовка. 32
- ХЕРБЕРТ Збигнев. Мифология комнаты смеха,
перевод с польского А.Базилевского 30

- ХЛОБЫСТИН Андрей. Парадиз. 16
ХОХРЕВ Александр. Все твои слезы. Инверсия 11
ХРЕНОВ Сергей. Показания соучастника 8
ЧИРСКОВ Федор. "Ното повус" povus 18
ШАРШУН Сергей. Долголиков 14
ШЕЛИН Сергей. Небесный мандат 24
ШЕЛЬВАХ Алексей. Ирои-комическая поэма 25-27
Правдивое повествование о сэре Тристраме Шотландском. 43
Поэма о сэре Ричарде Разочарованном 50
ШМЕЛЕВА ТАТЬЯНА. Воспоминания о Волошине 12
ШМЫРИН Олег. Опубликованные письма 50
ШНУРЕНКО Игорь. Ля. 1909, Герои: 31, 40
Театр-джихад 41-43
ШУЛЬЦ Бруно. Одиночество, перевод с польского ОАбрамович 6
Санаторий "Под клепсидрой", перевод ОАбрамович 9/10
Другая осень, перевод С.Н. 13
ЩЕРБИНА Татьяна. Исповедь шпиона. 21
ЭРЛЬ Владимир. Гибель сливочного мороженого. Бикарбонат
римский. Август 14-го. 4
В поисках за утраченным Хейфом 8
ЮРКУН Ю.И. Софья-Доротея. Петрушка. 45/46

ТЕАТР

- БАБАНСКИЙ Леонид. Разве мы плохо себя ведем? 19
БЕККЕТ Сэмюэль. Звуки шагов, перевод Дм.Волчека 3
Комедия, перевод Я.Зимакова 7
Счастливые деньки, перевод Я.Зимакова 12
Головешки, перевод Я.Зимакова 18
Всяк падающий, перевод Я.Зимакова 22/23
БРЕТОН Андре. СУПО Филипп. Как вам угодно, перевод В.Кондратьева 41
ВИШНЕВСКИЙ Андрей. Шаровая молния из Джиннистана 19
ГУНИЦКИЙ Анатолий. До самых высот 34
ДРАГОМОЩЕНКО Аркадий. Пагубная страсть к театру 6
ДЮРАС Маргерит. Шага, перевод С.Дмитриева 8
КИСИНА Юлия. Действующие лица 13
КИССИН Самуил. Месть негра. Публ. Дм.Волчека и Л.Киссиной 16
КОКТО Жан. Орфей, перевод с франц. 2
МАККАЛПЕРС Карсон. Корень квадратный из прекрасного,
перевод Л.Позняковой 3
М.Дм. Буффон 12
ОЛДИСС Брайен. Тринадцать мироведческих пьес для антитеатра,
перевод А.Скард-Лapidуса 42

- ПИНТЕР Гарольд. Вечерняя школа, перевод А.Сергиевского 16
ПИСАРЕВСКИЙ Андрей. Жизнь Гойко Митича 35
ПСЕВДОНИМОВ Сергей. Борей 11
РАДОВ Егор. Иаков Сталин 18
СОРОКИН Владимир. Землянка 17
Пельмени 18
СПИРИХИН Сергей. Ужин при свечах 39
УАЙЛДЕР Торнтон. Долгий рождественский обед,
перевод С.Черкасского 6
ХОДАСЕВИЧ Владислав, ПОПОВ Николай. Счастливое заблуждение,
или Выбор Пьеретты. Публ. Дм.Волчека 11
ШНУРЕНКО Игорь Ля. Путь птицевода 30
Обитель вееров на продажу 33
ЮХАНАНОВ Борис. Сад. Проект аттракциона-мистерии 34
ЮХАНАНОВ Борис. "Галерея-Оранжерея", каталог 39
ЮХАНАНОВ Борис, ХАРИКОВ Юрий, КУЗНЕЦОВ Андрей.
"Шагреновая кожа" 32

БЕСЕДЫ

- с Игорем БЕЗРУКОВЫМ 30
с Геннадием БРЕВДЕ. "Там счет начинается с другой стороны" 24
с Иосифом БРОДСКИМ: "Эмигрант признается в любви к английскому" 17
с Хансом БЬРКЕРГРЕНОМ 35
с Дональдом ВЕССЛИНГОМ 8
с Митей ГОРОШЕВСКИМ: "По сумме причин" 34
с Сергеем ДОБРОТВОРСКИМ 28, 33
с Александром ЗЕЛЬДОВИЧЕМ: "Интервью" 40
с Михаилом ИОССЕЛЕМ 6
с Юлией КИСИНОЙ и Сергеем РАДЛОВЫМ:
"Красивую женщину должен облизывать красивый мужчина" 24
с Юлией КИСИНОЙ: "Вранье про Англию" 36
с Сергеем КОМАРОВЫМ: "Их не хотелось забывать" 32
с Сергеем КУРЕХИНЫМ и Борисом ГРЕБЕНЩИКОВЫМ 3
с Тимоти ЛИРИ 29
с Алой МИТРОФАНОВОЙ: "Что, кроме булочек и чая" 45/46
с Александрой ПЕТРОВОЙ и Глебом МОРЕВЫМ:
"Как в фильмах Феллини" 45/46
с Сергеем РАДЛОВЫМ: "Башня" 35
с Авитал РОНЕЛЛ 50
с РОДИОНОМ 3
с Игорем САВОСТИНЫМ 33
с Александром СОКУРОВЫМ 30

- с Владимиром Н.СОРОКИНЫМ 28
с Виктором СОСНОРОЙ: "Откуда Вы знаете?" 41
с Михаилом ТАЛАЛАЕМ: "Ты, как младенец, спишь..." 28
с Михаилом ТРОФИМЕНКОВЫМ 28
 "Голландия, наша историческая родина, страна
 победившей революции" 29
 "Послушай... ты ходил по гравию?..." 37
 "По утрам все разговаривали шепотом" 44
с Андреем ХЛОБЫСТИНЫМ и Аллой МИТРОФАНОВОЙ "По Парижу..." 32
с Ольгой ХРУСТАЛЕВОЙ 28, 33
с Игорем ШНУРЕНКО, Олесей ТУРКИНОЙ и Виктором МАЗИНЫМ:
 "А эти — соотечественники!" 40
с Борисом ЮХАНАНОВЫМ 33

ИЗЫСКАНИЯ

- АБАЛАНОВА Наталья, ЖИГАЛОВ Анатолий. Тотарт 22/23
АБРАМОВИЧ Ольга. Посильный вклад в щербино- и коровиноведение 25
АВРУТИН Сергей. Медный всадник" Фальконе с точки зрения
 психоанализа 12
АЛЬТШУЛЕР Александр. Комментарии внутри стихов 26
 Заметки о творчестве ЛАронсона 27
АНДРЕЕВА Екатерина.
 Гибель богов, или "Книга о вкусной и здоровой пище" 33
 Миф итальянской культуры в русском художественном сознании
 1900-х годов 37
 Фашистское искусство Италии и национал-социалистическое
 искусство Германии в советской художественной критике
 1934-1935 гг. 37
АНУФРИЕВ Сергей, БУГАЕВ Сергей (АФРИКА). Дональдеструкция 35
АРИСТОВ Владимир. О поэтике малых вещей в лирическом музее 44
БАЗИЛЕВСКАЯ Светлана, САЖИНА Вера. Открытый диагноз 27
БАРАБАНОВ Евгений. Модернизм, авангардизм и постмодернизм 20
БАРАНОВ Вадим. Бедность мира и полнота текста 30
БАРТ Ролан. Смерть Автора, перевод А.Драгомощенко 16
БЕРЕЗОВЧУК Лариса.
 Рок-музыка как интерпретационная деятельность 25
БЕТЕА Дэвид. Обретение дома, перевод Дм.Волчека 9/10
БИРЮКОВ Сергей. "Эй, житель, лети же!" 28
БЛАЗЕР Михаил. Сократ и Алкивиад 42
БЛАНШО Морис. Взгляд Орфея, перевод А.Драгомощенко 32
 Последний - говорить, перевод А.Скард-Лапидуса 44
БОРУХОВ Борис. Вертикальные нормы стиля 25

- БРАЖНИКОВ Илья, МАНАННИКОВ Алексей, КУЗЬМИН Дмитрий.
Большой коллективный взгляд на новую литературу, 1991. 38
- БУРШТЕИН Аркадий. Поэзия? Нет, ритуал 22/23
- ВАСЮТОЧКИН Георгий. Этюды о Ходасевиче 14
- ГЕРШЕНЗОН Павел. Бонжур, тристесс 50
- ГИГЕРИЧ Вольфганг. Выход из потока событий:
Океан и кровообращение, перевод А.Драгомощенко 43
Производство времени, перевод А.Секацкого 47/48
- ГРИГОРЬЕВ В.П. Хлебников в русской культуре 20 века 20
- JOYCE Michael. Notes toward an unwritten non-linear
electronic text: "The End of Print Culture" 43
- ДОБРОТВОРСКИЙ Сергей. Тотальный кинематограф — киномеханика 24
- ДОБРОТВОРСКИЙ Сергей, МЮЛЛЕР Анна.
Чапаев: результаты оказались чудовищными 36
- ДОБРОТВОРСКИЙ Сергей. Есть кое-что похуже графомании 42
- ДОЛГИХ Елена. Свидетель как он есть 38
- ДОЛГИХ Елена. Отлив влияний 45/46
- ДРАГОМОЩЕНКО Аркадий. Эротизм за-бывания 40
Тень чтения 45/46
О песке и воде 47/48
- ЗЕЛЬДОВИЧ Александр, ДРАГОМОЩЕНКО Аркадий.
Как пух от губ 42
Те времена, когда можно было говорить: "Прошли
те времена." — прошли 43
- ИВАНОВ Вяч.Вс. Антропологические теории
"горячих" и "холодных" культур и история авангарда 20
- ИЗЮМСКИЙ Андрей. Рок-культура и куртуазный идеал рыцарства 7
- КАРАСЬ Алена. Театральные студии Москвы 80-х годов 24
- КЕДРОВ Константин. Новая семантика (Обзирюты и Хлебников) 20
- КОНДРАТЬЕВ Василий. Предчувствие эмоционализма
(МА.Кузмин в мире "новой поэзии") 34
- КУШЕВ Владислав. Морфология поэтического сознания 25
Поэтическая функция и язык квантовой электродинамики 30
- ЛЕВКИН Андрей. Абстрактная проза 25
Чапаев: место рождения — Рига (новое о Г.И.Гурджиеве) 36
Бродский. Римские элегии 37
- ЛЕВКИН Андрей, ХРУСТАЛЕВА Ольга. Коты и культура 33
- ЛЕН Владислав. Древо русского стиха (концепция бронзового века) 4
- ЛЕО Д. Секс, смерть и Красная Шапочка, перевод Э.Фл. 1
- МАЗИЦ Виктор. Текст—contra—текст 25
Сними красную шапочку 33
Мифы по Италии 37
- МАЛЬМСТАД Джон, ХЬЮЗ Роберт.
Владислав Ходасевич и Борис Садовской 9/10

- МИТРОФАНОВА Алла.
Диснейленд как "середина" культуры: Небодрийаровская Америка 34
О культурно-исторических формах чувственности, которых у нас пока две 49
- МОЛНАР Майкл. Предисловие к стихам А. Драгомощенко, перевод Г.С. 4
Странности описания, перевод А.Д. 21
- НАБОКОВ В.В. Максим Горький. 19
- ПАЗУХИН Евгений. Покаяние Художника 7
- ПАПИНАКО Иван. Вещие сны и их толкование 17
- ПЭРЛОФФ Мэрджори. Конец сезона 41
- РАЗУМОВСКИЙ Олег. Тотарт 34
- РАСТИ Виктория, Андрей Белый в восприятии современников 12
- РОМАНОВ Юрий, СУЧИЛИН Андрей. Театр детей и зверей 31
- РУДНЕВ Вадим. Прагмо-поэтика и модальная семантика 24
Частица "как бы" как элемент модального мышления в логико-философском контексте 25
Принципы прозы 29
Винни Пух in a Wonderland 33
Исторические корни сюжета 38
Основания философии текста 40
Логика пространства и философия сюжета 44
Стихосложение Елизаветы Мнацакановой 45/46
- РУДЯЕВА Ирина, СКИДАН Александр. "не насильно..." 44
- РЫЖЕНКОВ Сергей. Демонстрация фактуры в современной поэзии 25
- САВЧЕНКОВА Нина. К феноменологии одного местоимения 38
- СЕВЕРСКАЯ Ольга. О "синтезе поэзии, философии и науки" в современном авангарде 25
- СЕВЕРСКАЯ Ольга, ГРИГОРЯН Марк.
Джаз в поэзии. Опыты партитурного чтения 30
- СЕКАЦКИЙ Александр. Ловушки времени 47/48
Поэзия и мантра 45/46
Пределы и беспредельность постгенитальной сексуальности 49
Война как шедевр (совместно с Юлией Кисиной) 50
- СКИДАН Александр. Л/абрис воды 47/48
Урны праздные пиров 49
Рыба 50
- СМИТ Дж.С. Просодия поэзии русской эмиграции, перевод Д.Бушуева и А.Безобразова 8
- СПИВАК Дмитрий. Лингвистика измененных состояний сознания 30
- Споры о поэзии Парщикова (Б.Иванов, С.Стратановский, А.Драгомощенко, Д.Волчек, В.Кучерявкин) 3, 4
- СТАВСКИЙ Феликс. Пустоты в качестве формообразующих элементов концептуальной журналистики 8

- СТЕПАНОВ Александр. Леонид Аронзон: Главы о поэтике 4
ТРОФИМЕНКОВ Михаил. "Новое мышление" "новых художников" 20
 Война конца века 50
ТУЛЬЧИНСКИЙ Григорий. Культура и мифократия 31
УОТТЕН Барретт. Введение в букву Т, перевод А.Драгомощенко 44
 XYZ чтения, перевод А.Драгомощенко 41
УФЛЯНД Владимир. Один из витков истории питерской культуры 26
ФИШЕР Кинг. Островитянин 39
ХЛОБЫСТИН Андрей. Всюду жизнь (Спасение Европы) 47/48
ХЛОБЫСТИН Андрей, МИТРОФАНОВА Алла.
 Русское чувство формы в искусстве 18–20 веков 20
 Заветная дверца Пиноккио 37
ХРУСТАЛЕВА Ольга. Повествование как способ обновления 25
 Вычеркивание как смысл 29
 Упаси Господь говорить это ровно вот про этого автора 42
 Конец века 50
ХЭГГЛАНД Роджер. Poleмика Адамовича и Ходасевича,
 перевод М.Т. 9/10
ЦИВЬЯН Ю.Г. Старое и новое как понятийные операторы
 самоописывающих моделей в искусстве 20
ЧОРБА Евгений. Медленное видео Бориса Юхананова 25
 Красные, белые и рыжие 29
ШЕЛИН Сергей. Риторика власти в 20–30 годы 26
ШНАЙДЕР Алан. В ожидании Беккета, перевод З.В. 18
ЩЕРБИНА Татьяна. Последний случай 30
ЭПЛИОТ Викки. Голоса Сэмюэля Беккета, перевод Я.Зимакова 9/10
ЮСФИН Абрам. Новый язык, новая семантика и новая функция музыки 20
ЮХАНАНОВ Борис. Театр театр: заметки к истории, жанру, методу 24
 Теория видеорежиссуры 25
 И болезнь человека может смахивать на принадлежность
 к культуре, когда культура больна 42
ЮХАНАНОВ Борис, ХАРИКОВ Юрий. Внутри междометия 39

КОЛЛЕКЦИЯ

- Пол БОУЛЗ, Эдуард РСДИТИ. Переписка, перевод В.Кондратьева 49
"Мастер жрет сам". Сборник палиндромов и родственных им форм 28
Никита МИХАЙЛОВСКИЙ. Время года 49
Глеб МОРЕВ. "...Когда Вы называете меня Майкель"
 (Письма и записки Ю.И.Юркуна М.А.Кузмину) 44
Юрий ЮРКУН. Письма и записки 44
Семен САМАРИН. На память о Жаке Риго 47/48
Виталий СТЕПАНОВ. Фрагменты словаря 50

- Жак РИГО. Серьезен как удовольствие, перевод С.Самарина 47/48
Пьер Дриё Ла РОШЕЛЬ. Прощание с Гонзаго, перевод С.Самарина 47/48
Даниил ХАРМС. Из неопубликованного 7
Владислав ХОДАСЕВИЧ. Письма Б.Садовскому 9/10
Письма А.Тянякову 9/10
Письмо Ф.К.Радецкому 11

КРИТИКА, ПУБЛИЦИСТИКА

- АБРАМОВИЧ О. О Коленке и Васятке (два рассказа А.Пыртру) 13
С отвагою, но без понятия (журнал "Наш современник"
против сборника "Круг") 11
А.И. Зеленый рок нашей красной страны 9/11
БАРАШ А, БАЙТОВ Н. О романе В.Ерофеева "Русская красавица" 7
БАРСЕГЯН Н. Куда подевалась тайна? 21
БЕЛЯЕВА С. По-прежнему под домашним арестом 32
БЛЕЙК П. Советская литература движется на Запад, перевод Л.Д. 1
Вокруг мемориала жертвам сталинизма 17
ВОЛЧЕК Д. Сколько осталось жить самиздату? 9/10
Открытое письмо Вадиму Лурье 17
ГУДМЭН У. В поисках гласности в Ленинграде, перевод Н.Н. 18
ДОЛГИХ Е. "Вестник новой литературы" 35
ДРАГОМОЩЕНКО А. В зоне одушевления (замечания к статье М.Иоссея
"Свет в темном углу") 2
ДУДИНСКИЙ И. Что такое "московская идея". Первое приближение 6
ЗЕЛИНСКАЯ Е. "Сочтемся славою..."? 18
К.Г. Продолжаем петь: Петербургский рок-1985 4
Примечания к статье 7
К независимым деятелям русской культуры 17
К общественности Ленинграда 17
КОВАЛЬСКИЙ С. Весенняя выставка ТЭИИ 1986 г. 11
КОН Г. Дуэт лица и маски (некоторые мысли,
возникшие за чтением Д.Волчека) 4
КОНСТАНТИНЧЕНКО А. Погорельцы, или культпоход на казнь 13
КОРЛИСС Р. Убогий Оскар, перевод М.Т. 4
КУЗЬМИН Дмитрий. Молодые поэты – о поэзии и о себе 44
ЛЕВКИН А, ХРУСТАЛЕВА О.
Рецензия в трех концептах и с эпиграфом 21
ЛУРЬЕ В. Становиться ли Радищевым? 18
Л.Ц. В Отечестве не без Поэта 8
МАКГРАЙС А. Новая живопись русских 13
МИНЕВ К. Теперь все можно рассказать 13
Московские концептуалисты в гостях у ТЭИИ 11

- Обращение Комитета по содействию Конституции СССР 18
Обращения патриотического общества "Память" 13, 18
ОРВЕЛЛ Дж. Рецензия на роман Е.Замятина "Мы", пер. М.Т. 13
Послание ветеранов ВОВ президенту Рейгану 16
ПУХОВИКОВ А. К вопросу о "московской идее" 6
Р.О. Бешеное христианство (по поводу последних выступлений
С.Стратановского) 9/10
РУДНЕВ В. В поисках утраченного структурализма 32
САВЧЕНКОВА Н. "Третья модернизация" 35
САЖИНСКИЙ П. Издательства без адреса, перевод А.Базилевского 29
Свободу А.Горловскому! 8
Совещание редакторов независимых изданий 17
СЭИНТ. Оставьте музыку музыкантам! 8
Возвращение Михаила Арцыбашева 9/10
ХАНАН В. Картинки культурного быта 16
Хроника ТЭИИ, предисловие С.Ковальского 8
Хроника ТЭИИ: февраль 86 – август 86 11
ХУСАРСКА А. Социалистический сюрреализм в Польше,
перевод В.Мазина 24
ШРАММ Г. Дискуссия о притаившихся 7

ОБЗОРЫ, ЗАМЕТКИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ, ХРОНИКИ

- АВРУТИН Вячеслав. О некоторых культурологических моментах
жизнедеятельности, или Обаяние непосредственности 43
БРОДСКИЙ Иосиф. Нобелевская лекция 18
ВОЛЧЕК Дмитрий. Речь при вручении Вл.Эрлю премии им.А.Белого. 9/10
ГВАТТАРИ Феликс. Текст для русских 47/48
ДМИТРИЕВ Линдон. Обзоры периодики 7, 8
ДРАГОМОЩЕНКО Аркадий.
Речь при вручении А.Парщикovu премии им.А.Белого 8
Белая премия 25
Памяти Феликса Гваттари 47/48
ЗАВЕРНЯЕВ Анатолий. Эпистолярный. 16, 26
ИОССЕЛЬ Михаил.
"Правда зависит от того, кем и кому она сказывается" 13
КЕНЖЕЕВ Бахыт. Романов Юрий.
Переписка по поводу одного стихотворения 33
КИСИНА Юлия. Железный авангард в поисках новой русской идеи 31
КЛИНЕВИЧ С. Трактат о пользе капустного сока 12
Книжное обозрение 33
Комар и Меламид в Москве 31
КОН Георгий. Закрытое письмо Ольге Хрусталевой 29

- <КОН Георгий> ЛДМ. 23.04.89. "Спаси и сохрани". После. 28
КОНДРАТЬЕВ Василий. Памяти Эдуарда Родити 45/46
КОРОВИН Сергей. "Веселый гимн прекрасному искусству"
(о художнике БЖердине) 22/23
"Кусок дымящейся совести" (комедия нашей жизни) 28
ЛЕВКИН Андрей. "Господа коллеги!. Мы вошли в область
простых существований" 47/48
МАЗИН Виктор. Написание грусти Баби 30
МАЛЯВИН Владимир. Речь при вручении премии им.А.Белого 29
МИХАЙЛОВА Татьяна, АБРАМОВИЧ Ольга. Переписка. 41
"Море, камушки, песок." 45/46
НАРАЙКИНА Инна. Поэты из Тарту 33
О журнале "Художественная литература" 39
О журнале "Кабинет" 40
О журнале "Комментарии" 41
О журнале "Место печати" 42
О журнале "Postmodern Culture" 43
О журнале "Художественная воля" 47/48
ОСТАНИН Борис. Дополнение 25
Открытое письмо (Новозеландский вариант) 27
ПИСАРЕВСКИЙ Андрей. Калининград как последний бастион
коммунизма в Европе 36
РУДНЕВ Вадим. Хорошая полемика 29
СОЛОМОН Эндру. Башня иронии, перевод Олеси Туркиной 40
СПИРИХИН Сергей. Санкт-Петербург, проездом. 39
ТУРКИНА Олеся, МАЗИН Виктор. "Умелые ручки" 33
ШМЫРИН Олег. Поэтика текстштурма 49
ЩЕРБИНА Татьяна. Отечественная культура за последние три года 29
ЭРЛЬ Вл. По поводу инсинуаций ККК 8
ЮГАНОВ И.Ф. ТИЛИ – ТИЛИ 42

ЮМОР

- "Вещий сон", народное стихотворение 21
Ю.Герцог. Три рассказа из сб. "Изображения рыб" 5
Из литнаследия: Колобок. Переписка Арсения Д. с Людой,
о романе "Ночь пирамиды" 11
Из графических произведений 19
Грузинские письма. Публ. А.Ника 5
М.Дорошенко. Сцены из старинной жизни 39
Ю.А.Дубасов — поэт. Публ. Вл.Эрля 3
"Зачем я живу на свете?" сочинения учеников 7 класса
Публ. В.Кропина 4

- Алексей Александрович К. Это коварное ЦРУ 47/48
"Как я провожу свободное время", сочинения учащихся ПТУ.
Публ. Вл.Эрля 7
- А.Карамазов. Произведения разных лет. 11
Из книги "Петербургские разбеседования" 20
- "Квадрат". Авторское свидетельство 47/48
- Р.Кено. Сказка на ваш вкус, перевод ОАбрамович 7
- Г.Кон. Эротический куб 16
- Кот Гораций. Поэма русской тройки 20
- А.Кристи. Последний сеанс, перевод КАбламского 11
- Д.И.Кротов. Живая и мертвая вода 2
- Легенды Кавказа, записанные ученицей 8 класса.
Публ.С.Коровина 3
- Дж.Д.Лигалл. Дамс дэйс 1
- Новые стихи Сатановкера. Публ. ЮА. 8
- П.Битек Окот. Песнь Лавино 20
- Е.Пивоваров. Из литературного наследия 7
- Поэзия и проза Джэксона 2
- Л. фон Телиан. Из книги "Четыре содержания" 2
- Н.Тряпкин. Из книги "Огненные ясли" 7
- Лев Яснополянский. Три очерка 2

МИТИН ЖУРНАЛ

Издается с января 1985 года

Главный редактор Дмитрий Борисович Волчек
Секретарь редакции Ольга Абрамович
Автор логотипа журнала Александр Акимов
Автор обложки Александр Помпеев

Адрес редакции:
Россия 199406 Санкт-Петербург
Наличная ул. 37-1-13
Телефон/факс: (812) 352 4754
e-mail: atd@hm.spb.su

*Журнал распространяется по подписке
и продается в Художественном Центре "Борей",
Санкт-Петербург, Литейный проспект, 58
и в Салоне Некоммерческой Литературы
"19 Октября",
Москва, 1-й Казачий пер., 8*

ТОО "Ривьера". Заказ 2368. Тираж 1000. 18.10.93 г.

